

05
к-47

жк-15943

КЛАДЪ

ЖУРНАЛЬ

политики, общественной жизни, народного хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

1907 г. — Книга 6-я.

Безплатное приложение

къ иллюстрированному журналу и газетѣ

„РОДИНА“

1907 г.

Выходить два раза въ мѣсяць (24 книги въ годъ).

ИЗДАНИЕ А.А.КАСПАРИ

С.Петербургъ. Лиговская ул. соб. д.114 и Садовая ул. 20
Москва. Петровскія линіи.

Издатель А. Каспари.

Редакторъ Н. Каспари.

„КЛАДЪ“

Журналъ
политики, общественной жизни, народного хозяйства,
науки, литературы
и свѣдѣній изъ практической жизни.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 книги въ годъ).

Книга 6-я—1907 г.

Издание А. А. Каспаря.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Издательство А. А. Каспаря, Лиговская ул., соб. д., 114

ЖС 15943

Графическое заведение «Родины» (А. А. Каспаря),
Спб., Лиговская ул., соб. д., № 114.

Восторги и охлажденіе.

Иллюстрація момента.

Первая мартовская пятница въ текущемъ году была днемъ широкой масленицы, и вотъ сквозь звонъ, шумъ грохотъ и гулъ всероссійскаго масленичнаго карнавала прорѣзался громъ обвалившагося въ государственной думѣ потолка. Судьба пощадила избранныхъ много-страдальнаго русскаго народа, смерть на этотъ разъ не коснулась ихъ и, кто знаетъ, можетъ быть, тотъ моментъ, когда съ потолка стараго дворца сыпались на депутатскія кресла, мелча ихъ въ дребезги, десятки пудовъ окаменѣвшей штукатурки, былъ поворотнымъ моментомъ въ русской исторіи послѣднихъ лѣтъ. Конечно, говорить—это вовсе не значитъ быть пророкомъ или стараться сдѣлаться имъ. Точно такъ-же оптимизмъ въ переживаемое время — „вещь“, не совсѣмъ подходящая къ существу свершающихся событій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, русскій народъ пережилъ столько испытаній, что желать конца имъ, молиться о томъ, чтобы этотъ конецъ наступилъ, долженъ всякій, кто хотя немного любитъ бѣдную нашу родину.

Не столько страшны самая борьба, и самый пожаръ, сколько поражаемая ими муть, смута, распадъ, разладъ, расколъ. Въ нихъ таится источникъ тяжелѣйшихъ испытаній и поэтому вполне позволительно желать, чтобы обвалъ думскихъ потолковъ былъ поворотнымъ моментомъ отъ пережитыхъ бѣдъ и напастей къ наступающему лучшему будущему.

Подобное желаніе нисколько не будетъ отдавать суевѣріемъ. Попробуйте послѣдить за болѣзнью — все равно какой-нибудь, и вы непременно увидите въ теченіи ея моментъ, называемый „кризисомъ“. Кризисъ, или переломъ всегда своеобразенъ и выражается какимъ-либо явленіемъ весьма бурнаго характера. Послѣ

него почти немедленно обнаруживаются признаки, указывающіе на то, что болѣзнь идетъ къ своему естественному концу — тому или другому, это все равно. Дай Богъ, чтобы день 2-го марта былъ днемъ перелома къ лучшему, и есть кое-какіе факты, какъ-будто указывающіе на это.

Въ самомъ дѣлѣ, припомните, какія тревоги вызвало открытіе второй думы, сколько ведеръ чернилъ ушло на доказательство того, что вторая дума не работоспособна, что правительство непременно „разгонитъ“ ее, едва успѣвъ собрать, что оно уже занято подготовленіями къ собранію третьей думы. Припомните, какіе разговоры шли о намѣреніяхъ вошедшихъ въ думу „правыхъ“. Вѣдь, съ „неоспоримой“ обоснованностью было доказано, что правые вошли въ думу лишь затѣмъ, чтобы облегчить правительству ея разгонъ. Въ день открытія думы поведеніе уличной черни и нѣкоторыхъ лѣвыхъ депутатовъ до-нельзя смутило общество и тогда уже было рѣшено, что самый долгій срокъ существованія думы—нѣсколько часовъ.

Прошло нѣсколько дней — дума продолжала свое существованіе и налицо не оказывалось ни малѣйшихъ признаковъ предстоящаго ея разгона. А день 6-го марта, когда премьеръ-министръ прочиталъ въ думѣ правительственную декларацию съ весьма обширнымъ перечнемъ вносимыхъ на обсужденіе государственныхъ выборныхъ законопроектовъ, показалъ воочию, что правительство не только не помышляетъ разгонять думу, но, напротивъ того, собирается съ нею весьма и весьма серьезно работать. Этимъ самымъ сразу были зажаты рты всевозможнымъ кассандрамъ и положеніе думы сразу-же довольно основательно упрочивалось.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, при обсужденіи правительственной декларации, при самомъ приѣмѣ ея государственными выборными, дума показала себя лицомъ предъ всѣми. Да, эта—не прежняя блестящая, кипучая, страстная первая дума. Порывистости отъ нея и ждать нечего; въ ней не будутъ костить на чемъ свѣтъ стоитъ министровъ, но зато и министры не посмѣютъ отнестись ко второй думѣ такъ, какъ относились ихъ предшественники къ первой. Ясно стало, что никакой „товарищъ“ въ министерской ложѣ, каковъ-бы ни былъ его

„темпераментъ“, не посмѣеть обозвать хулиганами народныхъ избранниковъ, признанныхъ монархомъ „лучшими людьми“ въ Россіи; ясно стало, что правительство сможетъ и даже очень легко, можетъ быть, распустить вторую думу, но не осмѣлится разогнать ее, и что, будучи распущены, государственные выборные юристическіе выборгскіе „манифесты“ выпускать не будутъ.

Сама нѣкоторая сѣрватость думы явилась залогомъ ея здоровья. А то, что она „сѣрвата“, никогда въ ущербъ ея достоинству служить не могло-бы. Вѣдь, на свѣтѣ все условно; римскіе папы условно признаны непогрѣшимыми, а сколько изъ нихъ при жизни заслуживали висѣльцы, а послѣ смерти—самаго жаркаго мѣста въ аду! Но это нисколько не мѣшало имъ быть на своемъ престолѣ „непогрѣшимыми“. Такъ и съ парламентомъ, гдѣ-бы онъ ни былъ. Признается вездѣ и всюду, что подобнаго рода форма правленія лучшая, что народъ, посылая въ парламентъ своихъ избранниковъ, кто-бы они ни были, выражаетъ свою волю, которую необходимо признавать и съ которой нужно считаться. У верховной власти есть могучее средство противъ непригодности парламента—республика его.

Пока этого нѣтъ, думу нужно признавать идеальной въ такомъ видѣ, въ какомъ она есть въ наличности. Нужно помнить, что и вообще-то ничего идеальнаго нѣтъ и быть не можетъ, и нужно мириться съ тѣмъ, что наиболѣе подходитъ къ идеалу, хотя-бы и было въ то-же время очень и очень далеко отъ него. Какъ-будто именно этого взгляда на думу держится и правительство.

На нашъ взглядъ, правительственная декларация именно такая, какая необходима для думы, обладающей желаніемъ работать для блага отечества. Если-бы Горемыкинъ выступилъ предъ первой думой съ чѣмъ либо подобнымъ, то весьма вѣроятно, что и судьба этой первородной дочери русскаго народа была-бы иная. Но тогда „бюрократы сферъ“ ничего сдѣлать не сумѣли, не смогли сдѣлать и, конечно, общество уже вполне оцѣнило по достоинству горемыкинское ничегонеделаніе. Теперь г. Столыпину какъ-будто удалось заставить думу приступить къ плодотворной работѣ; онъ и его соратники такъ или иначе свою работу

совершили, и если дума сама не захочет работать, то, конечно, уже сами избиратели, т. е., народъ, не похвалять тѣхъ, кому они вручили въ руки устройство своего блага въ будущемъ.

День 9-го марта, день „сорока мучениковъ“—день, когда по народному вѣрованію, „прилетаютъ грачи“ и „начинается весна“, можетъ быть сочтенъ первымъ днемъ весны русской конституціи. Въ этотъ день началась дѣйствительно конституціонная работа русскаго парламента, и работа совмѣстная съ впервые выступившимъ на конституціонный путь русскимъ правительствомъ. Въ этотъ день правительство, до сихъ поръ постоянно уклонявшееся отъ какого-бы то ни было намека на конституціонный образъ, „всецѣло и всемѣрно“ присоединилось къ предложенію имъ-же загоняемой въ подполье оппозиціонной партіи, присоединилось, конечно, лишь потому, что честно признало это предложеніе исполнѣ соответствующимъ его собственнымъ воззрѣніямъ. Это-ли не ясный признакъ того, что послѣ рокового перелома для изстрадавшейся Россіи наступаютъ лучшіе свѣтлые, конституціонные дни, въ которые становится исполнѣ возможнымъ новый пышный расцвѣтъ Руси православной?

А на другой день послѣ историческаго „девятаго марта“, прочитавъ, какъ сообщаютъ газеты, отчетъ о выступленіи наканунѣ русскаго правительства на конституціонный путь, тихо отошелъ въ вѣчность Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ умовъ, русскій великій мыслитель, по странной прихоти судьбы, въ теченіе сорока лѣтъ причинявшій своей родинѣ только бѣды, зло, одинъ изъ самыхъ непосредственныхъ виновниковъ великаго русскаго страданія. Онъ умеръ, въ его лицѣ умеръ и старый проклятый режимъ; у послѣдняго уже никогда не будетъ такихъ столповъ, какъ почившій. Пожелаемъ же ему, этому русскому православному русскому чловѣку, христіански, не злобиво царства небеснаго, но не пожелаемъ изъ чувства христіанскаго состраданія вѣчной памяти: чѣмъ скорѣе исчезнутъ съ лица земли русской слѣды сорокалѣтней политики этого отрицательнаго политическаго дѣятеля, тѣмъ скорѣе излечатся безчисленныя русскія язвы и раны. Итакъ, царство не-

бесное почившему и—шире дорогу ворвавшейся 9-го марта въ Россію жизни! Переломъ какъ-будто совершился... Шире дорогу жизни, да здравствуетъ жизнь!

И жизнь ворвалась—жизнь властная, не признающая никакихъ условностей, жизнь пылкая, страстная.

Послѣ принятія правительственной деклараціи, дума два дня говорила (именно, говорила!) о военно-полевыхъ судахъ. Въ безконечныхъ разговорахъ было весьма мало дѣла, еще меньше пракческаго смысла, но зато чувства были цѣлый океанъ, бурный, рокочущій, неудержимо катящій свирѣпые валы и мгновенно смиряющійся, когда небеса обрушиваются на него ливень.

Да, много было сказано, и только потому, что было „много словъ“, нельзя охарактеризовать думское сужденіе знаменитымъ некрасовскимъ „мало словъ, а горя рѣченька,—горя рѣченька бездонная“... Много, много горя доставила Россіи эта августовская мѣра борьбы, но велико и негодование, вызванное ею. Газетныя рептиліи разныхъ ранговъ, думая, что говорятъ умную вещь, вопили: „думу прорвало“. Этимъ онѣ желали показать, что дума перестала быть сдержанно-благоразумной, какой она показала себя въ первыя засѣданія, и даже принялись доказывать, что около думы пахнетъ роспускомъ“. Но было-бы весьма странно, если-бы въ данномъ случаѣ думу „не прорвало“: слишкомъ большое мѣсто въ организмѣ Россіи—военно-полевые суды, чтобы не воспользоваться случаемъ излить накопившуюся на душѣ горечь.

Съ другой стороны, премьеръ-министръ выказалъ на этотъ разъ не политическую дальновидность, а одно лишь бюрократически-бумажное упорство. Дѣйствіе военно-полевыхъ судовъ все равно прекращается черезъ мѣсяць, и этимъ мѣсяцемъ легко можно было-бы поступиться! А какой-бы эффектъ получился отъ такого выхода! Эсдекскіе пустозвоны и мрачно-свирѣпые „эс-эры“ загѣли-бы г. Столыпину „Славься“, а измученный народъ благословилъ-бы его за эту ничтожную подачку его оскорбленному чувству. Но этого не произошло, ангелъ мира, грустно взмахнувъ крыльями, отлетѣлъ еще разъ отъ нашей многострадальной родины...

Заявление председателя совета министровъ, прочитанное въ государственной думѣ 6-го марта. 1907 г.

Передъ началомъ совмѣстной съ государственной думой дѣятельности, я считаю необходимымъ съ возможною полнотою и ясностью представить созванному волею Монарха законодательному собранію общую картину законодательныхъ положеній, которыя министерство рѣшило представить его высокому вниманію.

Но прежде, чѣмъ перейти къ изложенію существа отдѣльныхъ законопроектовъ, прежде чѣмъ попытаться освѣтить руководящую идею правительства, я не могу не остановить вниманія государственной думы на положеніи, которое займетъ правительство по отношенію къ вносимымъ имъ законопроектамъ.

Я разумѣю существо и порядокъ ихъ защиты.

Въ странахъ съ установленнымъ правительственнымъ строемъ отдѣльные законопроекты являются въ общемъ укладѣ законодательства естественнымъ страженіемъ новой назрѣвшей потребности и находятъ себѣ готовое мѣсто въ общей системѣ государственнаго распорядка. Въ этомъ случаѣ законъ, прошедшій всѣ стадіи естественнаго созрѣванія, является настолько усвоеннымъ общественнымъ самосознаніемъ, всѣ его частности настолько понятны народу, что разсмотрѣніе, принятіе или отклоненіе его является дѣломъ не столь сложнымъ и задача правительственной защиты сильно упрощается.

Не то, конечно, въ странѣ, находящейся въ періодѣ перестройки, а слѣдовательно, и броженія.

Тутъ не только каждый законопроектъ, но каждая отдѣльная его черта, каждая особенность можетъ чувствительно отзываться на благѣ страны, на характерѣ будущаго законодательства. При множествѣ новизны, вносимой въ жизнь народа, необходимо связать всѣ отдѣльныя правительственные предложенія одною общою мыслью, мысль эту выяснить, положить ее въ основаніе всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется въ томъ, или другомъ законопроектѣ. Затѣмъ слѣдуетъ войти въ опѣнку той мысли, которая противопоставляется мысли законопроекта, и добросовѣстно рѣшить, совмѣстима-ли она, по мнѣнію правительства, съ благомъ государства, съ его укрѣпленіемъ и возведеніемъ и потому приемлема-ли она. Въ дальнѣйшей-же выработкѣ самихъ законовъ нельзя стоять на опредѣленномъ построеніи, необходимо учитывать всѣ интересы, вносить всѣ измѣненія, требуемыя жизнью, и, если нужно, подвергать законопроекты переработкѣ, согласно выяснившейся жизненной правдѣ.

Въ основу всѣхъ тѣхъ правительственныхъ законопро-

ектовъ, которые министерство вноситъ нынѣ въ думу, положена поэтому одна общая руководящая мысль, которую правительство будетъ проводить и во всей своей послѣдующей дѣятельности. Мысль эта—создать тѣ матеріальныя нормы, въ которыхъ должны воплотиться новыя правоотношенія, вытекающія изъ всѣхъ реформъ послѣдняго времени. Преобразованное по волѣ Монарха отечество наше должно превратиться въ государство правовое, такъ какъ, пока писанный законъ не опредѣлитъ обязанностей и не оградитъ права отдѣльныхъ русскихъ подданныхъ, права эти и обязанности будутъ находиться въ зависимости отъ толкованія и воли отдѣльныхъ лицъ, т. е., не будутъ прочно установлены.

Правовыя нормы должны покоиться на точномъ, ясно выраженномъ законѣ еще и потому, что иначе жизнь будетъ постоянно порождать столкновение между новыми основаніями общественности и государственности, получившими одобреніе Монарха, и старыми установленіями и законами, находящимися съ ними въ противорѣчьи, или не обнимающими новыхъ требованій законодателя, а также произвольнымъ пониманіемъ новыхъ началъ со стороны частныхъ и должностныхъ лицъ.

Вотъ почему правительство главнѣйшею своею обязанностью почло представить на уваженіе государственной думы и государственнаго совѣта цѣлый рядъ законопроектовъ, устанавливающихъ твердые устои наново складывающейся государственной жизни Россіи.

Но, прежде чѣмъ перейти къ выработаннымъ законопроектамъ, я долженъ упомянуть о тѣхъ законахъ, которые, въ виду ихъ чрезвычайной важности и спѣшности, были проведены въ порядкѣ ст. 87 Осн. Зак. и подлежатъ также разсмотрѣнію государственной думы и совѣта.

Не останавливаясь на законахъ, ведущихъ къ равноправію отдѣльныхъ слоевъ населенія и свободѣ вѣроисповѣданія, срочность осуществленія которыхъ не нуждается въ разъясненіи, считаю долгомъ остановиться на проведенныхъ, въ порядкѣ чрезвычайномъ, законахъ объ устройствѣ быта крестьянъ.

Настоятельность принятія въ этомъ направленіи самыхъ энергичныхъ мѣръ настолько очевидна, что не могла подвергаться сомнѣнію. Невозможность отсрочки въ выполненіи неоднократно выраженной воли Царя и настойчиво повторявшихся просьбъ крестьянъ, изнемогающихъ отъ земельной неурядицы, ставили предъ правительствомъ обязательство не медлить съ мѣрами, могущими предупредить совершенное разстройство самой многочисленной части населенія Россіи. Къ тому-же на правительствѣ, рѣшившемъ не допускать даже попытокъ крестьянскихъ насилій и беспорядковъ, лежало нравственное обязательство указать крестьянамъ и законный выходъ въ ихъ нуждѣ.

Въ этихъ видахъ изданы были законы о предоставленіи крестьянамъ земель государственныхъ, а Государь повелѣлъ передать на тотъ-же предметъ земли удѣльныя и кабинетскія

на началахъ, обезпечивающихъ крестьянское благосостояніе. Для облегченія-же свободнаго приобрѣтенія земель частныхъ и улучшенія надѣловъ, измѣненъ уставъ крестьянскаго банка, въ смыслѣ согласованія съ существующимъ уже въ законѣ, но оставшимся мертвою буквою, разрѣшеніемъ залога надѣльныхъ земель въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, причѣмъ приняты всѣ мѣры въ смыслѣ сохраненія за крестьянами ихъ земель. Наконецъ, въ цѣляхъ достиженія возможности выхода крестьянъ изъ общины, изданъ законъ, облегчающій переходъ къ подворному и хуторскому владѣнію, причѣмъ устранено всякое насиліе въ этомъ дѣлѣ и отмѣняется лишь насильственное прикрѣпленіе крестьянина къ общинѣ, уничтожается закрѣпленіе личности, несомвѣстимое съ понятіемъ о свободѣ челоуѣка и челоуѣческаго труда.

Всѣ эти законы вносятся на усмотрѣніе государственной думы и государственнаго совѣта.

Но наряду съ неотложными, уже вошедшими временно въ дѣйствіе, законами правительство изготавило въ области внутренняго управленія еще цѣлый рядъ законопроектовъ, также вносимыхъ въ государственную думу въ нынѣшнюю сессію.

Ранѣе всего правительство почло своимъ долгомъ выработать законодательныя нормы для тѣхъ основъ права, возвѣщенныхъ манифестомъ 17-го октября, которыя еще закономъ не установлены.

Тогда какъ свобода слова, собраній, печати, союзовъ опредѣлены временными правилами, свобода совѣсти, неприкосновенность личности, жилищъ, тайна корреспонденціи остались не нормированы нашимъ законодательствомъ. Вслѣдствіе сего, въ цѣляхъ выполненія задачи проведенія въ жизнь началъ вѣротерпимости, правительство вмѣнило себѣ прежде всего въ обязанность подвергнуть пересмотру все дѣйствующее отечественное законодательство и выяснить тѣ измѣненія, которымъ оно должно подлежать въ цѣляхъ согласованія съ указами 17-го апрѣля и 17-го октября 1905 года.

Но ранѣе этого правительство должно было остановиться на своихъ отношеніяхъ къ православной церкви и твердо установить, что многовѣковая связь русскаго государства съ христіанскою церковью обязываетъ его положить въ основу всѣхъ законовъ о свободѣ совѣсти начало государства христіанскаго, въ которомъ православная церковь, какъ господствующая, пользуется данною особаго уваженія и особаю со стороны государства охраною. Сберегая права и преимущества православной церкви, власть тѣмъ самымъ призвана оберегать полную свободу ея внутренняго управленія и устройства и идти навстрѣчу всѣмъ ея начинаніямъ, находящимся въ соотвѣтствіи съ общими законами государства. Государство-же и въ предѣлахъ новыхъ положеній не можетъ отойти отъ заветовъ исторіи, напоминающей намъ, что во всѣ времена и во всѣхъ дѣлахъ своихъ русскій народъ одушевляется именемъ православія, съ которымъ неразрывно связаны слава и

могущество родной земли. Въмѣсть съ тѣмъ, права и преимущества православной церкви не могутъ и не должны нарушать правъ другихъ исповѣданій и вѣроученій. Поэтому съ цѣлью проведенія въ жизнь Высочайше дарованныхъ узаконеній объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости и свободы совѣсти, министерство вноситъ въ государственную думу и совѣтъ рядъ законопроектвъ, опредѣляющихъ переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое, безпрепятственное богомоленіе, сооруженіе молитвенныхъ зданій, образованіе религіозныхъ общинъ, отмѣну связанныхъ исключительно съ исповѣданіемъ ограничений и т. п.

Перехода къ неприкосновенности личности, государственная дума найдетъ въ проектѣ министерства обычное для всѣхъ правовыхъ государствъ обезпеченіе ея, причемъ личное задержаніе, обыскъ, вскрытіе корреспонденціи обусловливаются постановленіемъ соответственной судебной инстанціи, на которую возлагается и провѣрка въ теченіе сутокъ основаній законности ареста, послѣдовавшаго по распоряженію полиціи.

Отклоненіе отъ этихъ началъ признано допустимымъ лишь при введеніи во время войны или народныхъ волненій исключительнаго положенія, которое предполагается одно вмѣсто трехъ, нынѣ существующихъ, причемъ административную высылку въ опредѣленные мѣста предположено совершенно упразднить.

Кромѣ этихъ законопроектвъ общаго характера, устанавливающихъ обязанности и права подданныхъ россійской державы, правительство выработало рядъ законопроектвъ, перестраивающихъ мѣстную жизнь на новыхъ началахъ. Такъ какъ мѣстная жизнь охватывается областскъ самоуправления земскаго и городского, областью управленія (администрація) и полицейскими мѣропріятіями, то и проекты министерства касаются именно этихъ отраслей нашего законодательства. Какъ въ губерніи, такъ и въ уѣздѣ дѣятельность административная, полицейская и земская течетъ по тремъ параллельнымъ русламъ, но, чѣмъ ближе къ населенію, тѣмъ жизнь упрощается и тѣмъ необходимѣе остановиться на ячейкѣ, въ которой населеніе могло-бы найти удовлетвореніе своихъ простѣйшихъ нуждъ. Такимъ установленіемъ, по проекту министерства, должна явиться бессословная, самоуправляющаяся волость, въ качествѣ мелкой земской единицы. Полицейскія ея обязанности должны ограничиться простѣйшими обязанностями мѣстной общественной полиціи, а административную предполагается свести къ дѣламъ, касающимся воинской повинности, веденія посемейныхъ списковъ, нѣкоторымъ податнымъ дѣйствіямъ и т. п. Въ вѣдѣніе волости должны входить всѣ земли, имуще-ства и лица, находящіяся въ ея предѣлахъ. Волость будетъ самою мелкою административно-общественною единицею, съ которою будутъ имѣть дѣло частныя лица, но при этомъ лица, владѣющія землею совместно, міромъ, т. е., главнымъ образомъ, владѣльцы надѣльной земли, образуютъ изъ себя, исключительно для рѣшенія своихъ земельныхъ дѣлъ, особая земель-

ныя общества, сохраняющія нѣкоторыя преимущества, а именно неотчуждаемость надѣльныхъ земель и примѣненіе къ наслѣдованію ими мѣстныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ, земельнымъ обществамъ не будетъ присвоено никакихъ административныхъ обязанностей, создаются они для совмѣстнаго вѣдѣнія бывшими надѣльными землями, причемъ предполагаются мѣры противъ чрезмѣрнаго сосредоточенія этихъ земель въ однѣхъ рукахъ и противъ чрезмѣрнаго дробленія ихъ, а равно къ упроченію совершенія на нихъ актовъ.

Для удовлетворенія-же простѣйшихъ потребностей села, вытекающихъ изъ совмѣстнаго проживанія, предположено ввести въ селахъ крупныхъ, а также такихъ, въ которыхъ проживаютъ постороннія крестьянамъ лица, особыя поселковыя управленія, съ участіемъ помянутыхъ постороннихъ лицъ и въ управленіи, и въ обложеніи.

Всѣ сказанныя организаціи получили свое выраженіе во вносимыхъ въ государственную думу и государственный совѣтъ проектахъ земельныхъ обществъ, поселковаго и волостного управленія.

Выше волостной мелкой земской единицы отрасли управленія осложняются и въ соотвѣтствіи съ этимъ министерство должно было заняться реформою самоуправленія земскаго и городского, реформою управленія губернскаго и участковаго и реформою полицейскою.

Въ области самоуправленія министерство коснулось трехъ важнѣйшихъ, по его мнѣнію, общихъ вопросовъ: вопроса земскаго и городского представительства, вопроса объ его компетенціи и вопроса объ отношеніи къ самоуправленію со стороны администраціи. Одновременно министерство приступило къ существенному и необходимому труду пересоставленія всѣхъ уставовъ, точно устанавливающихъ обязанности земства и администраціи. Въ настоящее время министерство вноситъ въ государственную думу уставъ общественнаго призрѣнія, уставъ о гужевыхъ земскихъ дорогахъ и временный законъ о передачѣ продовольственнаго дѣла въ вѣдѣніе земскихъ учрежденій. Составляются уставы врачебный и строительный.

Возвращаясь къ общимъ вопросамъ, выдвинутымъ въ области самоуправленія, укажу на то, что вносимый въ думу проектъ о земскомъ представительствѣ строить его на принципѣ налогового ценза, расширяя этимъ путемъ кругъ лицъ, принимающихъ участіе въ земской жизни, но обезпечивая одновременно участіе въ ней культурнаго класса землевладѣльцевъ, компетенція-же органовъ самоуправленія увеличивается передачею имъ дѣла ряда новыхъ обязанностей, а отношеніе къ нимъ администраціи заключается въ надзорѣ за законностью ихъ дѣйствій.

Самоуправленіе на тѣхъ-же общихъ основахъ съ нѣкоторыми, вызванными мѣстными особенностями, измѣненіями предполагается ввести въ Прибалтійскомъ Западномъ крайѣ и Царствѣ Польскомъ, за выдѣленіемъ въ особую административную единицу мѣстностей, въ которыхъ сосредоточивается извѣстная чисто русское населеніе, имѣющее свои спеціальныя интересы.

Что касается административных органов, то министерство вносит в думу проекты законов о губернском управлении, объ уездном управлении и объ участковых комиссарах.

Въ губернскомъ и уездномъ управленіи получаетъ осуществленіе принципъ возмознаго объединенія всѣхъ гражданскихъ властей, всѣхъ отдѣльныхъ многочисленныхъ нынѣ присутствій и, главнымъ образомъ, осуществленіе начала административнаго суда. Такимъ путемъ всѣ жалобы на постановленія административныхъ и выборныхъ должностныхъ лицъ и учреждений будутъ, согласно проекту, разсматриваться смѣшанною административно-судною коллегіею съ соблюденіемъ формъ состязательнаго процесса. Во главѣ уѣзда предполагается поставить начальника уѣзднаго управленія, который и объединялъ-бы гражданскія власти уѣзда. Въ предѣлахъ уѣзда въ качествѣ агентовъ администраціи предположены участковые комиссары. Земскіе начальники упраздняются. Полицію предполагается преобразовать въ смыслѣ объединенія полиціи жандармской и общей, причемъ съ жандармскихъ чиновъ будутъ сняты обязанности по производству политическихъ дознаній, которыя будутъ переданы власти слѣдственной. Новымъ въ области полицейской будетъ предлагаемый вниманію государственной думы уставъ полицейскій, который долженъ замѣнить устарѣлый уставъ о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій и точно установить сферу дѣйствій полицейской власти.

Въ строгой связи съ преобразованиемъ мѣстнаго управленія стоитъ и преобразование суда. Съ отмѣною учрежденія земскихъ начальниковъ и волостныхъ судовъ необходимо создать мѣстный судъ, доступный, дешевый, скорый и близкій къ населенію. Министерство юстиціи представляетъ по этимъ соображеніямъ въ государственную думу проектъ преобразования мѣстнаго суда съ сосредоточеніемъ судебной власти по дѣламъ мѣстной юстиціи въ рукахъ избираемыхъ населеніемъ изъ своей среды мировыхъ судей, къ компетенціи которыхъ будетъ отнесена значительная часть дѣлъ, подчиненныхъ нынѣ юрисдикціи общихъ судебныхъ установленій, связь съ которыми будетъ поддерживаться образованіемъ для нихъ апелляціонной инстанціи; въ видѣ уездныхъ отдѣленій окружнаго суда съ кассационной инстанціею въ лицѣ правительствующаго Сената.

Далѣе, въ цѣляхъ обезпеченія въ государствѣ законности и укрѣпленія въ населеніи сознанія святости и ненарушимости закона, министерство юстиціи вноситъ въ государственную думу проектъ о гражданской и уголовной отвѣтственности служащихъ, дѣйствительно обезпечивающей примѣненіе начала уголовной и имущественной отвѣтственности служащихъ за ихъ проступки и охраняющей, вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойное и увѣренное отправление ими службы и ограждающей ихъ отъ обвиненій, явно неосновательныхъ. Дѣянія эти предположено поэтому подчинить общимъ процессуальнымъ постановленіямъ, устранивъ

всѣ тѣ въ указанномъ отношеніи отступленія отъ общаго порядка, которыя не представляются безусловно необходимыми. Не останавливаясь на проектахъ объ увеличеніи содержанія должностныхъ лицъ судебного вѣдомства и усиленіи дѣйствующихъ штатовъ, не могу не обратить вниманія государственной думы на законопроекты въ области уголовного права и процесса, устанавливающіе цѣлый рядъ мѣръ, которыя, за сохраненіемъ неизблемыми основныхъ началъ судебныхъ уставовъ Александра II, оправдываются указаціями практики, или же отвѣчаютъ нѣкоторымъ, получившимъ за послѣднее время преобладаніе въ наукѣ и уже принятымъ законодательствами многихъ государствъ Европы, возрѣніямъ.

Такъ, предполагается допущеніе защиты на предварительномъ слѣдствіи, введеніе состязательнаго начала въ обрядъ преданія суду, установленіе институтовъ условнаго осужденія и условнаго досрочнаго освобожденія и т. п. Наряду съ этимъ предполагается введеніе въ полномъ смыслѣ новаго уголовного уложенія, по согласованіи его со всѣми изданными за послѣднее время законоположеніями.

Вносятся также цѣлый рядъ законопроектовъ, въ области гражданскаго законодательства, проектъ охранительнаго судопроизводства и, наряду съ многими имѣющими меньшее значеніе законопроектами, проекты вотчиннаго устава и дополнительныхъ къ нему узаконеній, направленныхъ къ установленію у насъ ипотечной системы, въ цѣляхъ внесенія въ область земельныхъ правоотношеній надлежащей гласности, опредѣленности и твердости.

Область эта находится въ тѣсной связи съ дѣломъ землеустройства, составляющаго предметъ вѣдѣнія другого вѣдомства—главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Названное вѣдомство стоитъ предъ задачею громаднаго значенія. Оно призвано, главнымъ образомъ, содѣйствовать экономическому возрожденію крестьянства, которое ко времени окончательнаго освобожденія отъ обособленнаго положенія въ государствѣ выступаетъ на арену общей борьбы за существованіе, экономически слабымъ, неспособнымъ, путемъ занятія своимъ исконнымъ земледѣльческимъ промысломъ, обезпечить себѣ безбѣдное существованіе.

Поэтому главное управленіе поставило себѣ цѣлью увеличеніе площади землевладѣнія крестьянъ и упорядоченіе этого землевладѣнія, т. е., землеустройство.

Среди мѣръ первой категоріи главное управленіе придаетъ особое значеніе обезпеченію земельного быта тѣхъ обществъ, которыя, получивъ дарственные надѣлы, не имѣли возможности до настоящаго времени обезпечить себя землею путемъ покупки. Соответственный законопроектъ будетъ внесенъ въ государственную думу.

Способъ устраненія остраго малоземелья главное управленіе видитъ въ льготной, соответствующей цѣнности покупаемаго и платежнымъ способностямъ приобретающаго, продажѣ земель земледѣльцамъ. Для этой цѣли въ распоряженіи прави-

тельства имѣется, согласно указа 12-го и 27-го августа 1906 г., 9 мил. десятинъ и купленные съ 3-го ноября 1905 г. крестьянскимъ банкомъ свыше 2 мил. десятинъ. Но для успѣха дѣла увеличеніе крестьянскаго землевладѣнія надлежитъ связать съ улучшеніемъ формъ землепользованія, для чего необходимы мѣры поощренія и, главнымъ образомъ, кредитъ. Главное управленіе намѣрено идти въ этомъ дѣлѣ путемъ широкаго развитія и организациі кредита земельнаго, меліоративнаго и переселенческаго.

Что касается землеустройства, то вносимое по этому предмету «положеніе» имѣетъ цѣлью устраненіе неудобствъ, сопряженныхъ съ внутринадѣльными расположеніемъ участковъ отдѣльныхъ селеній и домохозяевъ, облегченіе разверстанія черезполосицы, облегченіе выдѣленія домохозяевамъ отрубныхъ участковъ, упрощеніе способовъ отграничительныхъ межеваній и принудительное разверстаніе черезполосныхъ владеній, при условіи признанія этой черезполосности вредною.

Успѣшное осуществленіе аграрныхъ мѣропріятій находится въ зависимости отъ дѣятельности мѣстныхъ землеустроительныхъ комиссій, необходимость переустройства которыхъ признается главнымъ управленіемъ, составившимъ проектъ, имѣющій цѣлью: во 1) тѣснѣе связать эти комиссіи съ мѣстнымъ населеніемъ путемъ усиленія въ нихъ выборнаго начала и во 2) придать имъ рабочія силы для проектированія и осуществленія землеустроительныхъ плановъ.

Хотя преобладающимъ по численности населеніемъ у насъ является населеніе сельское, но правительство считаетъ настоятельно необходимымъ принять въ законодательномъ порядкѣ рядъ мѣръ и по отношенію къ рабочимъ.

Въ основу предлагаемой реформы положены признаніе безусловной необходимости положительнаго и широкаго содѣйствія государственной власти благосостоянію рабочихъ и стремленіе къ исправленію недостатковъ въ ихъ положеніи.

Разсматривая рабочее движеніе, какъ естественное стремленіе рабочихъ къ улучшенію своего положенія, реформа должна предоставить этому движенію естественный выходъ, съ устраненіемъ всякихъ мѣръ, направленныхъ къ искусственному его поощренію, а также къ стѣсненію этого движенія, поскольку оно не угрожаетъ общественному порядку и общественной безопасности.

Поэтому реформа рабочаго законодательства должна быть проведена въ двоякаго рода направленіи: въ сторону оказанія рабочимъ положительной помощи и въ направленіи ограниченія административнаго вмѣшательства въ отношеніи промышленниковъ и рабочихъ, при предоставленіи какъ тѣмъ, такъ и другимъ необходимой свободы дѣйствія черезъ посредство профессиональныхъ организацій и путемъ ненаказуемости экономическихъ стачекъ.

Главнѣйшей задачей въ области оказанія рабочимъ положительной помощи является государственное попеченіе о неспособныхъ къ труду рабочихъ, осуществляемое путемъ страхо-

ванія ихъ въ случаяхъ болѣзни, увѣщій, инвалидности и старости. Въ связи съ этимъ намѣчена организація врачебной помощи рабочимъ.

Въ цѣляхъ охраненія жизни и здоровья подрастающаго рабочаго поколѣнія, установленныя нынѣ нормы труда малолѣтнихъ рабочихъ и подростковъ должны быть пересмотрѣны съ воспрещеніемъ имъ, какъ и женщинамъ, производства ночныхъ и подземныхъ работъ. Въ связи съ этимъ установленную закономъ 2-го іюня 1897 г. продолжительность труда взрослыхъ рабочихъ предполагается понизить.

Независимо отъ цѣлаго ряда менѣ важныхъ преобразованій въ области рабочаго законодательства, министерство торговли и промышленности полагаетъ внести на обсужденіе государственной думы вопросъ о защитѣ интересовъ русской торговли и промышленности на Дальнемъ Востокѣ путемъ закрытія тамъ порто-франко, установленнаго вслѣдствіе военныхъ дѣйствій Высочайшимъ указомъ отъ 1-го мая 1904 года.

Въ числѣ многочисленныхъ проектовъ, вносимыхъ въ государственную думу министерствомъ путей сообщенія, я считаю долгомъ обратить вниманіе на настоятельную необходимость тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ цѣлю развитие и улучшеніе нашей рельсовой сѣти, разросшейся за послѣднее десятилѣтіе съ 35.300 верстъ до 61.725 верстъ. Изъ предполагаемыхъ же къ постройкѣ новыхъ дорогъ я считаю долгомъ указать на Амурскую дорогу, которую предполагается провести отъ одной изъ конечныхъ станцій забайкальской желѣзной дороги до Хабаровска для созданія непрерывнаго, пролегающаго по русской территоріи, рельсового пути, соединяющаго Европейскую Россію съ дальневосточными окраинами. Этому требуютъ жизненные интересы Россіи.

Кромѣ этого, вниманію государственной думы будетъ предложенъ цѣлый рядъ проектовъ о работахъ по развитію и улучшенію внутреннихъ водныхъ путей и шоссежныхъ дорогъ, а также срочные, имѣющіе большую важность, проекты, касающіеся правовыхъ отношеній, какъ, на примѣръ, законъ о судоходствѣ и сплавѣ и новый законъ объ отчужденіи недвижимыхъ имуществъ для нуждъ государственныхъ и общественныхъ.

Сознавая необходимость приложенія величайшихъ усилій для поднятія экономическаго благосостоянія населенія, правительство ясно отдаетъ себѣ отчетъ, что усилія эти будутъ бесплодны, пока просвѣщеніе народныхъ массъ не будетъ поставлено на должную высоту и не будутъ устранены тѣ явленія, которыми постоянно нарушается правильное теченіе школьной жизни въ послѣдніе годы, явленія, свидѣтельствующія о томъ, что безъ коренной реформы наши учебныя заведенія могутъ дойти до состоянія полного разложенія. Школьная реформана всѣхъ ступеняхъ образованія строится министерствомъ народнаго просвѣщенія на началахъ непрерывной связи низ-

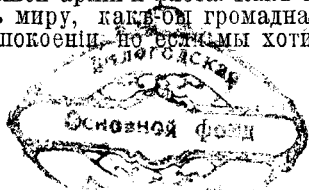
шей, средней и высшей школы, но съ законченнымъ кругомъ знаній на каждой изъ школьныхъ ступеней. Особыя заботы министерства народнаго просвѣщенія будутъ направлены къ подготовкѣ преподавателей для всѣхъ ступеней школы и къ улучшенію ихъ матеріальнаго положенія.

Затѣмъ: 1) Ближайшей своей задачей министерство народнаго просвѣщенія ставитъ становленіе совмѣстными усиліями правительства и общества общедоступности, а въ послѣдствіи и обязательности, начальнаго образованія для всего населенія Имперіи

2) Въ области средней школы министерство будетъ озабочено созданіемъ разнообразныхъ типовъ учебныхъ заведеній, съ широкимъ развитіемъ профессиональныхъ знаній, но съ обязательнымъ для всѣхъ типовъ минимумомъ общаго образованія, требуемаго государствомъ.

3) Въ реформѣ высшей школы министерство ставитъ себѣ задачей укрѣпленіе тѣхъ началъ, которыя положены въ основу предположенныхъ преобразованій Высочайшимъ указомъ 27 августа 1905 года, и согласованіе ихъ съ интересами общегосударственными, на основаніи опыта примѣненія дѣйствующихъ временныхъ правилъ.

Проведеніе въ жизнь всѣхъ вышеизложенныхъ законодательныхъ предположеній находится въ зависимости отъ возможности ихъ осуществленія въ финансовомъ отношеніи. Съ этой стороны государственной думѣ и государственному совѣту предстоитъ задача первостепенной важности: на разсмотрѣніе ихъ вносится государственная роспись, затрагивающая самыя жизненные потребности государства. Правительство приглашаетъ государственную думу приступить къ немедленному ея разсмотрѣнію, такъ какъ вопросы бюджета настоятельно срочны и требуютъ величайшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что положеніе Россіи вызываетъ необходимость строгой бережливости, тогда какъ новыя реформы требуютъ новыхъ затратъ. Настоящая минута тѣмъ болѣе трудна, что она совпала съ весьма крупнымъ сокращеніемъ доходаго бюджета, образовавшагося вълѣдствіе отменны манифестомъ 3-го ноября 1905 года выкупныхъ платежей крестьянъ и увеличенія расходовъ на платежи процентовъ и погашенія по займамъ, заключеннымъ для покрытія военныхъ расходовъ. Осложняется положеніе еще и тѣмъ, что искусственное задерживаніе паростанія государственныхъ потребностей на долгое время невозможно. Въ развитіи государства, какъ отдѣльнаго лица, бывають критическіе періоды усиленнаго роста. Прошедшее въ октябрѣ 1905 года коренное измѣненіе въ нашемъ государственномъ устройствѣ открыло собою, какъ указано выше, эту эпоху и выдвинуло на очередь цѣлый рядъ потребностей въ самыхъ различныхъ отрасляхъ государственной жизни. Наконецъ, неудачная для насъ война вызываетъ необходимость крупныхъ затратъ на возрожденіе нашей арміи и флота. Какъ-бы ни было велико наше стремленіе къ миру, какъ-бы громадна ни была потребность страны въ успокоеніи, но если мы хотимъ сохранить наше военное могу-

шество, ограждая, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое достоинство нашей родины, и не согласны на утрату принадлежащаго намъ по праву мѣста среди великихъ державъ, то намъ не придется отступить предъ необходимостью затратить, къ которымъ насъ обязываетъ все великое прошлое Россіи. Конечно, чрезвычайному характеру этихъ потребностей можетъ соответствовать только обращеніе къ чрезвычайнымъ ресурсамъ.

Эти соображенія должны быть предпосланы разсмотрѣнію государственною думою внесенныхъ въ нее министромъ финансовъ законодательныхъ предложеній объ установленіи новыхъ налоговъ и преобразованіи нѣкоторыхъ существующихъ видовъ обложенія. Въ этихъ предположеніяхъ руководящею мыслью министерства финансовъ было достиженіе возможной равномерности обложенія и возможное освобожденіе широкихъ массъ неимущаго населенія отъ дополнительнаго налогового бремени. Нѣкоторое исправленіе въ недостаточную уравнительность нашей податной системы внесеть, по проекту министерства финансовъ, подоходный налогъ. Проекты-же обложенія нѣкоторыхъ предметовъ, доступныхъ лицамъ достаточнымъ, вызваны стремленіемъ министерства избѣжать отягощенія малоимущихъ слоевъ населенія. Остальные проекты министерства финансовъ относятся къ осуществленію мысли о пересмотрѣ системы реального обложенія и о преобразованіи нѣкоторыхъ видовъ пошлинъ, и, главнымъ образомъ, пошлинъ на слѣдственныхныхъ.

Всѣ эти преобразованія не являются осуществленіемъ полной и стройной реформы податнаго строя. При теперешнихъ обстоятельствахъ правительство надѣется лишь достигнуть ими, при наименьшихъ жертвахъ со стороны плательщиковъ, возможности не только проведенія настоятельно необходимыхъ государственныхъ реформъ, но и оживленія дѣятельности органовъ общественнаго самоуправленія путемъ передачи имъ нѣкоторой части вышншихъ государственныхъ доходовъ, такъ какъ, расширяя кругъ дѣйствія земствъ и городовъ, правительство обязано дать имъ возможность выполнить возложенныя на нихъ обязанности.

Изложивъ предъ государственною думою (государственнымъ совѣтомъ) программу законодательныхъ предположеній правительства, я-бы не выполнилъ своей задачи, если-бы не выразилъ увѣренности, что лишь обдуманное и твердое проведеніе въ жизнь высшими законодательными учрежденіями новыхъ началъ государственнаго строя поведетъ къ успокоенію и возрожденію великой нашей родины. Правительство готово въ этомъ направленіи приложить величайшія усилія; его трудъ, добрая воля, накопленный опытъ предоставляются въ распоряженіе государственной думы, которая встрѣтитъ, въ качествѣ сотрудника, правительство, сознающее свой долгъ хранить историческіе завѣты Россіи и возстановитъ въ ней порядокъ и спокойствіе, т. е., правительство стойкое и чисто русское. Какимъ должно быть и будетъ правительство Его Величества.

Правительство предъ лицомъ думы.

Статья Н. В. Алексѣева.

I.

Тревожное настроеніе предъ деклараціей. — Катастрофа въ думскомъ залѣ. — Народные представители въ дворянскомъ собраніи. — Засѣданіе 6-го марта. — Декларация правительства.

Время отъ 20-го февраля по 6-е марта—тревожный періодъ первыхъ дней существованія второй государственной думы. Тревогу усиливала печать, изо дня въ день сообщавшая слухи о возможности конфликта при повѣркѣ полномочій депутатовъ и обнародованіи правительственной деклараціи. „Лѣвыя“ газеты пугали „чернымъ страхомъ“, „правыя“—„эсъ-деками“ и „эсъ-эрами“. Словомъ, засѣданіе, назначенное на второе марта, ожидалось въ тревожно настроенномъ обществѣ, какъ день, „долженствующій рѣшить судьбу второго парламента“...

Утро 2-го марта ознаменовалось извѣстной катастрофой государственной думы, но не „собранія народныхъ представителей“, какъ ожидало общество, а самаго зданія... За шесть часовъ до засѣданія думы рухнулъ потолокъ въ большомъ залѣ Таврическаго дворца. Рухнулъ потолокъ „неожиданно“ и замѣчательно „счастливо“. Онь, положимъ, какъ показала экспертиза, долженъ былъ давнымъ-давно рухнуть, но рухнулъ именно тогда, когда это оказывается наиболѣе выгоднымъ для того, чтобы „проваль историческаго дворца“ попалъ на страницы „русской исторіи“. Это забытое, заброшенное зданіе, гдѣ нѣкогда находилась резиденція „екатерининскаго орла“, гдѣ, забывая о народѣ, на счетъ народа „въ старину гуляли дѣды веселѣй своихъ внучатъ“,—это ветхое зданіе, печальныйъ памятникъ „недоброй старины“, по „волѣ“ бюрократіи было предоставленно для народныхъ представителей. Дворецъ „временщика“ эпохи народнаго безправія, подбѣленный, подчищенный былъ отданъ народу.

Иронія судьбы—ветхій памятникъ „недобраго, крѣпостнаго прошлаго“ не выдержалъ окончательной „ломки“ стараго государственнаго устройства и воочію подтвердилъ притчу Спасителя о непригодности „старыхъ мѣховъ“ для „молодого вина“...

Съѣхавшіеся на засѣданіе депутаты, узнавъ о причинѣ „за-

крытія“ зала, крайне заинтересовались прежде всего, въ какой степени каждому изъ нихъ грозила опасность въ случаѣ обвала въ ихъ присутствіи. Оказалось, что „лѣвые“ были-бы превращены въ „лепешки“, пострадалъ-бы центръ, а „правые“ и особенно „крайніе“ остались-бы цѣлехоньки...

Это обстоятельство было принято депутатами вполне добродушно, вызвавъ только „невинныя остроты“, и ему не было придано значеніе умысла и „неслучайности“... „Домовой“ Таврическаго дворца, очевидно, не пожелалъ вторично пережить посрамленіе „сильныхъ міра сего“ и засыпалъ думскій залъ обломками старой штукатурки. А можетъ, и „домовой“ не причемъ и обвалъ потолка объясняется болѣе просто—его полной негодностью. Во всякомъ случаѣ осмотръ зала заставляетъ думать, что правъ тотъ депутатъ, который, осматривая расколотое кресло и замѣтивъ, что оно не соответствуетъ своей высокой цѣнѣ, многозначительно замѣтилъ: „дубъ-ли, осина,— а на рубль украдена полтина“... Депутатъ, очевидно,—реалистъ и болѣе склоненъ винить архитектора, нежели „домового“...

При переустройствѣ дворца подѣ помещеніе государственной думы, очевидно, хозяйничали совсѣмъ особымъ образомъ, такъ какъ за 1.500.000 рублей, казалось-бы, можно было въ достаточной степени ознакомиться съ прочностью зданія, прежде чѣмъ предоставить его для засѣданій народныхъ избранниковъ. Обвалъ потолка—сенсационный скандалъ для нашей бюрократіи, подчасъ удивительно довѣрчиво относящейся къ недобросовѣстнымъ предпринимателямъ.

Но Богъ съ ней, съ этой катастрофой. Депутаты, слава Богу, остались цѣлы. Скандала большого не произошло. Денегъ—увы!— не вернуть. А главное—народные представители (даже и изъ „крайнихъ лѣвыхъ“) не заподозрѣли никого въ умышленной портѣ зала для отсрочки „тревожнаго“ засѣданія. Черезъ пять дней послѣ катастрофы оно состоялось въ дворянскомъ собраніи.

Этотъ залъ, кстати сказать, такъ-же непроченъ, какъ и то словіе, нужды котораго онъ до сихъ поръ обслуживалъ. Дворянство обѣтшало—обѣтшало и залъ. Довѣрить его кровлѣ народныхъ представителей—новый рискъ, но что дѣлать, такова судьба русскаго народа. О немъ до сихъ поръ немного заботились. Впрочемъ, вѣдь, подѣ этой кровлей до 6-го марта засѣдалъ „цвѣтъ высшей бюрократіи“—государственный совѣтъ—и ничего, потолокъ не рухнулъ. Это, до нѣкоторой степени, можетъ служить гарантіей „неприкосновенности личности“ народныхъ представителей, которые, „рискуя жизнью“ (буквально!), самоотверженно продолжаютъ свою работу по переустройству Россіи, не ожидая постройки новаго зданія русскаго парламента...

Итакъ, несмотря на „неблагопадежность“ новаго помѣщенія, предоставленнаго народнымъ представителямъ, засѣданія государственной думы продолжались. 6-го марта состоялось знаменательное собраніе думы, столь тревожное ожидаемое народомъ и обществомъ. Дума выдержала, дума не сорвалась. Дума осталась вѣрна своей тактикѣ, принятой въ день открытія, — конфликтовъ не было, вопреки ожиданіямъ и опасеніямъ печати. Дума вновь показала, что она жаждетъ жизни и творчества. Великое ей спасибо всего народа!

Провѣрка полномочій прошла спокойно.

Наступилъ важнѣйшій моментъ въ жизни второй государственной думы — чтеніе правительственной деклараціи. На трибуну взошелъ вождь современной бюрократіи — предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ.

При напряженномъ вниманіи зала онъ ознакомилъ народъ съ программой правительства...

Откидывая все прошлое нашей правящей бюрократіи, слѣдя лишь за рѣчью премьера, должно отмѣтить, что онъ оказался на высотѣ своей задачи.

Вся печать, безъ различія лагерей и партій, подчеркиваетъ замѣчательный тактъ, какъ самого премьера, такъ и его программы. Съ внѣшней стороны и поведеніе автора, и его программа — безукоризненны...

„Довѣренный“ правительства выступилъ предъ народнымъ представителями съ замѣчательнымъ достоинствомъ. Онъ уважаетъ народъ въ лицѣ его избранниковъ, онъ корректенъ до чрезвычайности, но онъ твердо поддерживаетъ начала того государственнаго устройства, представителемъ котораго онъ является. Онъ ничего не навязываетъ парламенту, не грозитъ ему, а только предлагаетъ для совмѣстнаго обсужденія программу работъ, необходимыхъ для переустройства Россіи.

Таковъ тонъ премьера, такова и его декларація.

Забывъ „недавнее прошлое“, въ поведеніи премьера 6-го марта слѣдуетъ видѣть стремленіе правительства къ мирному сближенію съ народомъ. Повидимому, правящая бюрократія вступила на новый путь — уступокъ или во всякомъ случаѣ широкой терпимости по отношенію къ народному представительству, считая инья мѣры не современными.

Декларація, какъ программа дѣйствій правительства, должна ыть признана вполне удовлетворительной.

Разработка этой программы, какъ и измѣненія ея, — дѣло народныхъ представителей.

II.

Что обѣщаетъ правительство? — Аграрная политика.—Мелкая земская единица.—Уничтоженіе института земскихъ начальниковъ.—Земская реформа.—Судебная реформа.—Рабочій вопросъ.—Всеобщее обученіе.—Общій тонъ деклараціи.

Программная рѣчь премьеръ-министра прежде всего выясняетъ позицію правительства по отношенію къ выработаннымъ имъ законопроектамъ. Считаясь съ условіями, въ которыхъ находится современная Россія, правительство полагаетъ, что: „При множествѣ новизны, вносимой въ жизнь народа, необходимо связать всѣ отдѣльныя правительственныя предположенія одною общою мыслью, мысль эту выяснитъ, положить ее въ основаніе всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется въ томъ или другомъ законопроектѣ.

Эта часть деклараціи—ея вступленіе—уже говоритъ за то, что правительство обращается къ народу безъ предвзятаго разрѣшенія своихъ проектовъ и что, наоборотъ, оно намѣрено установить новыя основы русской жизни на началахъ, вытекающихъ изъ самой жизни. Правительство намѣтило лишь темы для разсмотрѣнія народнымъ представителямъ и вносить ихъ въ думу, предоставляя ей возможность широкаго обсужденія этихъ темъ безъ всякаго вліянія на ихъ разработку. Статья 87-я основныхъ законовъ, способствуя скорѣйшему проведенію въ жизнь наиболѣе важныхъ мѣропріятій правительства не исключаетъ разсмотрѣнія ихъ думой и государственнымъ совѣтомъ. Словомъ, правительство признаетъ необходимость совмѣстной работы съ народными избранниками и безъ ихъ участія не собирается вносить въ русскую жизнь ни одного новаго законодательства.

Это особенно важно, читатель, и мы обращаемъ ваше вниманіе на то, что декларація не является сборникомъ предрѣшенныхъ законопроектовъ, но лишь „темникомъ“ для работъ государственной думы и совѣта.

Вступительная часть деклараціи — наиболѣе важное ея мѣсто, такъ какъ далѣе идетъ перечисленіе тѣхъ законодательныхъ мѣръ, которыя, по мнѣнію правительства могутъ служить залогомъ возрожденія и благополучія Россіи. Первое мѣсто среди этихъ мѣръ отведено закону объ общинѣ и удѣльныхъ земляхъ. Мы на этихъ законахъ не будемъ останавливаться, такъ какъ они достаточно были освѣщены въ нашихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ книгахъ „Знаніе и Польза“ за прошлый годъ *). Въ этихъ статьяхъ

*) См. статьи того-же автора въ книгахъ «Знаніе и Польза» за 1906 годъ, книги 11—12, и въ книгѣ 1-й «Кладъ» за текущій годъ.

мы, главнымъ образомъ, указывали на невозможность проведенія въ жизнь этихъ законовъ полностью безъ должнаго освѣщенія ихъ народными представителями, примѣнительно къ отдѣльнымъ мѣстностямъ Россіи. Теперь дума „живетъ“ и новому разсмотрѣнію законовъ мы посвятимъ статью уже послѣ того, какъ они будутъ разобраны въ думѣ.

Затѣмъ слѣдуетъ перечень тѣхъ возвыщенныхъ манифестомъ 17-го октября 1905 года „свободъ“, которыя или были ограничены временными правилами, или „пока“ вовсе не разрабатывались правительствомъ.

Далѣе указывается на сохраненіе началъ вѣротерпимости и вободы совѣсти, причемъ отмѣчается особенная склонность правительства къ поддержанію основъ православія, съ которыми связана Россія историческими узами. Всякія ограниченія правъ личности, сопряженныя съ принадлежностью къ той или иной религіи, правительство считаетъ нужнымъ отмѣнить.

Говоря о неприкосновенности личности, декларация указываетъ, что: „государственная дума найдетъ въ проектѣ министерства обычное для всѣхъ государствъ обезпеченіе ея, причемъ личное задержаніе, обыскъ, вскрытіе корреспонденціи обусловливаются постановленіемъ соответственной судебной инстанціи, на которую возлагается и провѣрка въ теченіе сутокъ основаній законности ареста, послѣдовавшаго по распоряженію полиціи“. Въ этой-же части декларации намѣчена къ упраздненію административная высылка въ опредѣленные мѣста имперіи.

Далѣе правительство, переходя къ вопросамъ мѣстнаго самоуправления, отмѣчаетъ необходимость учрежденія безсословной, самоуправляющейся волости въ качествѣ мелкой земской единицы. Затѣмъ намѣчаются земельныя общества и поселковыя управления, чѣмъ принципъ самоуправления распространяется на всякаго рода поселки государства, подчиненные до сихъ поръ различнымъ органамъ правительства и вслѣдствіе отдаленности отъ административныхъ центровъ лишены возможности пользованія общественными учрежденіями. Эта часть декларации, какъ и слѣдующій за нею проектъ реформы земскаго самоуправления и реформы губернскаго и уѣзднаго управления—безусловно, ничего кромѣ сочувствія, вызвать не могутъ. Особенно отгадно сознаніе правительства въ непригодности института земскихъ начальниковъ и осужденіе его на смарку. Давно пора!

Правительство въ своей программѣ настолько уступчиво, что высказываетъ намѣреніе реформировать полицію, изъять изъ вѣденія жандармовъ политическія дѣла и „точно установить сферу

дѣйствій полицейской власти“... Полицейскому произволу приходитъ конецъ. Это-ли не уступка со стороны правительства? Впрочемъ, вѣдь, и ему неоднократно приходилось страдать отъ полиціи, такъ что не мудрено, что по этому вопросу мнѣнія правящей бюрократіи и народа оказались одинаковыми...

Но этого мало—декларация намѣчаетъ упраздненіе волостного суда и замѣну его мѣстнымъ судомъ, доступнымъ, дешевымъ, скорымъ и близкимъ къ населенію. Вновь проектируется учрежденіе выборныхъ мировыхъ судей, „къ компетенціи которыхъ будетъ отнесена значительная часть дѣлъ, подчиненныхъ нынѣ юрисдикціи общихъ судебныхъ установленій, связь съ которыми будетъ поддерживаться образованіемъ для нихъ аппеляціонной инстанціи, въ видѣ уѣздныхъ отдѣленій окружного суда съ кассационной инстанціей въ лицѣ правительствующаго сената“.

Итакъ, существованіе въ Россіи двойственности права—обычнаго и предусмотрѣннаго уголовнымъ уложеніемъ и гражданскими законами—уничтожается или, вѣрнѣе, признано правительствомъ не цѣлесообразнымъ. Это—опять-таки крупный шагъ впередъ въ государственномъ развитіи нашей бюрократіи... Особенно трогательнымъ въ этомъ направленіи является проектъ гражданской и уголовной отвѣтственности служащихъ.

Правительство находитъ нужнымъ: „въ цѣляхъ обезпеченія въ государствѣ законности и укрѣпленія въ населеніи сознанія святости и ненарушимости закона“, внести въ государственную думу „проектъ о гражданской и уголовной отвѣтственности служащихъ, дѣйствительно обезпечивающей примѣненіе начала уголовной и имущественной отвѣтственности служащихъ за ихъ проступки и охраняющей, вмѣстѣ съ тѣмъ, спокойное и увѣренное отправленіе ими службы и ограждающей ихъ отъ обвиненій явно неосновательныхъ“. Такимъ образомъ, правительство само находитъ необходимымъ для блага Россіи въ корень измѣнить условія, при которыхъ работала бюрократія—та бюрократія, которая тормозила рѣшительно все и которую даже императоръ Николай I-й считалъ величайшимъ зломъ. Помните его знаменитую фразу: „Россіей управляю не Я, а сорскъ тысячъ столоначальниковъ“?... Да, эти „столоначальники“—великое зло, особенно когда преданіе ихъ суду сопряжено съ большими затрудненіями...

Проекты реформъ по министерству юстиціи наиболѣе интересны въ той части, гдѣ указывается на желательность допущенія защиты на предварительномъ слѣдствіи, введеніе состязательнаго начала въ обрядъ преданія суду, установленіе институтовъ условнаго осужденія и установленіе условнаго досрочнаго осво-

божденія. Правовое начало вообще является господствующимъ въ программѣ правительства и, пока что, остается только пожалѣть, что оно такъ поздно объ этомъ началѣ вспомнило.

Переходя къ аграрному вопросу, премьеръ указалъ на особія заботы правительства по увеличенію площади крестьянскаго землевладѣнія и на необходимость введенія усовершенствованій въ землепользованіи. Впрочемъ, мѣропріятія правительства по аграрному вопросу уже извѣстны читателю и мы на нихъ пока не будемъ задерживаться.

По рабочему вопросу программа правительства кратка и скупа въ общаніяхъ, хотя въ ней весьма характерно то обстоятельство, что правительство допускаетъ необходимость свободы дѣйствій рабочихъ „посредствомъ профессиональныхъ организацій и путемъ ненаказуемости экономическихъ стачекъ“...

Изъ остальной части программы заслуживаетъ вниманія проектъ введенія въ Россіи „совмѣстными усиліями правительства и общества общедоступности, а впоследствии и обязательности, начального образованія для всего населенія имперіи“. Вообще по народному образованію правительственная программа не оставляетъ желать ничего лучшаго. „Въ области средней школы министерство будетъ озабочено (по словамъ деклараціи) созданіемъ разнообразныхъ типовъ учебныхъ заведеній, съ широкимъ развитіемъ профессиональныхъ знаній, но съ обязательнымъ для всѣхъ типовъ минимумомъ общаго образованія, требуемаго государствомъ“. Высшей школь обѣщано сохраненіе автономнаго начала. Эта часть программы правительства вполне соотвѣтствуетъ тѣмъ пожеланіямъ, которыя были высказаны уже въ статьѣ „Переходное состояніе русской школы“ *) и которыя, безусловно, являются общими для всего мыслящаго населенія Россіи, такъ какъ безъ наличности образованія культура немислима, а безъ нея невозможно и возрожденіе государства.

Вотъ въ общихъ чертахъ программа работъ правительства, намѣченная въ деклараціи, прочитанной г. Столыпинымъ. Мы упустили изъ нея финансовыя и касающіеся внѣшней политики законопроекты, ограничиваясь лишь перечисленіемъ главнѣйшихъ, касающихся внутренняго устройства Россіи.

Какъ видите, читатель, намѣренія правительства чрезвычайно благородны, соотвѣтствуютъ нуждамъ страны, и если къ деклараціи можно что-либо прибавить, такъ это... вздохъ, что она явилась слишкомъ поздно... Сколькихъ-бы горестей не знала Россія, какъ

*) См. книги 10—11 «Знаніе и Польза» за 1906 г.

велико-бы было ея благосостояніе, если-бъ правительство въ прошломъ само сознало необходимость перехода отъ полицейскаго режима къ правовому началу!..

Но, — уввы! — лишь послѣ долгихъ невзгодъ, всякихъ катастрофъ и неурядиць, правительство рѣшило (не будемъ пока сомнѣваться въ его искренности) выдвинуть на первое мѣсто нужды и права населенія, а не личные интересы „слугъ народа“ (зазнавшихся и забывшихъ про свои обязанности), бюрократовъ. Явился подобная программа года 3—4 тому назадъ, явился даже она при созывѣ первой думы — кто знаетъ, что было-бы теперь, но думается, что наша родина ожила-бы, отдохнула-бы отъ прошлыхъ гнета и произвола.

Декларация запоздала. Противъ нея сказать что-либо пока трудно. Однако, довѣріе къ правительству подорвано и трудно сказать, въ какой степени удастся согласовать правительству свои „благія намѣренія“ съ волей и желаніемъ народа. Во всякомъ случаѣ борьба неизбежна, но въ какой степени она явится таковой, — сказать трудно, хотя засѣданіе думы 6-го марта и даетъ поводъ надѣяться на возможность совмѣстнаго труда думы и правительства.

III.

Засѣданіе думы 6-го марта. — Министерство и народные представители. — Корректный премьеръ. — Тактика думы. — Несдержанность правыхъ. — Проваль социаль-демократовъ. — Послѣдній аккордъ собранія 6-го марта.

Вслѣдъ за окончаніемъ деклараціи раздались аплодисменты справа — центръ и лѣвая проводили премьера въ гробовомъ молчаніи. Шиканья не было — были аплодисменты. Хорошо, если-бъ ихъ вовсе не было! И хорошо не потому, что декларация или поведеніе премьера заслуживали порицанія — нѣтъ, повторяемъ: декларация чрезвычайно выдержана, премьеръ поражаетъ своей корректностью настолько, что даже не вѣрится, точно-ли онъ — членъ той бюрократической семьи, въ которой имѣются „монстры“ въ родѣ г. Гурко, ругавшагося въ первой думѣ. Да, несмотря на извѣстныя достоинства деклараціи и ея автора — все-таки мы отмѣчаемъ немѣстность аплодисментовъ.

Дѣйствительно, выраженіе одобренія даетъ поводъ къ выраженію порицанія... Декларация, какъ и указано выше, является „темнымъ“ думы. Положимъ, подчасъ труднѣе найти тему, чѣмъ ее разработать, но, вѣдь, темы нашель не П. А. Столыпинъ (онъ ихъ только систематизироваль) — ихъ выдвинула самая жизнь. За что тутъ аплодировать? За то, что премьеръ былъ корректенъ? Это, безусловно, дѣлаетъ ему честь, указываетъ на хорошее воспитаніе,

на пам'ятеніе идти рука объ руку съ народомъ. Но, вѣдь, премьеръ—не актриса и, очевидно, не нуждается въ одобреніи.

Это—одна сторона дѣла. Другая—апплодисменты (знакъ одобренія)—вызовъ къ протесту со стороны тѣхъ, кто не сочувствуетъ деклараціи да и вообще не находитъ нужнымъ особенно умиляться дѣйствіями правительства—того правительства, за которымъ такъ много грѣшнаго въ недавнемъ прошломъ.

„Правые“ сошкольничали, забывая свое великое призваніе, какъ народныхъ представителей, центръ и „лѣвые“ поддержали достоинство думы, не поднявъ „перчатки“, брошенной имъ срава. Кто поступилъ культурнѣе—предоставляемъ судить читателямъ...

Но во всякомъ случаѣ подавляющее большинство думы вновь показало, что оно не склонно „заслонять“ дѣло празднымъ увлеченіемъ проявленія враждебности.

Гг. представители „лѣвыхъ“, такъ называемые социаль-демократы, отчасти поддержали нотку враждебности, внесенную гг. „правыми“. Рѣчь депутата Церетели (страстная, сильная), съ одной стороны, явилась выразительницей (можетъ, даже и незольной) протеста той части населенія Россіи, которую особенно больно задѣла дѣятельность правительства въ періодъ междодумья. Что ему, апплодировала дума — понятно. Согласитесь сами — ужъ слишкомъ тяжело жилось у насъ въ послѣдніе годы... То, что сказала депутатъ Церетели, то, въ чемъ упрекнулъ онъ правительство — все это горькая, тяжелая, но, совершенная правда...

Но безтактенъ тотъ-же ораторъ въ той части своей рѣчи, гдѣ онъ занялся критикой деклараціи. Эта критика была неумѣстна и она доказала несостоятельность социаль-демократической партіи. Окончательно проваливъ „эсъ-дековъ“ депутатъ Озолъ, прочитавшій (да и то, говорятъ, невнятно) нѣсколько страницъ социаль-демократическаго сочиненія. Зачѣмъ онъ это сдѣлалъ, да еще въ такой моментъ, когда собраніе, утомленное чтеніемъ деклараціи и „приподнятое“ рѣчью его „товарища“, занято было вопросомъ о той или иной формулѣ, переходя къ очереднымъ дѣламъ?

Впрочемъ, онъ до нѣкоторой степени заслуживаетъ благодарности, такъ какъ пріемъ его рѣчи думой доказалъ, что „россійская“ социаль-демократія большими симпатіями у народныхъ представителей не пользуется... И то благо!..

Гг. „правые“ всѣ мѣры прилагали къ тому, чтобы страстный тошъ, „вызванный“ рѣчью г. Церетели, не ослабѣвалъ. Въ сущности они вмѣстѣ съ „эсъ-деками“ вносили въ засѣданіе нежелательные элементы партійной враждебности. И какъ тѣ, такъ и другіе, ко-нзлено, доказали, какъ и слѣдовало ожидать, всю несостоятельность

„крайних“ взглядов... Зато центр вель себя съ рѣдкимъ хладнокровіемъ. И онъ одержалъ побѣду. Его резолюція была принята — резолюція корректная, какъ декларациа, но значительно короче послѣдней. Вотъ она полностью: „Государственная дума, выслушавъ заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ о вносимыхъ имъ законопроектахъ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“. И только... Но принятіе этой резолюціи, торжество ея надъ остальными („правыхъ“ и „с.-д.“), въ которыхъ выражалось то или иное отношеніе къ правительству (врядъ-ли умѣстное), доказываетъ, что центръ господствуетъ и его настроеніе пока—рабочее, а не болтливое. И дай Богъ, чтобы это настроеніе осталось навсегда свойственнымъ той части думы, которая выражена людьми, преданными ея высокимъ задачамъ. Если не произойдетъ раскола въ этой группѣ, тогда смѣло можно сказать, что дума будетъ жить и не только жить, но и работать на благо родины. Если эта группа останется вѣрна своей тактикѣ — ни „правые“, ни „лѣвые“ не страшны. Пусть они борются между собою. Ихъ силы будутъ взаимно уничтожаться. Борьба „центра“ съ правительствомъ при наблюдаемой пока тактикѣ того и другого—не страшна, такъ какъ эта борьба культурная.

Мы потому и посвятили и настоящую статью засѣданію 6-го марта, что оно выяснило тактику государственной думы и правительства, доказавъ, что совмѣстная работа возможна въ дѣйствительности, а не въ одной только декларации. Во всякомъ случаѣ день 6-го марта мы считаемъ высокознаменательнымъ въ дѣятельности второй думы, которая стоитъ выше своей предшественницы, хотя-бы въ отношеніи соблюденія необходимаго спокойствія. Задачи думы—какъ разъ такого свойства, чтобы путемъ упорнаго (пожалуй, безстрастнаго) труда внести въ русскую жизнь успокоеніе и смягчить страсти...

Засѣданія государственной думы.

Засѣданіе 2-го марта 1907 г.

Это засѣданіе, происходившее какъ разъ утромъ того дня, на разсвѣтъ котораго обрушилась штукатурка съ потолка въ Екатерининскомъ залѣ, имѣла совсѣмъ необычный видъ. Государственные выборные собрались къ 11 часамъ утра въ Кругломъ залѣ Таврическаго дворца. Предъ этимъ здѣсь были густо установлены вѣнскіе стулья для депутатовъ. До открытія засѣданія стоялъ гулъ возбужденныхъ голосовъ. Депутаты разсѣлись, кто куда попалъ. Но „правые“ депутаты сѣли всѣ вмѣстѣ на правой сторонѣ. Журналисты столпились сзади депутатскихъ стульевъ и въ проходѣ. Было тѣсно и душно. Всѣ находились въ напряженномъ ожиданіи.

Предсѣдатель Ф. А. Головинъ, открывая засѣданіе, сообщилъ порядокъ дня: доклады отдѣловъ и заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ. Первымъ говорилъ членъ парламентской фракціи партіи „к.-д.“ (народной свободы) Черносивтовъ. Фракція и здѣсь оказалась наиболѣе приспособленной къ парламентской работѣ. Она уже успѣла обсудить событіе и сразу внесла свое предложеніе: прекратить засѣданіе, поручивъ президіуму разслѣдовать происшедшее и подыскать приспособленное для думскихъ засѣданій помѣщеніе.

Предложеніе было встрѣчено съ сочувствіемъ. Круглый залъ оказался крайне неудобнымъ. Въ немъ очень плохо слышно. Кромѣ того, для всѣхъ была очевидна невозможность при взволнованности депутатовъ продолжать занятія. Насколько взволнованы были депутаты, показалъ слѣдующій ораторъ, одинъ изъ немногихъ членовъ первой думы, всегда спокойный В. И. Долженковъ, который допустилъ въ своей рѣчи возможность со стороны строителей зала „расчета, — расчета во всякомъ случаѣ жестокаго“. Его фраза вызвала замѣчаніе предсѣдателя. Рѣчь г. Долженкова произвела сенсацію. Онъ сообщилъ, что объ опасности обвала потолка въ залѣ думскихъ засѣданій было еще въ прошломъ году доведено до свѣдѣнія строительной комиссіи и, несмотря на израсходованіе 900 тыс. рублей для подготовки зданія къ новой думѣ, опасность оказалась неустраенною. Октябристъ Капустинъ присоединился къ предложенію „к.-д.“ фракціи. Октябристъ Иващенко высказался противъ него.

Взволнованную аудиторію взволновало появленіе на импровизи-

рованной кафедрѣ одного изъ „с.-д.“—Алексинскаго: онъ выступилъ съ неумѣстнымъ заявленіемъ, что потолокъ провалился надъ мѣстами народныхъ представителей и что онъ знаетъ, что самые крѣпкіе потолки въ департаментѣ полиціи... Справа закричали: „довольно! долой!“ Эти крики вызвали аплодисменты лѣвой. Въ залѣ долгое время стоялъ шумъ. Съ трудомъ предсѣдателю удалось заставить себя слушать: Онъ просилъ членовъ думы соблюдать порядокъ и не говорить съ мѣстъ, а оратору предложилъ держаться темы.

Произошелъ новый инцидентъ, когда на кафедрѣ появился правый Крупенскій, произнесшій слова о раздающихся съ кафедры инсинуаціяхъ, которыя онъ не можетъ слышать. Зала выразила возмущеніе, предсѣдатель сталъ звонить, и правый ораторъ ушелъ.

Говорилъ еще одинъ правый депутатъ, который увѣрялъ, что виновные въ катастрофѣ найдутся и будутъ наказаны. Потомъ говорилъ депутатъ с.-р. о состояніи взволнованности залы, говорилъ трудовикъ о томъ, что взволнованность не должна служить мотивомъ прекращенія занятій.

Въ залѣ произошло движеніе: медленно и спокойно, будто бы ничего не случилось, появились и заняли свои мѣста возлѣ президіума министры Столыпинъ, Щегловитовъ.

У предсѣдателя было записано еще много ораторовъ, но внесено предложеніе закрыть пренія. Оно было принято почти единогласно. И государственная дума постановила: 1) засѣданіе государственной думы отложить, 2) поручить президіуму думы произвести разслѣдованіе катастрофы въ залѣ засѣданія и позаботиться относительно помѣщенія для продолженія засѣданій.

Засѣданіе 6-го марта 1907 г.

Это засѣданіе происходило въ залѣ Дворянскаго собранія, гдѣ въ обыкновенное время засѣдаетъ государственный совѣтъ. Залъ и это засѣданіе имѣли необыкновенный видъ. Кажется, всѣ стулья, диваны, скамейки, какія были въ Дворянскомъ собраніи, были перенесены въ концертный залъ; столы, покрытые плюшевыми и бархатными покрывалами, раздѣляли ряды креселъ. Президіумъ помѣстился на особомъ возвышеніи противъ статуи императрицы Екатерины, рядомъ съ которой на широкомъ помостѣ размѣстились русскіе и иностранные корреспонденты. На хорахъ видѣлась избранная публика; рядомъ съ президіумомъ съ одной стороны—министры, съ другой—члены гос. совѣта и запасныя стенографистки. Столъ стенографовъ телеграфнаго агентства былъ поставленъ внизу трибуны ораторовъ.

Пропускъ депутатовъ, журналистовъ и публики былъ особенно строгъ. Контроль работалъ на каждомъ шагѣ, на каждой площадкѣ

лѣстницѣ, ведущихъ въ залъ, замедляя и стѣсняя движеніе шедшихъ на засѣданіе. Это отразилось на порядкѣ внутри зала. Опоздавшіе депутаты толпились у входа въ залъ, журналисты сидѣли чуть-ли не другъ на другѣ, не имѣя возможности свободно работать: записывать свои впечатлѣнія и рѣчи ораторовъ. Всѣ чувствовали себя стѣсненными и какъ-бы удрученными. Рѣчи многихъ депутатовъ пропали, благодаря неудачно поставленнымъ кафедрамъ и особенностямъ акустики зала Дворянскаго собранія.

Это засѣданіе было открыто ровно въ 11 часовъ утра. Сперва были утверждены выборы 258 депутатовъ. Утвержденіе выборовъ по Елисаветпольской и Эриванской губ., гдѣ выборщики были раздѣлены на двѣ куріи: христіанскую и мусульманскую, отложено. Затѣмъ былъ объявленъ перерывъ засѣданія.

Въ 2 ч. 25 м. дня, засѣданіе возобновилось и предсѣдатель заявилъ, что онъ предоставляетъ слово предсѣдателю совѣта министровъ. На трибуну поднялся П. А. Столыпинъ.

Рѣчь предсѣдателя совѣта министровъ, прочитанная имъ по печатному экземпляру, длилась три четверти часа. Въ залѣ все время стояла образцовая тишина.

Декларация, приведенная нами на стр. 8—18, подъ отдѣльнымъ заголовкомъ, начинается выясненіемъ общей позиціи, занятой правительствомъ. Руководящая ея мысль: создать матеріальныя нормы для новосоздавшихся правоотношеній. „Законопроекты министерствъ,— говорилъ г. Столыпинъ,—вносимые въ государственную думу, должны перестроить жизнь въ Россіи на новыхъ началахъ“.

Заявленія г. Столыпина были покрыты аплодисментами.

Когда въ залѣ наступила тишина, предсѣдатель Ф. А. Головинъ предоставилъ слово государственному выборному отъ Кутаисской губер., с.-д. И. Г. Церетели. Этотъ ораторъ „эсъ-дековъ“ не долженъ былъ выступить въ этомъ засѣданіи, такъ что можно предполагать, что его рѣчь—импровизация. Тѣмъ не менѣе, было видно, что говорить онъ не безъ подготовки.

Вся его злобная, желчная рѣчь была полна общихъ, огульныхъ нападокъ на министерства и русское правительство, на его временные законы въ періодъ междудумскаго подневольнаго антракта. Не разъ рѣчь Церетели прерывалась сильными аплодисментами среди „лѣвыхъ“ и криками „довольно!“ „остановите оратора“, „долой съ трибуны!“ — со стороны „правыхъ“. Рѣзко критикуя изданные временные аграрные законы, ораторъ особенно жестоко упрекалъ министерство въ опубликованіи законовъ, изданныхъ во вредъ крестьянамъ и на пользу помѣщиковъ и дворянъ. Правительство, по мнѣнію Церетели, только подавляетъ всѣ проявленія жизни въ странѣ, губитъ

пшвается въ борьбу труда съ капиталомъ, поощряетъ локауты, давить печать, свободное слово, ставить препятствія заботамъ общества о безработныхъ и т. д. Правительство, объявивъ Россію на военномъ положеніи, поставило ее въ безвыходное положеніе. Генераль-губернаторы организуютъ погромщиковъ (крики: „довольно!“ со стороны „правыхъ“). Вспомните Сѣдлецъ, подвиги „союза русскаго народа“. (Крики „долой!“ со стороны „правыхъ“). Убійство Герценштейна. (Крики на сторонѣ „правыхъ“ покрываютъ рѣчь оратора)... Между старой и новой Россіей ведется ожесточенная борьба. Народъ собирается съ силами (крики: „долой, довольно!“). Настанетъ время— и силѣ правительства будетъ противостоять сила народная!..

Голоса стали просить предсѣдателя запретить дальнѣйшую рѣчь оратора, но послѣдній, не смущаясь, продолжалъ:

„Гг. народные представители! Насъ призываютъ къ законодательной работѣ. Мы рассмотримъ министерскіе проекты. Пусть тогда госуд. дума проявитъ свою силу и значеніе. Дума растетъ съ каждымъ днемъ... Быть можетъ, эта дума не будетъ существовать черезъ недѣлю, но русскій народъ съ думой и безъ думы выведетъ Россію на вольную жизнь. Мы не хотимъ подчиняться правительству. Мы говоримъ: „въ единеніи съ народомъ“. Мы подчинимъ себѣ власть законодательную и исполнительную“.

Въ заключеніе своего „слова“ ораторъ доложилъ собранію послѣдній „манифестъ“—заявленіе соц.-демокр. фракціи.

Предсѣдатель заявилъ, что по поводу деклараціи министерства изъявило желаніе говорить 25 ораторовъ.

Послѣ этого были внесены формулы простого перехода къ очереднымъ дѣламъ—кн. Долгоруковымъ отъ „к.-д.“, Широкинымъ—отъ „с.-р.“, Караваевымъ — отъ трудовиковъ и крестьянскаго союза, Хойскимъ—отъ мусульманской фракціи, Волкъ-Карачевскимъ — отъ „энь-эсовъ“, Гарусевичемъ—отъ польскаго кола. Такимъ образомъ, стало ясно, что большинство думы рѣшило принять правительственныя заявленія.

Изъ рѣчей правыхъ совершенно неумѣстною представилась рѣчь еп. Платона, воспользовавшагося думской кафедрой для оправданія себя предъ газетой „Товарищъ“. Яркою была рѣчь печальной извѣстности П. А. Крушевана.

„Мы, — сказалъ г. Крушеванъ, — предъ лицомъ міра (голоса: „громче“). Я повторяю и могу повторить еще громче о той отвѣтственности, которую мы несемъ сейчасъ не только предъ родиной, но и предъ всѣмъ міромъ. Если въ исторіи выступали моменты, какъ, напримѣръ, французская революція... (Голосъ слѣва: „во Франціи и сейчасъ республика!“). Самыя обнаглѣвшія и мятежныя личности

никогда не доходили до того, до чего доходятъ у насъ люди, оправдывающіе всякія преступленія. Мы настолько прониклись равнодушіемъ, что если-бъ кто-нибудь попытался бросить здѣсь бомбы и превратить насъ всѣхъ въ прахъ, то нашлись-бы люди, которые дерзнули-бы оправдывать это ужасное дѣло. Народъ не пожелаетъ никогда больше переживать такой ужасъ и позоръ. И, можетъ быть, черезъ нѣсколько дней, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вы вспомните эту минуту и узнаете, что я сказалъ правду. Народъ этого ужаса не желаетъ, народъ клеймитъ ужасъ, переживаемый Россіей, не только презрѣніемъ и негодованіемъ, но онъ желаетъ смести всю эту грязь (голоса: „погромы“).

„Я докажу, что если-бы не приемы, къ которымъ прибѣгали во время выборовъ, не обманъ народнаго мнѣнія, то въ думѣ было-бы большинство, которое должно быть въ русской думѣ. Тогда не смѣли-бы здѣсь пикнуть тѣ, которые забастовками и т. п. въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ позорили и разоряли народъ. Если-бы здѣсь была только правда, если-бы не та печать, которая заполняется всякой ложью, муссируя общественное мнѣніе,—здѣсь была-бы другая дума. Я хотѣлъ говорить совсѣмъ другое (голосъ: „Жаль, что сбились“), но теперь говорю съ гордостью, что я выражаю дѣйствительно русское мнѣніе, что вы завтра (голосъ: „Какъ завтра? Почему завтра? Погромъ?“) услышите это мнѣніе отъ народа.

„Люди кричатъ о свободѣ, а идутъ на убійство не только враговъ, но даже дѣтей (голоса: „еврейскіе погромы?“). Я не стану напоминать о случаяхъ, когда отецъ, занимавшій мѣсто хранителя порядка, несъ своего ребенка на рукахъ и оба были убиты. Кровь этой малютки лежитъ позоромъ на цѣломъ поколѣніи. Я знаю, конечно, что многія души настолько выродились, что имъ покажется это смѣшнымъ, поэтому ограничиваюсь только тѣмъ, что мнѣ сказать народъ. Народъ сказалъ: „Подите, если и тамъ не встрѣтите сочувствія, если люди, поставленные мной, не смогутъ провести порядокъ въ жизнь, я самъ встану, я пойду и все смету. Господа, это—правда“ (Голоса: „призывъ къ вооруженному возстанію!“).

Послѣднимъ говорилъ П. А. Столыпинъ который заявилъ, что желаетъ дать отвѣтъ лицамъ, говорившимъ по поводу его заявленія.

„Господа!—началь П. А. Столыпинъ. — Я не предполагалъ выступать вторично предъ государственною думой, но тотъ оборотъ, который приняли пренія, заставляетъ меня просить вашего вниманія. Я хотѣлъ-бы установить, что правительство во всѣхъ своихъ заявленіяхъ государственной думѣ будетъ держаться исключительно строгой законности.

„Правительству желательно было-бы изыскать ту почву, на которой возможна была-бы совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ-бы одинаково намъ понятенъ. Я отдаю себѣ отчетъ, что такимъ языкомъ не можетъ быть языкъ ненависти и злобы. Я имъ пользоваться не буду. Возвращаюсь къ законности. Я долженъ заявить, что о каждомъ нарушеніи ея, о каждомъ случаѣ, не соответствующемъ ей, правительство обязано будетъ громко заявлять; это—его долгъ предъ думой и страной.

„Я утверждаю, что государственной думѣ волею Монарха не дано право выражать правительству неодобреніе, порицаніе или недовѣріе. Это не значить, что правительство сбѣжить отъ отвѣтственности. Безуміемъ было-бы предполагать, чтобы люди, которымъ вручена была власть во время великаго историческаго перелома, во время переустройства всѣхъ государственныхъ и законодательныхъ устоевъ, чтобы люди, сознающіе всю тяжесть возложенной на нихъ задачи, не сознавали тяжести взятой на себя отвѣтственности. Но надо помнить, что въ то время, когда въ нѣсколькихъ верстахъ отъ столицы, отъ царской резиденціи, волновался Кронштадтъ, когда измѣна ворвалась въ Свеаборгъ, когда пылалъ Прибалтійскій край, когда революціонная волна разлилась въ Польшу и на Кавказѣ, когда остановилась вся дѣятельность въ южномъ промышленномъ районѣ, когда распространялись крестьянскіе беспорядки, когда началъ царить ужасъ и терроръ, правительство должно было или отойти и дать дорогу революціи, забыть, что власть есть хранительница государственности и цѣлости русскаго народа, или дѣйствовать и отстоять то, что было ей ввѣрено.

„Но, господа, принимая второе рѣшеніе, правительство роковымъ образомъ навлекло на себя и обвиненіе. Ударяя по революціи, правительство, несомнѣнно, не могло не задѣть частныхъ интересовъ. Въ то время правительство задалось одной цѣлью — сохранить тѣ завѣты, тѣ устои и тѣ начала, которые были положены въ основу реформъ Императора Николая II. Борясь исключительными средствами въ исключительное время, правительство вело и привело страну во вторую думу.

„Я долженъ заявить и желалъ-бы, чтобы мое заявленіе было слышно далеко за стѣнами этого собранія: что тутъ, волею Монарха, нѣтъ ни судей, ни обвиняемыхъ, что эти скамьи (показываетъ на мѣста министровъ)—не скамьи подсудимыхъ; это—мѣсто правительства. За наши дѣйствія въ эту историческую минуту, дѣйствія, которые должны вести не ко взаимной борьбѣ, а къ благу нашей родины, мы точно такъ-же, какъ и вы, дадимъ отвѣтъ передъ исторіей. Я убѣжденъ, что та часть государственной думы, которая желаетъ ра-

ботать, которая желает вести народъ къ просвѣщенію и желаетъ разрѣшить земельныя нужды крестьянъ,—сумѣетъ провести тутъ свои взгляды, хотя-бы они были противоположны взглядамъ правительства. Я скажу даже болѣе: я скажу, что правительство будетъ привѣтствовать всякое открытое разоблаченіе какого-либо неустройства, какихъ-либо злоупотребленій.

„Въ тѣхъ странахъ, гдѣ еще не выработано опредѣленныхъ правовыхъ формъ, центръ тяжести, центръ власти лежитъ не въ установленіяхъ, а въ людяхъ. Людямъ, господа, свойственно и ошибаться, и увлекаться и злоупотреблять властью. Пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачаемы, пусть они будутъ судимы и осуждаемы.

„Но иначе должно правительство относиться къ нападкамъ, ведущимъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти параличъ и воли и мысли. Всѣ они сводятся къ двумъ словамъ, обращеннымъ къ власти: „руки вверхъ“. На эти два слова, господа, правительство съ полнымъ спокойствіемъ, съ сознаніемъ своей правоты, можетъ отвѣтить только двумя словами: „не запугаете!““.

По окончаніи рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ государственная дума приступила къ баллотировкѣ предложенныхъ проектовъ формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ. Членъ государственной думы В. М. Пуришкевичъ внесъ предложеніе о закрытой баллотировкѣ; это предложеніе было отвергнуто, равно какъ отвергнуто и другое предложеніе о поименной баллотировкѣ. Было принято предложеніе о принятіи простой, немотивированной формулы перехода къ очереднымъ дѣламъ, послѣ чего были оглашены четыре проекта означенной формулы, по существу не различающіеся между собою. Баллотировкой вставаніемъ государственная дума приняла слѣдующую формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предложенную кн. П. Д. Долгоруковымъ: „Выслушавъ заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ о вносимыхъ законопроектахъ, государственная дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ“.

Засѣданіе 7-го марта 1907 г.

Это засѣданіе, происходившее такъ-же, какъ и предыдущее, въ залѣ Дворянскаго собранія, не имѣло жгучаго интереса и по своему характеру являлось чисто дѣловымъ думскимъ засѣданіемъ. При открытіи его Ф. А. Головинъ заявилъ, что внесены два предложенія объ избраніи аграрныхъ комиссій для составленія проекта земельного закона. Одно изъ этихъ предложеній внесено трудовиками и крестьянскимъ союзомъ, другое — группою умѣренныхъ крестьянъ. Затѣмъ

были избраны распорядительная комиссия и комиссия по разбору корреспонденции (на основании 33 ст. наказа). Затѣмъ до свѣдѣнія думы былъ доведенъ списокъ поступившихъ законопроектъ (числомъ 79).

Послѣ этого, согласно наказу, дума должна была приступить къ выборамъ комиссій финансовой, бюджетной и по исполненію государственной росписи доходовъ и расходовъ. Государственный выборный кн. Долгоруковъ (к.-д.) предложилъ отложить избраніе въ эти комиссіи, дабы можно было предварительно столкнуться избирающимъ въ думскихъ фракціяхъ.

Здѣсь обнаружилась неумѣлость предсѣдателя вести засѣданіе. Пренія отклонились отъ основной темы и выступавшіе ораторы говорили то, что имъ Богъ на душу положить. Государственный выборный крестьянинъ Пьяныхъ, выступивъ на кафедре, сказалъ слѣдующее:

— Гг. выборные! Хотя и говорилось здѣсь о самомъ необходимомъ для народа, но у насъ самая главная задача, задача голода нашей страны, а потому необходимо избрать комиссію для помощи голодающимъ. У насъ правительство комиссію эту брало въ свои руки. Оно заботилось о голодающихъ. Князь или графъ, я не знаю титула его. (Голоса: „Гурко“).

Деп. Пьяныхъ (продолжая). Скажу только, что этотъ Гурко 2 милліона похитилъ, а Лидваль былъ его помощникомъ. Мы только смотримъ на нихъ, а сами съ голода умираемъ. Поэтому необходимо приступить какъ можно скорѣе къ избранію комиссій для оказанія помощи голодающимъ и умирающимъ. (Аплодисменты.)

Заявленіе деп. Пьяныхъ имѣло совершенно неожиданныя послѣдствія. Оно было принято думою, какъ предложеніе образовать продовольственную комиссію. Предсѣдатель не нашелъ нужнымъ указать, что по существу это предложеніе являлось совершенно новымъ и поэтому не подлежащимъ обсужденію въ этомъ засѣданіи. Напрасно государственные выборные кн. Долгоруковъ, Родичевъ, Синадино, свящ. Гриневичъ, Пуришкевичъ, Митровъ, Кузьминъ-Караваевъ, Фокѣевъ и Гессенъ пытались направить пренія на обсужденіе способа избранія вообще различныхъ думскихъ комиссій, дума, признавъ подлежащими избранію въ слѣдующемъ засѣданіи комиссій: финансовой, бюджетной, по исполненію росписи доходовъ и расходовъ, немедленно приступила къ обсужденію вопроса объ образованіи комиссій о помощи голодающимъ. Вновь этотъ послѣдній вопросъ былъ возбужденъ трудовикомъ Карташевымъ, октябристъ предложилъ было отложить вопросъ, но дума рѣшила обсуждать новое предложеніе немедленно. Депутаты Алексинскій и Булатъ говорили о задачахъ комиссій, указывая на необходимость организациі общественныхъ силъ; г. Савельевъ — о доассигнованіи средствъ на борьбу съ голо-

домъ и о болѣе правильной постановкѣ благотворительной помощи. Д. Тиграмякъ — о составѣ комиссiи, Каклячинъ — о голодѣ въ Донской области, гг. Федоровъ и Петровскiй о причинахъ голода, а д. Жагилевъ требовалъ немедленнаго учрежденiя комиссiи, Хасановъ — о передачѣ комиссiи всего продовольственнаго дѣла; г. Шахтагинскiй — о голодѣ на Кавказѣ, г. Покровскiй — о безработныхъ, Сагителинъ — о бѣдственномъ положенiи Закавказья.

Деп. Родичевъ напрасно пытался снова возвратитъ пренiя на установленный путь.

Послѣ этого стали говорить, кто о чемъ желалъ. Московскiй выборный Кизветтеръ говорилъ о контролѣ надъ бюрократiей, г. Пьяныхъ — о „сытыхъ“ ораторахъ, Перелешинъ — о голодѣ въ Воронежской губ., Пуришкевичъ о чемъ-то вродѣ слѣдственной комиссiи, Крушеванъ — о немедленномъ ходатайствѣ относительно матеріальной помощи голодающимъ, Ломшатидзе — о деклараціи правительства, Афанасьевъ — о злоупотребленiяхъ при организаціи продовольственной помощи, Герусъ — о голодѣ и революціи, подольскiй представитель кр. Семеновъ — о правыхъ и лѣвыхъ въ думѣ, Пуришкевичъ — о социаль-революціонерахъ, Алексинскiй даже внесъ предложенiе объ образованiи новой комиссiи, П. Струве пытался указать, что скороспѣлое рѣшенiе столь важнаго вопроса было-бы величайшей неосторожностью.

Пренiя затянулись безъ конца, наконецъ, уже въ сумерки дума, большинствомъ всѣхъ противъ крайнихъ лѣвыхъ, приняла предложенiе г. Родичева: „Обсужденiе вопроса о продовольственной комиссiи отложить и самый вопросъ разрѣшить по существу въ слѣдующемъ засѣданiи“, которое было назначено въ пятницу 9-го марта.

Засѣданіе 9-го марта 1907 г.

Отрывъ это засѣданiе, предсѣдатель доложилъ о поступившихъ изъ отдѣловъ выборныхъ производствахъ. По Пензенской и Тобольской губерніямъ предположено, не касируя выборовъ, довести до свѣдѣнiя министра внутреннихъ дѣлъ о допущенныхъ неправильностяхъ мѣстной администраціи. По Калужской губерніи предположено касировать двухъ членовъ. Затѣмъ дума перешла къ выборамъ финансовой, бюджетной, контрольной, библиотечной и редакціонной комиссiй. Въ общей сложности въ эти комиссiи избралось 113 членовъ.

Дума перешла къ вопросу о продовольственной комиссiи. Внося свое письменное предложенiе и открывая пренiя объ учрежденiи продовольственной комиссiи, деп. Родичевъ произнесъ весьма пространствъ, въ котороѣ, признавъ законность и целесообразность

такой комиссії, указаль на невозможность думскаго контроля на мѣстахъ или невозможность для комисіи изслѣдованія причины голода. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ говорилъ, что законодательную задачу передать комисіи нельзя, вопросъ-же о безработныхъ необходимо выдѣлить. Поэтому его предложеніе приняло тако видъ:

„На основаніи ст. 5 пол. о г. д. и § 9 о разсмотрѣніи государственной росписи, независимо отъ общей бюджетной комисіи, образовать комиссію изъ 22 лицъ, избираемыхъ отдѣлами для разсмотрѣнія ассигнованнаго по росписи кредита на продовольственное дѣло, въ связи съ общей поставкой продовольственной операціи“.

Деп. Алексинскій предложилъ это заявленіе г. Родичева принять, какъ новое, но дума не согласилась съ нимъ и приступила къ обсужденію вопроса въ томъ его объемѣ, какой предложенъ г. Родичевымъ, т. е., съ выдѣленіемъ вопроса о безработныхъ.

Пренія открылъ представитель Пермской губ. Боскинъ („энь-эсь“), стоявшій за мѣстные комитеты. Трудовикъ Караваевъ (Екатеринославъ) предлагалъ включить въ обязанности комисіи законодательныя функціи. Нижегородскій депутатъ Долгополовъ („эсь-эръ“) внесъ предложеніе отъ группы социалистовъ-революціонеровъ, говорящее объ организаціи народныхъ комитетовъ на мѣстахъ и о передачѣ имъ продовольственнаго дѣла, а также о разслѣдованіи дѣятельныхъ правительственныхъ органовъ. Деп. Джапаридзе горячо поддерживалъ это предложеніе, петербургскій деп. Федоровъ попытался обратить вниманіе думы на безработныхъ. Депутаты Алексинскій и Герусъ настаивали на организаціи мѣстныхъ комитетовъ.

Всѣ ихъ доводы разбилъ петербургскій депутатъ І. В. Гессенъ. Но и послѣ него депутаты Кириосовъ, Кириенко, Евреиновъ, Карачевскій-Волкъ, Майко, Жигалевъ, Таланцевъ въ разныхъ выраженіяхъ настаивали на посылкѣ депутатовъ думы въ голодающія мѣстности, а деп. Теръ-Аветикенцъ говорилъ о голодѣ въ Елисаветпольской губ. Деп. Кизеветтеръ въ довольно туманныхъ выраженіяхъ отстаивалъ предложеніе г. Родичева.

Послѣ подобныхъ разговоровъ и нескончаемыхъ преній, которыя не могли привести и не привели ровно ни къ чему, слово было оставлено Родичеву. Ему предстояло отвѣчать на возраженія, которыя сыпались въ теченіе пяти часовъ.

Онъ сказалъ слѣдующее: „Меня упрекають, будто я своимъ предложеніемъ сузилъ задачи думы и желалъ оставаться глухимъ къ воплямъ народа. Но почему вы думаете, что провозглашающій эти неопредѣленные звуки имѣеть преимущества на сочувствіе народа? Еще недостаточно сказать: „я накормлю тебя“, надо—сумѣть это сдѣлать и быть въ состояніи это сдѣлать.“

„Прежде всего я отвѣчу социаль-демократамъ... Они говорятъ, что наша обязанность сказать народу правду. Но я не понимаю, почему болѣе правдиво можно говорить на мѣстахъ, а не въ стѣнахъ г. думы. Народъ васъ послалъ, чтобы вы здѣсь засѣдали, послалъ сюда свои глаза, а вы хотите опять куда-то разъѣзжаться и узнавать то, чего вы до сихъ поръ не знали“.

Правые и центръ зааплодировали Родичеву, лѣвые, пользуясь постановленіемъ объ ограниченіи времени пятью минутами, старались заглушить оратора и требовали отъ него закончить рѣчь. Поднялся невѣроятный шумъ; „просимъ продолжать!“—кричали правые, „довольно“!.. — перебивали лѣвые. Предсѣдатель водворилъ спокойствіе.

Родичевъ продолжалъ: „Здѣсь говорили въ теченіе пяти часовъ и хотятъ, чтобы я отвѣтилъ на всѣ возраженія въ пять минутъ... Или ваши аргументы такъ слабы, что вы боитесь возраженій?.. Предложеніе ѣхать на мѣста напоминаетъ мнѣ слова одной сказки: „пойди туда—не знаю куда; принеси то—не знаю что“...“

Въ дальнѣйшемъ своемъ возраженіи Родичевъ блестяще опровергъ необходимость посланки депутатовъ отъ думы на мѣста и сошелъ съ трибуны при громкихъ аплодисментахъ правыхъ и центра. Предсѣдатель заявилъ, что пренія закончены и слово будетъ предоставлено предсѣдателю совѣта министровъ.

Социаль-демократы отказались отъ выступленія. Стоявшіе въ проходахъ депутаты поспѣшили занять свои мѣста; черезъ нѣсколько мгновеній въ залѣ водворилась тишина.

II. А. Столыпинъ началъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ:

„Правительство желаетъ сдѣлать заявленія о постановкѣ вопроса; оно полагаетъ, что, согласно 5-й статьѣ учрежденія о государственной думѣ, дума можетъ для предварительной разработки подлежащихъ ей разсмотрѣнію дѣлъ образовывать изъ своей среды отдѣлы и коммисіи. Статьи 31, 32, 33 разъясняютъ, какія дѣла подлежатъ вѣдѣнію государственной думы. Это—дѣла, требующія изданія законовъ, и предложенія объ отмѣнѣ и измѣненіи дѣйствующихъ законовъ. Наконецъ, государственная дума можетъ обращаться къ министрамъ съ запросами. Въ данномъ случаѣ предложено образовать комиссію для разсмотрѣнія отчета о продовольственномъ дѣлѣ. Собственно говоря, изъ отчетовъ разсмотрѣнію думы подлежитъ только отчетъ государственнаго контроля. Въ данномъ случаѣ всѣ сегодняшнія рѣчи имѣютъ характеръ запросовъ къ правительству о незаконности его дѣйствій. Поэтому предложенія, высказанныя здѣсь, правительство понимаетъ, какъ запросъ къ нему, и такъ какъ въ скоромъ времени, на-дняхъ, долженъ быть опубликованъ отчетъ о про-

довольственной и сѣменной кампаніи, то правительство внесеть этотъ отчетъ въ думу, какъ отвѣтъ на запросъ.

„Затѣмъ, согласно статьѣ 40-й положенія о государственной думѣ, дума можетъ обращаться къ министрамъ и управляющимъ отдѣльными частями за разъясненіями, непосредственно касающимися разсматриваемыхъ ею дѣлъ. Слѣдовательно, если комиссія при разсмотрѣніи отчета обратится къ министру внутреннихъ дѣлъ или къ другому министру за разъясненіями, то они немедленно будутъ представлены государственной думѣ. Затѣмъ правительство имѣло въ виду войти въ думу съ ходатайствомъ о дополнительномъ ассигнованіи на продовольственное дѣло. Слѣдовательно, при разсмотрѣніи этого ходатайства дума можетъ обратиться за объясненіями, которыя ей также будутъ представлены. Несомнѣнно, что въ порядкѣ статьи 40-й правительство представитъ государственной думѣ самое подробное разъясненіе, такъ какъ правительству желательно исключительно пролить на это дѣло полный свѣтъ, доказательствомъ чего служатъ сдѣланныя правительствомъ усилія для полного и гласнаго освѣщенія несчастнаго дѣла Лидвала.“

„Что касается собственно продовольственнаго закона, то правительство не скрываетъ дефектовъ существующаго закона и вноситъ на утвержденіе думы новыя временныя продовольственныя правила.“

„Обращаясь къ существу тѣхъ нападокъ, которые правительство слышало въ теченіе сегодняшнихъ преній, полагаю, что комиссія, имѣющая столь существенное значеніе, не будетъ только орудіемъ для опорочиванія правительства въ глазахъ народа, и потому правительство представитъ свои разъясненія по существу какъ въ самой комиссіи, такъ и по окончаніи ея работъ въ г. думѣ. Ввиду этого я заявляю, что правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію, внесенному членомъ г. думы Родичевымъ.“

Послѣднія слова рѣчи премьеръ-министра явились до того неожиданными, что депутаты, казалось, застыли на мгновеніе въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Первые бурными аплодисментами нарушили молчаніе правые, къ нимъ присоединилась часть центра, а дальше аплодировало нѣсколько лѣвыхъ безпартійныхъ крестьянъ. Во время перерыва умѣренные и правыя группы искренно радовались за участь второй думы, выражая надежду поработать съ такимъ министромъ, какъ Столыпинъ. „Ка-деты“ старались приписать побѣду исключительно себѣ; часть лѣвыхъ совершенно, что называется, потеряла свою линію; другіе старались „дѣлать настроеніе“ и подтрунивать надъ „ка-детами“. Безпартійные крестьяне и многіе изъ трудовиковъ открыто пеняли на социаль-демократовъ. Въ средѣ самихъ социаль-демократовъ является все больше опасеній раскола.

Общее настроеніе было крайне повышенное и съ разныхъ сторонъ отъ различныхъ партій приходилось слышать чуть-ли не восторженные отзывы о сегодняшнемъ шагѣ Столыпина.

Въ 5 час. 20 мин. засѣданіе возобновилось. Волненія еще не улеглись и прошло довольно много времени, пока депутаты заняли свои мѣста.

Предсѣдатель предложилъ приступить къ баллотировкѣ и сообщилъ, какимъ порядкомъ онъ ее думаетъ производить. Сначала будетъ баллотироваться главный вопросъ объ образованіи комиссіи и, если большинство выскажется за нее, придется баллотировать вопросы о задачахъ комиссіи, ея составѣ и порядкѣ выборовъ ея членовъ. Предварительно будутъ баллотироваться всѣ поправки, а затѣмъ уже предложеніе Родичева.

На очереди основной вопросъ—нужно-ли избирать комиссію по продовольственному дѣлу? Дума единогласно рѣшила вопросъ въ положительномъ смыслѣ.

Дальше шли поправки, внесенныя лѣвыми группами. Первая, изъ-за которой было столько преній, принадлежитъ социаль-демократамъ и касается контроля продовольственнаго дѣла на мѣстахъ или, проще, посылки депутатовъ по Россіи съ невѣдомыми полномочіями. Несогласныхъ съ предложеніемъ о контролѣ на мѣстахъ предсѣдатель просилъ встать. Поднялись всѣ правые, умѣренные, за немногимъ исключеніемъ центръ и нѣсколько человекъ на ближайшихъ къ нему лѣвыхъ скамьяхъ. Въ первый моментъ казалось, что силы равны... Вся масса лѣвыхъ и заднія скамьи центра остались сидѣть. Наконецъ, предсѣдатель огласилъ результаты баллотировки. Противъ предложенія социаль-демократовъ высказалось 287 человекъ, а при обратной баллотировкѣ за предложеніе 168.

Вторая поправка: поручить комиссіи выработать законопроектъ по продовольственному дѣлу. Результатъ почти тотъ-же: 270 голосовъ высказались противъ такого положенія.

Третья поправка—о порученіи комиссіи выработать временныя правила также отклонена. Отклонено и предложеніе сосредоточить свѣдѣнія о голодѣ и повышеніи цѣнъ на жизненные продукты и собираніи этихъ свѣдѣній на мѣстахъ. Здѣсь лѣвые до того отчаялись и потеряли надежду, что согласны даже на подсчитывать голосовъ. Наконецъ, баллотировалась формула Родичева; которая и была принята.

Засѣданіе 12-го марта 1907 г.

Это засѣданіе, происходившее снова въ Таврическомъ дворцѣ, въ кое-какъ подиравленномъ послѣ катастрофы 2-го марта залѣ,

можно назвать въ полномъ смыслѣ слова „боевымъ“. Предстояло обсужденіе вопроса объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, этой современной русской язвы.

По открытіи Ф. А. Головинымъ засѣданія, дума вполне равнодушно выслушала сообщеніе о внесенныхъ правительствомъ законопроектахъ, между которыми было немало весьма важныхъ (напр., о свободѣ совѣсти, о неприкосновенности личности, жилищъ и тайны корреспонденціи). Слѣшно и почти безъ преній установлено было, что думскія засѣданія должны происходить по понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и пятницамъ и въ первые три дня начинаться въ 11 часовъ утра, а въ пятницу—въ 2 часа дня, продолжаясь съ часовымъ перерывомъ до 6 часовъ вечера.

Немедленно послѣ этого, по предложенію А. А. Стаховича, было поставлено на первую очередь предложеніе объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. Съ докладомъ по этому предложенію выступилъ государственный выборъ отъ Петерб. губ., „к.-д.“ В. М. Гессенъ. Отъ имени „к.-д.“ партіи онъ послѣ обстоятельной и сдержанной характеристики военно-полевыхъ судовъ предложилъ передать внесенный въ г. д. законопроектъ объ отмѣнѣ временнаго закона 19-го августа 1906 г. въ комиссію изъ 16 лицъ, подлежащихъ избранію въ этомъ-же засѣданіи, обязавъ ее представить законопроектъ въ окончательной формѣ въ 24 часа, и, признавая проектъ неотложнымъ, предложить председателю думы назначить его слушаніемъ по возможности въ ближайшій день.

Послѣ г. Гессена выступилъ мирнообновленецъ, новгородскій гос. выборный Константиновъ, заявившій, что законопроектъ долженъ быть рассмотрѣнъ немедленно. По убѣжденію г. Константинова, военно-полевые суды не достигли цѣли. Онъ рассказалъ, какъ одинъ приговоренный къ разстрѣлу, падая подъ залпомъ пуль, умеръ съ крикомъ: „да здравствуетъ свобода!“.

Слѣдующій ораторъ, депутатъ Ширскій, отъ имени „с. - р.“ „с.-н.“ и трудовиковъ, доказывалъ, что военно-полевой судъ—даже и не судъ вовсе, а административная расправа, и предложилъ провести законъ объ отмѣнѣ его съ максимальной поспѣшностью.

Весьма обоснована была слѣдующая рѣчь проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, назвавшаго в.-пол. судъ „органомъ безпримѣрнымъ“, „орудіемъ уничтоженія жизни“. „Военно-полевые суды,—говорилъ ораторъ,—засвидѣтельствовали свою дѣятельность невѣроятнымъ числомъ ужасныхъ судебныхъ ошибокъ и этихъ ошибокъ не могло не быть при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ эти суды дѣйствуютъ.“ Въ заключеніе онъ предложилъ внести въ законопроектъ дополненіе, согласно которому всѣ состоявшіеся, но не исполненные приго-

воры в.-пол. судовъ въ исполненіе не приводить, а направить ихъ для дослѣдованія.

Выступившій отъ трудовой группы депутатъ Булатъ заявилъ, что эта группа и крестьянскій союзъ присоединяются къ законопроекту объ отмѣнѣ в.-п. судовъ. Когда ораторъ назвалъ дѣятельность в.-п. судовъ „маленькимъ уголкомъ въ кровавой эпопее бюрократическаго разбоя“, онъ за эту фразу былъ призванъ къ порядку.

Еще во время рѣчи Кузьмина-Караваева начала пополняться министерская лежа. Появились гг. Столыпинъ, Коковцевъ, Щегловитовъ, Философовъ. Когда они всѣ заняли свои мѣста, начали выступать ораторы правыхъ: Шульгинъ, Крушеванъ, Пурышкевичъ. Если отъ ихъ рѣчей отбросить всевозможныя нападки на ихъ политическихъ противниковъ, то получится, что и правыя партіи стоятъ за отмѣну в.-п. судовъ. „Я стою,—говорилъ г. Крушеванъ,—за отмѣну военно-полевыхъ судовъ; только эта отмѣна дастъ право крестьянамъ устоять въ борьбѣ съ эксплуататорами“.

Госуд. выборный Шульгинъ указалъ на слѣдующее опасеніе: въ случаѣ отмѣны в.-пол. судовъ въ народѣ начнется самосудъ, направленный противъ революціонеровъ и террористовъ.

„Господа!—восклицалъ Пурышкевичъ,—неужели вы полагаете, что кто-бы то ни былъ изъ насъ могъ-бы спокойно, положи руку на сердце, сказать, что мы являемся сторонниками военно-полевыхъ судовъ и смертной казни?“ Однако, несмотря на такое свое заявленіе, г. Пурышкевичъ высказалъ, что если-бы в.-п. суды были отмѣнены, то это было-бы „преступленіемъ“ по отношенію къ народу“ (?!).

Блестящую рѣчь произнесъ московскій госуд. выборный Маклаковъ, доказывавшій, что в.-п. суды—это попраніе законности, орудіе развращенія народа и арміи. Онъ рассказалъ о томъ, какъ приходится дѣйствовать юридически необразованнымъ офицерамъ, членамъ в.-п. судовъ, связаннымъ секретнымъ циркуляромъ, который не дозволяетъ смягчать наказанія, а предписываетъ примѣнять смертную казнь. Онъ указалъ также на незаконныя дѣйствія нѣкоторыхъ высшихъ военныхъ властей въ отношеніи полного ихъ произвола въ вопросѣ о преданіи преступниковъ в.-пол. судамъ.

Затѣмъ представитель польскаго коло Новодворскій говорилъ объ ошибкахъ в.-п. судовъ въ Польшѣ, депутатъ Бобинъ назвалъ ихъ орудіемъ одичанія, депутатъ Вулгаковъ называлъ в.-п. суды попраніемъ завѣтовъ Христа; проф. Капустинъ отъ имени октябристовъ присоединился къ законопроекту объ отмѣнѣ в.-п. судовъ.

Горячую рѣчь произнесъ московскій госуд. выб. Тесленко. Онъ заявилъ, что в.-п. суды не заслуживаютъ названія „судъ“. „Въ старыя времена преступниковъ возили на мѣсто казни въ черныхъ

колесницахъ, вѣшая на грудь надпись: „онъ содѣялъ такое-то преступленіе“. Мнѣ невольно хочется сравнить военно-полевые суды именно съ этой черной колесницей. Тутъ нѣтъ суда, тутъ есть черная колесница, на которой безапелляціонно везутъ къ мѣсту казни. Въ судѣ бываетъ судебное слѣдствіе. Въ судѣ бываетъ вызовъ свидѣтелей. Военно-полевые суды заняты только одной мыслью: „скорѣй на эшафотъ“. Для чего созданы в.-п. суды? Отвѣтъ чрезвычайно простъ. У министерства не хватило смѣлости сказать: генераль-губернаторы получаютъ право казнить кого имъ заблагоразсудится. И вотъ, чтобы замаскировать это безапелляціонное право, создали комедію суда. Создали моральную пытку. Были-ли примѣнены в.-пол. суды хоть разъ къ погромщикамъ, къ подстрекателямъ погромовъ? (Апшлудисменты.) Если они не были примѣнены, то это значить, что эти суды являются не орудіемъ борьбы за государственность, а просто средствомъ истребленія враговъ“. Въ заключеніе онъ требовалъ скорѣйшей отмѣны в.-п. судовъ.

Послѣ него правый гр. Вобринскій тщетно пытался защищать в.-п. суды, причемъ въ концѣ своей рѣчи сказалъ слѣдующее: „Я все это говорю вовсе не для защиты военно-полевыхъ судовъ, какъ таковыхъ: они производятъ, конечно, ужасное впечатлѣніе, но нельзя говорить, что весь позоръ за нихъ падаетъ на правительство, что нигдѣ, ни въ одномъ государствѣ нѣтъ ничего подобнаго. Мы всѣ съ вождельніемъ ждемъ, когда можно будетъ прекратить въ Россіи смертныя казни и въ особенности полевые суды, но не надо забывать, что смертная казнь существуетъ во всемъ цивилизованномъ мірѣ и будь, гдѣ-нибудь хотя половина тѣхъ ужасовъ, которые переживаемъ мы, ихъ давно-бы остановили военно-полевыми судами... Разница лишь въ томъ, что на помощь такимъ судамъ явилось-бы прежде всего общественное мнѣніе, которое возстаетъ противъ гадости и мерзости бомбометателей. Депутатъ Маклаковъ, какъ и другіе, только обѣщаютъ сказать, какъ они относятся къ ужасамъ революціи, но зато мы уже видѣли, какъ отнеслась къ нимъ первая государственная дума, отказавшаяся выразить порицаніе политическимъ убійствамъ, а въ свое время партія народной свободы, встрѣтившая на сѣздѣ ошибочное извѣстіе объ убійствѣ генерала Дубасова апшлудисментами“.

Петербургскій депутатъ П. Струве называлъ в.-п. суды призывомъ къ убійству. Послѣ него с.-д. Герусъ отъ имени своей партіи внесъ поправку въ законопроектъ. Лишь послѣ этого была прекращена запись ораторовъ. Далѣе произнесъ рѣчь донской казакъ-офицеръ Бардышъ, просившій думу избавить армію отъ позора быть палачемъ. Послѣ него одесскій госуд. выб. Пергаментъ произнесъ

красивую, но не внесшую ничего новаго рѣчь, а „с.-р.“ Ржекинъ изъ Саратова говорилъ, что всякій революціонный терроръ прекратится самъ собою, когда исчезнетъ произволъ.

Кульминаціонною точкою потомъ явилась рѣчь свящ. Тихвинскаго, государственнаго выборнаго отъ Вятской губ. Въ этой рѣчи, многократно прерываемой аплодисментами лѣвой и центра, онъ рѣзко осуждалъ полевые суды съ общественной и христіанской точки зрѣнія. Онъ говорилъ, что преступниками не рождаются, а становятся, и вина въ этомъ лежитъ на наставникахъ свѣтскихъ и духовныхъ, на священно-служителяхъ, не уберегающихъ пасомыхъ ими овецъ отъ дурнаго пути. Не полевыми судами, посылающими людей на казнь, можно это исправить. Смертная казнь осуждается Евангеліемъ. Ораторъ обратился къ „святителямъ церкви, здѣсь присутствующимъ“ и предложилъ имъ „съ этой кафедры“ указать, какъ христіанство смотритъ на смертныя казни.

Епископъ Евлогій сейчасъ-же попросилъ слова по личному вопросу и, ссылаясь на слова „священнослужителя православной церкви“, потребовавшего отъ „архипастырей, чтобъ они осудили смертныя казни“, сказалъ, что священникъ правъ: казни христіанскимъ ученіемъ осуждены. Епископъ Евлогій заявилъ, что онъ объ этомъ уже говорилъ, но, осуждая казни, надо осудить и насилія, совершаемыя другой стороною; они такъ-же противны христіанству, какъ и казни. Деп. Мельникъ указалъ на смуту, которая идетъ въ народѣ. Сынъ встаетъ на отца и братъ на брата.

Въ 5 ч. 45 м. было поставлено, но отклонено предложеніе ограничить время каждаго оратора пятью минутами. Затѣмъ выступали противъ полевыхъ судовъ два оратора—Малѣевъ и Шахтактинскій, который отъ имени мусульманской группы присоединился къ законопроекту. Въ 6 ч. засѣданіе было закрыто.

Засѣданіе 13-го марта 1907 г.

Засѣданіе открывается въ 11 ч. 10 м. Ф. А. Головинъ доложилъ о поступившихъ законопроектахъ, внесенныхъ министерствомъ юстиціи. За подписью 44 членовъ думы поступило заявленіе объ образованіи комиссіи для разслѣдованія преступленій должностныхъ лицъ. Отъ министра юстиціи поступили два сообщенія о привлеченіи въ качествѣ обвиняемыхъ членовъ думы: Геруса по преступленіямъ, предусмотрѣннымъ ст. ст. 126, 1 ч. 51, 104, и 132 угол. улож., и Кузнецова по 128 ст. улож. и 281 ст. улож. о наказ. Затѣмъ были сообщены результаты выборовъ въ комиссіи: по разсмотрѣнію государственной росписи, финансовую и бюджетную. Госуд. выб. Рабиновичъ просилъ приступить къ выборамъ продоловительственной

комиссії, не ожидая окончанія преній по законопроекту объ отмѣнѣ полевыхъ судовъ, ввиду того, что выборы записками можно производить одновременно съ преніями, такъ-же, какъ и подсчетъ. Дума приняла это предложеніе, а затѣмъ приняла и поправку Варунъ-Секрета о томъ, чтобы выборы произвести послѣ перерыва, когда депутаты успѣютъ сговориться.

На очереди—продолженіе преній по вопросу объ отмѣнѣ законопроекта о полевыхъ судахъ. Партія народной свободы сдѣлала попытку уменьшить словоговореніе и предложила ограничить время ораторовъ до 5 минутъ; но противъ этого возразилъ выб. Кузьминъ-Каравасевъ, который и въ прошломъ году противодѣйствовалъ сокращенію преній по аграрному вопросу. Къ нему присоединились крайняя правая и лѣвая, и рѣчи полились безъ конца; только три оратора имѣли мужество отказаться отъ слова. Трудно, конечно, было ожидать приведенія какихъ-либо новыхъ доводовъ, рѣчи представляли интересъ только съ точки зрѣнія общей характеристики, которую ораторы давали себѣ своими рѣчами.

Первымъ говорилъ Круцескій (правый). Онъ опять началъ сравнивать политическія убійства съ казнями военно-полевыхъ судовъ, которыя онъ также называлъ убійствомъ, и видѣлъ преимущество послѣднихъ только въ томъ, что здѣсь есть хоть призракъ суда. Выступавшій въ этомъ-же засѣданіи тоже правый ораторъ Синадино согласился уже на отмѣну военно-полевого суда съ тѣмъ, однако, чтобы гос. дума высказала порицаніе политическимъ убійствамъ.

Ему очень удачно, по словамъ „Рѣчи“, отвѣтилъ членъ партіи нар. свободы Шингаревъ, который указалъ, что дума призвана улучшать положеніе Россіи посредствомъ законодательства и контроля за дѣйствіями правительства, въ этомъ смыслѣ и сдѣлано предложеніе объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, — но государственная дума не есть митингъ и не призвана постановлять резолюцію, говорить жалкія слова.

Ранѣе этого выступалъ депутатъ отъ донскихъ казаковъ Петровский, протестовавшій противъ военно-полевыхъ судовъ. Его рѣчь вызвала большой скандалъ. Дѣло въ томъ, что, когда г. Петровский заявилъ, что правительство лишь обманомъ заставило казачество принимать участіе въ подавленіи освободительнаго движенія, давъ ложное представленіе о послѣднемъ, и обѣщалъ, что скоро уже донскіе казаки откажутся поднять нагайку на своего ближняго, правые стали безобразно кричать: „ложь, ложь!“ (Карауловъ съ Кубани и др.). При этомъ графъ Вобринскій сталъ всячески успокаивать прыгающаго Пурышкевича, а самъ билъ себя въ грудь и выкрикнулъ: „неправда это! я—бывшій офицеръ!“. Съ большимъ трудомъ

среди криковъ съ одной стороны и аплодисментовъ съ другой, Ф. А. Головинъ прочиталъ нотацію и рѣчи потекли дальше.

Очень горячо, со слезами на глазахъ и въ голосѣ, задыхаясь отъ волненія, говорилъ трудовикъ д-ръ Долгополовъ. „Я приобрѣлъ право говорить такъ, вся жизнь разбита, прошла въ ссылки и тюрьмахъ“. Онъ горячо обращался къ правымъ съ призывомъ прекратить насилія. Ужасна жизнь, когда, просыпаясь, ежедневно только и слышишь о висѣлицахъ, о бомбахъ и какихъ-то кивжалахъ. Онъ согласенъ, что революціонные приговоры, „приговоры подполья“— это проклятіе, и чѣмъ скорѣе избавится отъ нихъ Россія—тѣмъ лучше. Далѣе онъ говорилъ о радости по поводу заявленія Столыпина о работѣ по созданію правового государства и „умолялъ“ правительство, чтобы оно осуществило это не на словахъ, а на дѣлѣ. Ему аплодировали всѣ, даже правые, особенно проф. Капустинъ.

Очень горячо говорилъ прот. Владимірскій, указывающій, что в.-п. суды растлѣваютъ народъ и убиваютъ въ немъ героизмъ.

О стремленіи къ мирной работѣ, о желаніи прекратить кровопролитіе высказался и представитель партіи с.-р. Архангельскій, такъ что моментами съ правой стороны раздавались отдѣльныя выкрикиванія „браво“. Заявленіе представителей с.-р. сильно подчеркнул Кузьминъ-Караваявъ. Копстатуруя осужденіе самими „с.-р.“ политическихъ убійствъ, онъ присоединился къ этому осужденію, и когда затѣмъ онъ спросилъ правыхъ, почему они не протестуютъ противъ погромовъ, вся лѣвая наградила его аплодисментами.

Съ утра скамьи министерства пусты, говорили по этому поводу, что министры отсутствовали по случаю похоронъ Побѣдоносцева, но около 2 ч. предъ самымъ перерывомъ появились П. А. Столыпинъ и съ нимъ И. Г. Щегловитовъ, М. П. Кауфманъ и Шванебахъ; во второмъ ряду А. А. Макаровъ и Н. Н. Чаплинъ. Во время перерыва въ Екатерининскомъ залѣ дарило сильнѣйшее оживленіе, имѣвшее, однако, иной характеръ, нежели въ прошломъ году. Тогда крестьяне собирались вокругъ интеллигентовъ, которые и бесѣдовали съ ними, теперь сходились между собою правые и лѣвые крестьяне и вели страстные споры. Послѣ перерыва, министры опять заняли свои мѣста, а наверху въ великокняжеской ложѣ появился великій князь Николай Михайловичъ, который усиленно посѣщаетъ засѣданія государственной думы. Опять послѣдовали попытки со стороны партіи н. с. прекратить или сократить пренія. Наконецъ, около 5 ч. удалось провести предложеніе о прекращеніи преній; противъ этого возстали только 34 человѣка изъ правыхъ.

Наконецъ, на трибунѣ появился П. А. Столыпинъ.

Премьеръ повторилъ слова послѣ того, какъ пренія признаны

были прекращенными и весь цикл рѣчей закончился. Какъ всѣ его рѣчи, и это оставляла впечатлѣніе искренности и правдивости. Когда онъ началъ доказывать обоснованность полевыхъ судовъ съ точки зрѣнія государственной необходимости, то призналъ, что въ спорѣ о юридической доктринѣ выигрышъ едва-ли-бы остался на его сторонѣ. Затѣмъ онъ перешелъ на почву факта, и получилась небывалая еще у насъ картина: предсѣдатель совѣта министровъ огласилъ избирательную программу россійской социальной рабочей партіи, говорящую о введеніи въ Россіи демократической республики и содержащую въ себѣ слѣдующее: „только подъ натискомъ широкихъ народныхъ массъ, подъ напоромъ народнаго возстанія, поколеблется армія, на которую опирается правительство, падутъ твердыни самодержавнаго деспотизма; только борьбою завоюетъ народъ государственную власть, завоюетъ землю и волю“.

Затѣмъ П. А. Столыпинъ заявилъ:

„Предо мной другой документъ: резолюція съѣзда социаль-революціонеровъ, бывшаго въ Таммерфорсѣ предъ началомъ дѣйствій государственной думы. Въ резолюціи я читаю: „съѣздъ рѣшительно высказывается противъ тактики, опредѣляющей задачи думы, какъ органическую работу въ сотрудничествѣ съ правительствомъ, при самоограниченіи думы рамками основныхъ законовъ, не санкціонированныхъ народной волей“.

„Затѣмъ въ концѣ: „съѣздъ находитъ необходимымъ, въ видѣ временной мѣры, всѣ центральные и мѣстные террористическіе акты, направленные противъ агентовъ власти, имѣющихъ руководящее административное политическое значеніе, поставить подъ непосредственный контроль и руководство центрального комитета. Вместе съ тѣмъ, съѣздъ находитъ, что партія должна возможно болѣе широко использовать, для расширенія и углубленія своего вліянія въ странѣ, всѣ новыя средства и поводы агитаціи и безостановочно развивать въ странѣ, въ цѣляхъ поддержки основныхъ требованій, широкое активное народное движеніе, имѣющее перейти во всеобщее возстаніе“.

Для большинства присутствующихъ ничего новаго это оглашеніе не дало, такъ какъ съ этимъ документомъ почти всѣ уже ознакомлены, но такой прямой и откровенный приступъ къ дѣлу со стороны П. А. Столыпина произвелъ впечатлѣніе.

Оставаясь на почвѣ факта, правительство не могло-бы, конечно, согласиться на уступку въ вопросѣ о полевыхъ судахъ, которые оно само-же учредило для борьбы съ революціей, но премьеръ перешелъ на другую почву и взглянулъ на вопросъ съ иной точки зрѣнія. Онъ призналъ, что надо имѣть въ виду не только борьбу, но и

народную нравственность, подъему которой полевые суды, конечно, не содѣйствуютъ. Затѣмъ онъ пошелъ еще дальше и вступилъ на почву довѣрія.

„Я задаю себѣ лишь вопросъ о томъ, — говорилъ г. Столыпинъ, — въ правѣ-ли правительство, при такомъ положеніи дѣла, сдѣлать демонстративный шагъ, не имѣющій за собою реальной цѣны, шагъ въ сторону формальнаго нарушенія закона? Въ правѣ-ли правительство предъ лицомъ своихъ вѣрныхъ слугъ, ежеминутно подвергающихся смертельной опасности, сдѣлать гласную уступку революціи?“

„Вдумавшись въ этотъ вопросъ, всесторонне его взвѣсивая, правительство пришло къ заключенію, что страна ждетъ отъ него не оказательства слабости, а оказательства вѣры. Мы хотимъ вѣрить, мы должны вѣрить, что отъ васъ, господа, мы услышимъ слово умиротворенія, что вы прекратите кровавое безуміе. Мы вѣримъ, что вы скажете то слово, которое заставитъ насъ всѣхъ стать не на разрушеніе историческаго зданія Россіи, а на пересозданіе, переустройство его и украшеніе.

„Въ ожиданіи этого слова правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить суровый законъ только самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій, съ тѣмъ, чтобы, когда дума толкнетъ Россію на спокойную работу, законъ этотъ палъ самъ собою путемъ невнесенія его на утвержденіе законодательнаго собранія.

„Господа, въ вашихъ рукахъ успокоеніе Россіи, которая, конечно, сумѣетъ отличить кровь, о которой такъ много здѣсь говорилось, кровь на рукахъ палачей, отъ крови на рукахъ добросовѣстныхъ врачей, примѣняющихъ самую чрезвычайную, можетъ быть, мѣру съ однимъ только упованіемъ, съ одной надеждой, съ одной вѣрой — исцѣлить трудно-больного.“

Предсѣдатель совѣта министровъ сошелъ съ кафедры подъ аплодисменты на скамьяхъ правыхъ.

Послѣ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ слово было оставлено докладчику.

В. М. Гессенъ высказывалъ сомнѣніе въ юридической правильности отрицательнаго рѣшенія предсѣдателемъ совѣта министровъ вопроса о правѣ думы въ законодательномъ порядкѣ отмѣнить временный законъ, не выжидая мѣсячнаго срока; докладчикъ сослался на 87 ст. осн. зак. Далѣе докладчикъ возражалъ правымъ, на точку зрѣнія которыхъ сталъ и предсѣдатель совѣта, и пришелъ къ заключенію, что въ отношеніи юридической стороны вопроса правые со-

гласились съ „к.-д.“ Коснувшись политической оцѣнки института в.-полев. судовъ, докладчикъ возразилъ противъ утвержденія, будто отмѣна ихъ преждевременна.

Въ заключеніе В. М. Гессенъ ввиду выяснившейся точки зрѣнія предсѣдателя совѣта министровъ на законопроектъ намелъ, что объявлять комиссію срокомъ въ 24 часа теперь излишне.

Предложеніе, внесенное отъ имени „к.-д.“ Гессеномъ (см. отчетъ о засѣданіи 12-го марта), было поставлено на баллотировку и принято подавляющимъ большинствомъ. Законопроектъ и поправка къ нему переданы въ комиссію изъ 16 лицъ.

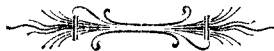
Предсѣдатель объявилъ собранію, что къ нему поступило заявленіе за подписью 41 члена думы, которое будетъ отпечатано и назначено къ слушанію по вопросу о направленіи. Это—контръ-предложеніе правыхъ о выраженіи порицанія и негодованія насиліямъ слѣва.

Слово было предоставлено по „личнымъ вопросамъ“.

Кизеветтеръ предложилъ давать слово по личнымъ вопросамъ, если упомянута фамилія просящаго. Затѣмъ ораторъ просилъ присутствующаго здѣсь предсѣдателя совѣта министровъ отвѣтить, входитъ-ли по закону въ компетенцію думы принятіе не только законопроектовъ и запросовъ, но и принятіе общихъ резолюцій, деклараціи общаго этническаго характера. П. А. Столыпинъ сдѣлалъ движеніе, чтобы отвѣтить на это опрочечное предложеніе московскаго „ка-дета“ немедленно, но предсѣдатель разъяснилъ, что предложеніе г. Кизеветтера излишне. Компетенцію думы опредѣляетъ ся предсѣдатель и сама дума (бурные аплодисменты). Поэтому онъ не далъ слова П. А. Столыпину (вопреки закона). Предсѣдатель разъяснилъ, въ какихъ случаяхъ допускаются личныя объясненія.

Послѣ этого рядъ депутатовъ пожелалъ дать объясненія по личному вопросу, но, по предложенію Кизеветтера, слово предоставлено только тѣмъ, кто лично былъ задѣтъ въ преніяхъ. Таковыми, по объясненію предсѣдателя, оказались енис. Евлогій (отказался), гр. Вобринскій и Новодворскій. Пурышкевичъ былъ недоволенъ и зашумѣлъ. Гр. Вобринскій гнѣвно сдерживалъ его. Крупенскій украдкой пробрался на трибуну и безъ разрѣшенія предсѣдателя началъ говорить. Даже Столыпинъ и Щегловитовъ захохотали.

Засѣданіе закрылось безъ десяти минутъ 6 часовъ.

В Ъ Т Е Р Ъ .

Печальныя вѣсти,—
Печальны до слезъ!—
Съ далекаго края
Мнѣ вѣтеръ принесъ.

„— Тамъ голодъ ужасный,—
Онъ въ пѣснѣ оетъ:—
Тамъ гибнеть, какъ мухи,
Несчастный народъ.

„Избенки курныя
Мужицкій покой
Пропитаны тифомъ
И дышать пынгой.

„Народъ, умирая,
Надежду таятъ,
Что Русь вся на помощь
Къ нему поспѣшитъ!..“

Тутъ вѣтеръ сердито
Рванулся, завылъ
И жалобно, громко,
Что странникъ, занялъ.

Мнѣ грустно и страшно
Вдругъ стало за нихъ,
Голодныхъ страдальцевъ,
Въ нуждѣ и больныхъ.

А щеки зардѣлись,
Горя отъ стыда,

Что братьевъ несчастныхъ
Забыта нужда.

— „Пора, другъ, проснуться!
Вновь вѣтеръ взревѣлъ
И долго, протяжно
Въ трубѣ онь гудѣлъ:—

„Вы Гурко-Лидваля
Могли осуждать,
А сами на помощь
Воялися встать

„Къ забитымъ нуждою
На мрачномъ пути,
Отъ смерти ужасной
Голодныхъ спасти.

„Вамъ некогда было!
Партійный раздоръ
Мѣшалъ оглянуться
На весь кругозоръ.

„И только лишь съ думой
Носились одной,
Какъ-будто-бы съ дочкой
Опасно больной!..“

Тутъ вѣтеръ, рыдая,
Аккорды порвалъ
И, словно покойникъ
Хрипя, замолчалъ.

Ө. X. Горбачевъ.

Около думы.

Статья А. И. Лаврова.

„Чудо!“—говорили вѣрующіе и восторженные; скептики, индифференты и отрицатели, конечно, улыбались, но на ихъ лицахъ все-таки скользилъ отгѣнокъ тщетно подавляемаго смущенія.

Все это было 2-го и 3-го марта и являлось эхомъ того впечатлѣнія, которое произвелъ на русское общество обвалъ потолка въ Таврическомъ дворцѣ.

Конечно, никакого чуда не было, такъ какъ какія-же могутъ быть чудеса въ наше время? была только случайность, и притомъ счастливая случайность.

Никто не станетъ отрицать то, что, продержись злополучная штукатурка еще четыре-пять часовъ, весь міръ ахнулъ-бы предъ зрѣлищемъ безпримѣрной катастрофы, но, разъ этого не случилось, то говорить о томъ, что могло-бы случиться, значило-бы представлять въ лицахъ извѣстныхъ бездѣтныхъ бабу и дѣда изъ при-сказки, увидѣвшихъ покачнувшуюся полѣнницу дровъ и пришедшихъ въ ужасъ при мысли о томъ, что было-бы, если-бы у нихъ былъ-бы взрослый сынъ, который проходилъ-бы около этой покачнувшейся полѣнницы; она на него рухнула-бы и задавила-бы, и остались-бы они тогда, старики, сиротами горемычными.

Такое положеніе весьма курьезно. Поэтому не будемъ говорить о томъ, что могло-бы быть, но чего не было, не будемъ говорить и о чудѣ.

Однако, нельзя умолчать о томъ, что впечатлѣніе, оставленное событіемъ 2-го марта, громадно. Тотчасъ-же послѣ него стали создаваться легенды, что уже ясно свидѣтельствуемъ о громадномъ впечатлѣніи, произведенномъ этимъ случаемъ на массы. Прежде всего, и даже въ день случая, громко говорили о преступленіи—о взрывѣ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ и было получено въ спб. градоначальствѣ первое увѣдомленіе о событіи. Изъ градоначальства вѣсть о „взрывѣ думы“

съ быстротою молніи разнеслась по всей столицѣ, а изъ нея по телеграфнымъ проводамъ—и по всей Россіи, и по всему міру. Лишь на другой день узнали всѣ, что никакого взрыва не было, что обвалилась въ пустовавшемъ залѣ штукатурка съ потолка,—случай, отъ котораго не застрахованы ни живущіе въ великолѣпныхъ дворцахъ, ни въ жалкихъ мазанкахъ. Но первое впечатлѣніе—самое острое, сильное, долго сохраняющееся. Толки о преступленіи затихли—для нихъ скоро не оставалось почвы, но мысль о преступленіи была заронена глубоко и осталась.

Это очень знаменательно. Стоустая молва винила, не имѣя на то никакихъ данныхъ, въ преступленіи, котораго не было, крайнихъ лѣвыхъ и крайнихъ правыхъ, которыхъ народъ въ массѣ считаетъ заклятыми врагами думы, пришедшими въ нее только для того, чтобы такъ или иначе ее разрушить. Вся предшествующая дѣятельность тѣхъ или другихъ: бомбометанія, убійства изъ-за угла, погромы, безчинства, бойкотъ думы и вопли о „подлой конституціи“ давали къ тому обильную почву и вообще усиленно питали народныя мысли въ предвзятомъ направленіи.

На такомъ фонѣ народная фантазія нарисовала всевозможныя картины. Въ другое время онѣ, эти картины, могли-бы показаться чудовищными, нелѣпыми, но въ такое время, какое переживаетъ нынѣ нашъ народъ, все это явилось яркимъ показателемъ того, что народъ въ своей массѣ дорожитъ думой, боится потерять ее, а разъ это такъ, то прямой логическій выводъ отсюда тотъ, что народъ любитъ думу: никто, вѣдь, не станетъ дорожить тѣмъ, чего не любитъ, никто не станетъ бояться потерять то, что ему не нужно.

Сообразно съ этимъ произошла и въ народныхъ массахъ перемѣна взглядовъ на думу: смѣна симпатіи, низверженіе однихъ идеаловъ и созданіе новыхъ. Недавніе кумиры народныхъ массъ—почти что „побѣдители“ на выборахъ въ думу, такъ наз. „лѣвые“, не совсемъ крайніе лѣвые, а такъ назыв. „представители пролетаріата“, пресловутые „эсъ-деки“, въ первые-же дни существованія думы сумѣли выказать себя съ отрицательной стороны. Ихъ выступленія носили печать непроходимой нелѣпости и даже дикости. Отъ ихъ рѣчей,

сводившихся въ своей сущности къ крикливому зазвонистому разглагольствованію, получалось впечатлѣніе, что дума имъ недорога, что они явились въ нее не творить великое дѣло на благо народа, а мутить его, пользуясь для этого думою, какъ средствомъ. Они какъ-будто стремились своими разглагольствованіями обратитъ думу въ безконечный митингъ, на которомъ такъ удобно прикрывать зазвонистымъ краснобайствомъ непроходимое скудоуміе.

Наконецъ, ихъ разглагольстванія ясно показали всему русскому народу, что „товариши“ явились въ думу не творить благо, хотя-бы въ будущемъ, а подводить счета за прошедшее. Кто-же ихъ уполномочивалъ на это? Думается, что никто. Россіи и русскому народу необходимо иное, болѣе свѣтлое будущее, а сведеніе счетовъ за прошедшее можетъ только увеличить число кровавыхъ жертвъ.

Можно съ полной увѣренностью думать, что представители пролетаріата, попавшіе въ государственную думу, утратили симпатію народа. Какъ это ни странно, но даже фанатики революціонной идеи—пресловутые „эсъ-эры“, не говоря уже о болѣе слабыхъ, чѣмъ эти послѣдніе, „энь-эсахъ“ и трудовикахъ, и лѣвыхъ „кадетахъ“, оказались въ большей степени парламентаріями, чѣмъ „эсъ-деки“. Мало того, необузданные крайніе правые, отъ которыхъ Россія и народъ только и ждали, что безобразнѣйшихъ выходокъ, принципиальные и фактическіе враги думы, и тѣ не совершили ничего такого, что хотя-бы отдаленно оправдывало ихъ репутацію. Напротивъ того, рѣчи такихъ „лидеровъ“ правыхъ, какъ Крушеванъ, Пуришкевичъ, Крупенскій, дышатъ больше искренностью, правдивостью и дѣловитостью, чѣмъ рѣчи такихъ „товаришней“, какъ гг. Алексинскій, Церетели, Джанаридзе и Озолъ. Благодаря именно разглагольствованіямъ этихъ „пролетаріевъ“, создается убѣжденіе, что даже „самъ“ Грингмутъ былъ-бы въ новой думѣ болѣе на мѣстѣ и болѣе полезенъ, чѣмъ любой изъ лѣвыхъ „товаришей“.

Неужели этого впечатлѣнія хотѣлось гг. „эсъ-декамъ“? Неужели это предписывалось имъ ихъ „тактикой“? Вѣдь, тогда всѣ эти господа являются предъ народомъ, который ихъ послалъ творить свое дѣло, чѣмъ-то въ родѣ

„перелицованныхъ бюрократовъ“, для которыхъ бумага являлась заслономъ жизни, а затхло-канцелярское мудрствование—непреложною житейской истиной.

Впрочемъ, вѣдь, еще и до думы эти господа не стѣснялись показать себя предъ изстрадавшимся народомъ въ своемъ истинномъ свѣтѣ.

Уже въ предыдущей книгѣ „Клада“, въ статьѣ „Около думы“, мы привели свѣдѣнія о дѣятельности нѣкоторыхъ лѣвыхъ государственныхъ выборныхъ на мѣстахъ до отъѣзда на засѣданія думы. Въ дополненіе къ сказанному, приведемъ еще кое-что, пользуясь сообщеніемъ газеты „Симбирскія Вѣсти“.

Такъ, симбирскій д. Кузнецовъ заявилъ на одномъ изъ сходовъ:

„Объединяйтесь около своихъ способнѣйшихъ односельчанъ и партійныхъ работниковъ, зовущихъ васъ къ единенію, читайте газеты и пристально смотрите за тѣмъ, что дѣлаетъ государственная дума. И, когда настанетъ нужный моментъ, или если правительство осмѣлится разогнать государственную думу, вы должны насилію правительства противопоставить свою объединенную силу, вы должны будете оказать государственной думѣ самую рѣшительную помощь въ той формѣ, въ какой-бы она отъ васъ ни потребовала. Близится рѣшительный часъ, граждане, готовьтесь и объединяйтесь, такъ какъ государственная дума безсильна безъ вашей рѣшительной поддержки!“

Въ той-же газетѣ находимъ отчетъ и о рѣчахъ, и поступкахъ г. Кузнецова въ день отъѣзда его изъ Симбирска. Обращаясь къ бывшимъ на вокзалѣ солдатамъ, онъ сказалъ:

„Вы, солдаты, — дѣти народа! но вы позабыли своихъ отцовъ и матерей. Вы совершаете большое преступленіе, когда поддерживаете враговъ трудовой деревни. Вы не должны идти противъ народа, противъ его счастья и не должны мѣшать тѣмъ, кто совершаетъ великое историческое дѣло, — дѣло народнаго освобожденія“...

Другой симбирскій депутатъ г. Зиминъ тутъ-же прибавилъ:

„Смотрите: мы безъ оружія. Мы голы и идемъ во вражескій станъ. Этотъ станъ обставленъ стѣной висѣлицъ, штыковъ и нагаекъ. Но мы не боимся смерти. За нами мерная армія, армія трудового народа. Правительство имѣетъ войско, но и оно не устоитъ противъ народа. Ренненкампы и Меллеры-Закомельскіе — герои только въ глухихъ одинокихъ деревняхъ; они умѣютъ только полосовать сныи беззащитныхъ мужиковъ. Противъ насъ они не устоятъ.“

Г. Кузнецовъ, подхвативъ эти слова, продолжалъ:

„Настанетъ роковая минута, когда дума принуждена будетъ дать послѣднее сраженіе кровавой бюрократіи. Мы сразимся и побѣда будетъ зависѣть отъ васъ. Такъ постоите-ли вы, граждане?!“

Закончилъ г. Зиминъ. Его слава были слѣдующія:

„Въ рукахъ нашихъ есть страшныя средства: всеобщая забастовка и общій послѣдовательный бойкотъ. Ни квартиры тѣмъ, кто противъ народа, ни куска хлѣба, ни капли воды. Это — послѣднее и лучшее средство. Тѣ, которые идутъ въ стражники, исключаются изъ общества, ямщики отказываются возить тѣхъ, кто ѣздитъ на усмиренія. Насъ морили и сами помрутъ... Безпощадная война самодержавію!“

Къ чему все это? Что это, какъ не рядъ совершенно опредѣленныхъ преступленій.

Но гг. Кузнецовъ и Зиминъ — не исключенія. А что, напримѣръ, говорилъ депутатъ Лопатинъ, объѣзжая заводы? Тѣ-же призывы, та-же пропаганда!

Въ нашей предыдущей статьѣ „Около думы“ мы отмѣтили одну безтактность петербургскаго представителя „сознательнаго пролетаріата“, влѣзшаго въ день открытія думы на фонарь и оттуда говорившаго предъ толпой о тактикѣ „эсъ-дековъ“ въ думѣ; но онъ этимъ не ограничился, а выступилъ со своими рѣчами на пятнадцатитысячномъ митингѣ студентовъ-универсантовъ и постороннихъ лицъ, состоявшемся въ зданіи с.-петербургскаго университета и, конечно, преслѣдовавшемъ агитаціонныя цѣли. Законъ не разрѣшаетъ устройство митинговъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, но, видимо, этотъ законъ не писанъ какъ для нашего недозрѣлаго, политиканствующаго студенчества, такъ и для призваннаго къ законодательной работѣ народнаго представителя. Хорошъ законодатель, съ первыхъ-же шаговъ своей „дѣятельности“ нарушающій законъ!

Неужели государственная дума въ своемъ цѣломъ не обратитъ вниманія на подобныя выступленія своихъ сочленовъ? Если она дорожить своимъ положеніемъ, если она искренно стремится къ избѣжанію конфликтовъ, чтобы работать на благо народа, она должна быть цензоромъ поведенія своихъ сочленовъ, должна ввести ихъ въ рамки разумнаго отношенія къ своимъ званію и обязанностямъ.

Думается, что все здѣсь разсказанное, далеко не то

что нужно народу, совсѣмъ не то, ради чего онъ посылалъ своихъ лучшихъ людей въ думу, совсѣмъ не то, чего онъ ожидалъ отъ нихъ?..

Нѣсколько первыхъ засѣданій думы, въ особенности тѣ, которыя послѣдовали послѣ обвала потолка въ Таврическомъ дворцѣ, и главное, тѣ, которыя происходили 7-го и 9-го марта, показали, что новая вторая дума обладаетъ несомнѣнною работоспособностью, дѣловитостью, тактичностью и лишь у нѣкоторыхъ изъ государственныхъ выборныхъ отсутствуетъ ясное представленіе о правахъ и особенностяхъ думы.

Это нельзя, конечно, относить ни къ октябристамъ, ни къ „ка-детамъ“, ни къ трудовикамъ, ни къ троящимся „эсамъ“. Всѣ они знаютъ, что такое дума, какими правами пользуется она, какъ правительственное учрежденіе, и если дѣйствуютъ въ противоположномъ направленіи, то къ этому побуждаетъ ихъ пресловутая „тактика“. Но въ думѣ есть и крестьяне. Эти выборные взяты, какъ говорится, „отъ сохи Андревны“ и поэтому у нихъ существуетъ свое собственное представленіе о думѣ, какъ объ учрежденіи, обладающемъ чуть-ли не верховной властью въ странѣ.

Такъ, депутатъ-крестьянинъ Сайко, присланный въ думу отъ энг-энской губерніи, при обсужденіи „эсъ-дексаго“ предложенія о поѣздкахъ государственныхъ выборныхъ на мѣста-предложенія, которое было сдѣлано въ засѣданіи 9-го марта при обсужденіи вопроса объ учрежденіи думской комиссіи по продовольственному вопросу, по словамъ „Рѣчи“, заявилъ, что онъ „самъ голодалъ и голодъ по себѣ знаетъ“, а потому стоитъ за то, чтобы „члены думы ѣздили и провѣряли на мѣстахъ, какъ кормятъ народъ“. Это—не дѣло думы, говорятъ ему. Депутатъ Сайко не вѣритъ, не можетъ и не хочетъ вѣрить. „Если полагаютъ, что существуютъ такія законоположенія,—говоритъ онъ,—что дума можетъ дѣйствовать лишь въ опредѣленныхъ рамкахъ, изъ которыхъ она выходить не можетъ, то я съ этимъ согласиться не могу“. Депутатъ Сайко не можетъ себѣ представить, что полномочія думы могутъ быть ограничены. „Какъ-же такъ? Мы собрались сюда со всѣхъ концовъ Россіи,—говоритъ онъ.—Мы представляемъ всѣ интересы. Здѣсь мѣсто высшей справедливости. А если такъ, то рѣшеніямъ думы все должно подчиниться“.

Другой депутатъ, Гриневицъ, идетъ дальше и допускаетъ, что „съ юридической стороны возраженія, которыя выставлены противъ крестьянскаго предложенія, правильны“, но у него есть въ запасѣ

другой аргументъ: „каждый членъ думы—человѣкъ; если вы не можете использовать своихъ правъ, какъ члены думы, то используйте свое положеніе почетныхъ людей и постарайтесь соорганизовать помощь“.

„Перейдемъ теперь къ интеллигентамъ,—продолжаетъ „Рѣчь“, являющаяся официальнымъ органомъ дѣйствительно и интеллигентной части думы. Вотъ, напримѣръ, депутатъ Волкъ-Карачевскій. Отъ имени такихъ людей, какъ предыдущіе ораторы, онъ заявляетъ: „Крестьяне не поймутъ, что дума ничего не можетъ сдѣлать! Для голоднаго человѣка нѣтъ такихъ аргументовъ, которые заставили бы его понять, что нельзя ему помочь тогда, когда у него нѣтъ корки хлѣба“. А слѣдовательно? А слѣдовательно, отвѣчаетъ г. Алексинскій, мы „не должны исходить изъ существующихъ теперь нормъ; мы—продуктъ новаго права и должны исходить изъ этого права... Если-бы мы разослали десятка два членовъ думы въ главнѣйшіе центры, то ихъ было-бы достаточно, чтобы создать связующій центръ для организациі общественныхъ силъ“. Г. Кириенко договорилъ то, чего, не высказалъ петербургскій депутатъ. „Мы поѣдемъ,—сказалъ онъ,—совѣщаться съ народомъ для того, чтобы дума и народъ были заодно, и воля народа была волей думы“. Это будетъ, правда, не скоро, и голодъ кончится раньше, но депутата Кириенко это обстоятельство не смущаетъ. „Мы призваны сказать,—заявилъ онъ отъ имени социаль-демократовъ,—что только при полномъ народовластіи, при полной перестройкѣ всего государственнаго механизма, можно удовлетворить голодную нужду“.

А что дѣлають, появляясь на мѣстахъ, „товарищи“, мы уже видѣли, и правъ былъ государственный выборный І. Гессенъ, заявившій при обсужденіи того-же „товарищескаго“ предложенія о поѣздкахъ выборныхъ на мѣста, слѣдующее:

„Мы хотимъ сдѣлать такую комиссію, которая могла бы немедленно заняться злободневнымъ вопросомъ. Намъ говорятъ, что эта злободневность комиссіи будетъ болѣе дѣйствительною, если мы отправимъ нѣкоторыхъ изъ нея членовъ на мѣста. Оставляю открытымъ вопросъ о томъ, конституціонна-ли такая мѣра, или нѣтъ. Подобный вопросъ не стоитъ на очереди. Но я убѣжденъ въ нецѣлесообразности такой мѣры. Между прочимъ, здѣсь высказано, что возражать противъ посылки депутатовъ на мѣста могутъ только тѣ, кто боится самого народа. Я не думаю, чтобы это было справедливо. Одинъ изъ „товарищей“ прямо указалъ, что результатомъ по-

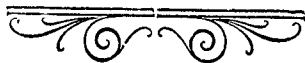
сылки депутатовъ на мѣста будетъ народное движеніе. И вотъ я спрашиваю васъ: можете-ли вы взять на себя отвѣтственность именно за это движеніе, за тѣ народныя волненія, которыя вспыхнуть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи? Имѣете-ли вы право подвергать населеніе подобной опасности? Не клонится-ли ваше предложеніе къ тому, что вы дадите народу вмѣсто хлѣба—новые разстрѣлы? Я убѣжденъ, что крестьяне сумѣютъ разобраться въ сегодняшнихъ преніяхъ, сумѣютъ понять, кто заботится объ ихъ благѣ, а кто устраиваетъ здѣсь свои партійныя дѣлишки. Крестьяне поймутъ, что предложенный имъ захватъ продовольственнаго дѣла въ руки думской комиссіи ничего, кромѣ вреда, крестьянамъ не принесетъ“.

Говоря такъ, мы вовсе не имѣемъ намѣреній и даже желанія сказать что-либо противъ крестьянъ въ государственной думѣ; по нашему мнѣнію, крестьяне—необходимѣйшій элементъ думы, такъ какъ они вносятъ въ нее то, чего нѣтъ ни у „кадетовъ“, ни у „октябристовъ“, ни у „монархистовъ“, ни у „эсэровъ“, „энь-эсовъ“, трудовиковъ (объ „эсэ-декахъ“, этихъ „митрофанушкахъ“ второй думы, говорить не будемъ: у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ пресловутой тактики и зазвонистыхъ выкриковъ), а именно значеніе среды, на которой должно быть сконцентрировано общее вниманіе, о которой болѣе всего должна заботиться дума—крестьянской среды, отъ благосостоянія которой зависитъ и благосостояніе всей Россіи. Съ этой стороны, крестьяне — незамѣнимые сотрудники въ общемъ государскомъ дѣлѣ. Но фраза въ устахъ крестьянина: „я съ этимъ согласиться не могу“, говорить о чемъ-то наносномъ, не своемъ, навѣянномъ извнѣ, почерпнутомъ изъ копеечныхъ брошюрокъ, а это, какъ хотите, явленіе нежелательное. „Маль горшокъ—да самъ большой“,—говоритъ народная пословица, но въ устахъ каждаго изъ крестьянскихъ депутатовъ выборныхъ дорого его собственное сужденіе, а попугайское повтореніе всяческихъ измышленій изъ „Коньковъ-Скаунковъ“ стоитъ очень дешево—вѣрнѣе—ничего не стоитъ.

Думское обсужденіе „эсэ-декскаго“ предложенія о посылкѣ депутатовъ на мѣста, вызваннаго предложеніемъ государственнаго выборнаго Родичева объ организаціи

согласно ст. 5 положенія о г. думѣ и ст. 3 правилъ о порядкѣ разсмотрѣнія государственной росписи, независимо отъ общей бюджетной комиссиі, особой комиссиі для разсмотрѣнія ассигнованнаго по росписи кредита на продовольственное дѣло въ связи съ общей постановкой продовольственной операціи, привело къ такой неожиданности, что день 9-го марта, когда это обсужденіе происходило, можетъ быть признанъ вполнѣ историческимъ днемъ, днемъ, когда русское народо-правство какъ-бы свернуло на путь конституціонализма съ своего исконнаго бюрократическаго пути, приведшаго Россію къ бездоннымъ безднамъ. Къ выше-приведенной формулѣ, предложенной Родичевымъ отъ партіи народной свободы (т. е., „ка-детовъ“), присоединился послѣ небольшихъ разъясненій самъ глава правительства—предсѣдатель совѣта министровъ П. А. Столыпинъ, т. е., такимъ образомъ, правительство въ его теперешнемъ составѣ встало въ данномъ вопросѣ на ту-же почву, на которой развивали свою дѣятельность „ка-деты“, дотолѣ признаваемые ожесточенно - непримиримыми врагами правительства. Г. Столыпинъ какъ-бы засвидѣтельствовалъ этимъ своимъ присоединеніемъ къ „ка-детамъ“ по данному вопросу, что правительство не намѣрено считаться съ тѣмъ, кто предлагаетъ данное мѣропріятіе, а лишь съ тѣмъ, что предложено. Даже сама форма, въ которой высказалъ это г. Столыпинъ: „я заявляю, что правительство всецѣло и всемѣрно присоединяется къ предложенію, внесенному членомъ государственной думы Родичевымъ“, знаменательна.

На происшедшее вовсе не слѣдуетъ смотрѣть, какъ на какую-то „побѣду“ „ка-детовъ“. Это было-бы слишкомъ мелко въ смыслѣ характеристики даннаго событія. Присоединеніе г. Столыпина къ „ка-детскому“ предложенію есть, повторяемъ это, поворотъ правительства съ бюрократическаго на конституціонный путь, а этой менно о, чего страстно ждала и ждала изстрадавшаяся Россія.

НОВОЙ ДУМЪ.

Подавляема недугами
 (Ихъ Русь-матушка полна),
Ты съ великими потугами
 На свѣтъ Божій рождена.

* *
*

Троекратно просѣвалася,
 Какъ пшеница для купца,
Чтобы сора не попалося
 Въ видѣ жалкаго глупца.

* *
*

И вотъ пышно развернулася
 Ты въ Таврическомъ дворцѣ,
Всему міру приглянулася,
 Словно дѣвица въ вѣнцѣ.

* *
*

Пусть вопить тамъ сотня черная,
 Что ты будто такова,
Какъ и первая—ты вздорная,
 Хоть скупишься на слова.

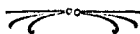
* *
*

Пусть враги твои суровые
 Безпокоятся, шумятъ,
Презирають мысли новыя
 И нагайками грозятъ!..

* *
*

Но на думу лишь надѣется
 Угнетенный весь народъ,
Ожидая, что зардѣется
 Солнце чудное свободъ!..

Ө. X. Горбачевъ.

Жизнь и дѣятельность партій.

Борьба политическихъ партій не только продолжается, но и дѣлается еще ожесточеннѣй. Нѣкоторымъ изъ партійныхъ организацій и по открытіи государственной думы хочется доказать, что онѣ лучше другихъ. Больше всѣхъ въ этомъ именно направленіи, именно только для того, чтобы показаться краше другихъ, стараются социаль-демократы. Всѣ оппозиціонныя партіи до сего времени въ думѣ старались дѣйствовать, дружно сплотившись во-едино. Каждый вопросъ, который предстояло обсуждать въ засѣданіяхъ думы, разсматривался предварительно въ соединенныхъ собраніяхъ оппозиціонныхъ думскихъ партійныхъ частей. Это вело къ тому, что на засѣданіяхъ думы голоса оппозиціи не разбивались, и вопросы рѣшались гладко, но заранее хорошо обдуманному плану. Такъ дѣйствовала вся оппозиція, за исключеніемъ социаль-демократовъ. Эти стояли особнякомъ и хотя и участвовали въ соединенныхъ собраніяхъ, но всегда оставляли за собой «свободу дѣйствій».

Вся оппозиція старалась всего больше о томъ, чтобы на засѣданіяхъ думы было меньше разговоровъ и больше дѣла. Всѣ понимали, что теперь главная задача всѣхъ состоитъ въ томъ, чтобы дума работала и работала такъ, чтобы ее нельзя было распустить. Социаль-демократы думаютъ по-другому. Ихъ намеренія заключаются въ томъ, чтобы «говорить черезъ стѣны думы съ народомъ», т. е., сдѣлать изъ думы какую-то агитационную арену.

Что социаль-демократы, кромѣ какъ говорильней, ничѣмъ другимъ настоящую думу не желаютъ видѣть, объ этомъ «знаменитый» въ кавычкахъ г. Алексинскій заявилъ уже не только съ фонарнаго столба на Таврической улицѣ въ день открытія думы, но и въ самой думѣ. На ея засѣданіи 7-го марта два раза было отклонено баллотировкой предложеніе прекратить ни къ чему, кромѣ потери времени, не ведущія пренія. Нужно для отклоненія предложенія голосовъ составилось изъ крайнихъ правыхъ и социаль-демократовъ. И вотъ послѣ того, какъ всѣ ораторы вдоволь наговорились, потерявъ четыре часа времени, г. Алексинскій (опять онъ) выразилъ въ заключеніе свое удовольствіе, что дума этотъ разъ стояла на высотѣ своего призванія. Такимъ образомъ, отношеніе социаль-демократовъ къ думѣ теперь выяснилось вполне. Въ думѣ они не желаютъ работать, а только желаютъ агитировать съ ея трибуны.

Оппозиціонныя партіи согласились заранее встрѣтить декларацию правительства молчаніемъ и предложить простую не мотивированную формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ. Это молчаніе было краснорѣчивѣе рѣчей. Социаль-демократы пожелали говорить и этимъ только испортили картину.

Вносить въ думу законопроектъ объ амнистіи всѣми признано не только бесполезнымъ, но и опаснымъ, такъ какъ право амнистіи принадлежитъ исключительно монарху. Соціалъ-демократы и здѣсь пожелали сдѣлать по-своему.

Попрежнему въ думѣ рѣшающее и руководящее вліяніе на оппозицію имѣетъ фракція «ка-детской» партіи. Это-то и не нравится соціалъ-демократамъ, и потому, какъ только въ за-сѣданіи 9-го марта пѣликомъ прошло предложеніе Родичева объ организациі продовольственной комиссіи, за которое высказался и премьеръ-министръ, соціалъ-демократы послѣднее обстоятельство объяснили, какъ переходъ «ка-детъ» на сторону правительства.

Въ вечерней газетѣ «Сегодня» появилась на другой-же день замѣтка подъ заглавіемъ: «Преображеніе партіи народной свободы въ правительственную партію». Замѣтка гласила: «Изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ намъ сообщаютъ, что вчерашнее выступленіе П. А. Столыпина въ государственной думѣ отнюдь не было неожиданнымъ для «ка-детовъ» и октябристовъ. Объ этомъ вчера въ теченіе пѣлаго дня шли предварительные переговоры между премьеромъ, Н. Н. Кутлеромъ который являлся посредникомъ отъ «ка-детъ», и редакторомъ «Слова» М. М. Федоровымъ, который представлялъ отъ праваго центра. Рѣшающее совѣщаніе между этими лицами происходило вчера днемъ въ редакціи «Слова», куда собирался прѣхать и графъ С. Ю. Витте. Но какія-то чрезвычайныя обстоятельства помѣшали ему въ этомъ.

«Въ общихъ чертахъ соглашеніе сводится къ слѣдующему: 1) «Ка-деты» открыто порываютъ всякую связь съ лѣвыми партіями и занимаютъ въ думѣ строго центральное положеніе. 2) «Ка-деты» отказываются отъ части своей аграрной программы, сблизивъ ее съ программой октябристовъ. 3) «Ка-деты» временно не настаиваютъ на равноправіи національностей. 4) «Ка-деты» поддерживаютъ внѣшній заемъ.

«Взамѣнъ этого кадетамъ обѣщано: 1) Немедленная легализація «ка-детской» партіи. 2) Участіе въ «общественномъ» кабинетѣ, который составленъ будетъ изъ представителей партіи центра, причемъ «ка-детамъ» предложены будутъ портфели министерства землеустройства и земледѣлія, народнаго просвѣщенія, торговли и промышленности и юстиціи. 3) Частичная амнистія. 4) Поддержка «ка-детскаго» законопроекта объ отменѣ военно-полевыхъ судовъ.

«Хотя графъ Витте не присутствовалъ на вчерашнемъ совѣщаніи, но онъ принимаетъ очень дѣятельное участіе въ переговорахъ, такъ какъ ему предложенъ будетъ портфель министра финансовъ.

«Въ рядахъ «ка-детовъ» поворотъ направо вызвалъ значительное броженіе и несомнѣнно, что часть лѣвыхъ «ка-детовъ» отколется отъ партіи».

Какъ и слѣдовало ожидать, все это сообщеніе оказалось чистѣйшимъ вымысломъ, простымъ партійнымъ ходомъ противниковъ «ка-детъ». Послѣдніе на другой-же день въ своемъ офиціозѣ «Рѣчи» опровергли сообщеніе и напечатали слѣдующую статью члена госуд. думы. г. Кизевеетера.

„Председатель совѣта министровъ призналъ, что предложеніе, внесенное партией народной свободы, для него обязательно и что уклониться отъ выполнения требованій, въ этомъ предложеніи заключавшихся, онъ не можетъ. Вездѣ такой исходъ дѣла называли бы побѣдой оппозиціи надъ министромъ. У насъ господа лѣвѣе «к.-д.» стараются представить это, какъ побѣду министра надъ оппозиціонной партией. Поскольку въ этихъ стараніяхъ участвуетъ партийный расчетъ, мы готовы понять ихъ, но поскольку въ радостномъ волненіи гг. лѣвѣе «ка-деты» выразилась неподдѣльная оцѣнка выступленія г. Столыпина,—мы видимъ въ ихъ разсужденіяхъ проявленіе необычайной... молодости политической мысли. Да, мы еще — очень юные дебютанты на поприщѣ политической самодѣтельности. Одно слово министра можетъ перевернуть все наше отношеніе къ данному вопросу. Съ оппозиціей, состоящей изъ такихъ политиковъ, легко было-бы справиться всякому министру.

„Нельзя голосовать за то, къ чему присоединился министр—прекрасно. Оппозиція выдвигаетъ требованіе отмены военно-полевыхъ судовъ. Министру ничего не стоитъ отдѣлаться отъ такого требованія оппозиціи: стоитъ только заявить свою солидарность съ этимъ требованіемъ, и—оппозиція возьметъ его обратно, ибо нельзя голосовать за то, что призналъ допустимымъ министр! Логика—очень удобная для министровъ, но мы, «ка-деты», на удачку такой логики не пойдемъ: Въ засѣданіи 9-го марта мы сдѣлали то-же, что и въ засѣданіи 6-го марта: мы просто игнорировали заявленіе перваго министра. 6-го марта его слова не заставили насъ встать и пойти на каеэдру; 9-го марта—его слова не заставили насъ сидѣть во время голосованія. У насъ есть своя линія, и мы умѣемъ ея держаться. Насъ не собьютъ съ нея ни угрозы, ни неожиданные воздушные поцѣлуй.

«Голосованіе» «ка-детовъ» напоминаетъ пословицу: «боюсь данайцевъ и дары приносящихъ». Впрочемъ, «ка-детскій» «даръ» заключался въ учрежденіи контрольной комиссіи надъ администраціей. Глава администраціи заявилъ, что онъ отъ такого контроля уклониться не можетъ. Вотъ и весь инцидентъ. Когда отвѣтчикъ получаетъ отъ суда призывную повѣстку и расписывается въ ея полученіи съ заявленіемъ, что онъ на судъ явится—значить-ли это, что отвѣтчикъ вступилъ съ судьей въ союзъ? 6-го марта г. Столыпинъ заявилъ, что онъ будетъ отвѣчать за свои дѣйствія передъ исторіей. 9-го марта онъ долженъ былъ признать, что, кромѣ суда исторіи, есть и другія инстанціи, могущія призвать его къ отвѣту. И это—называется его побѣдой? Странная побѣда!

„Господа лѣвѣе «к.-д.» выдвигаютъ еще другую мысль: голосованіе 6-го марта будто-бы показало, что «ка-детскіе» запросы для Столыпина не страшны, потому что рамки этихъ запросовъ узки, и потому въ комиссіи, учрежденной по мысли Родичева, никакихъ неурядицъ для администраціи произойти не можетъ. Но гдѣ-же доказано, что комиссія будетъ спрашивать только о томъ, на что г. Столыпину будетъ приятно отвѣчать? А если этого не доказано, то спрашивается—почему голосованіе 9-го марта можно разсматривать, какъ залогъ гармо-

ни между «ка-детами» и г. Столыпинымъ? Смысль всей исторіи тотъ, что 9-го марта гг. лѣвѣе «к.-д.» повторили то, что 6-го марта сдѣлали правые. 6-го марта правые выразили довѣрие обѣщаніямъ г. Столыпина по части законодательной по однимъ заголовкамъ его законопроектовъ. 9-го марта гг. лѣвѣе «к.-д.» своей послѣдней ироніей по адресу «ка-детовъ» выразили довѣрие обѣщанію г. Столыпина отдать себя въ полное распоряженіе Родичевской комиссіи. Только «ка-деты» остались вѣрны себѣ. Какъ либеральные заголовки законопроектовъ не означаютъ, съ ихъ точки зрѣнія, истинной конституціонности нынѣшняго правительства, такъ и присоединеніе перваго министра къ предложенію Родичева не означаетъ для нихъ установленія согласія между первымъ министромъ и «ка-детской» оппозиціей. И потому «ка-деты» спокойно голосовали за свою формулу, какъ-будто г. Столыпинымъ ровно ничего не было сказано. Они знаютъ, что Родичевская комиссія не розами «устелеть путь нынѣшняго правительства».

Однако, ни заявленія «ка-детскаго» оффиціоза, ни статьи въ немъ почтенныхъ депутатовъ, членовъ партій, ни увѣренія почтенныхъ-же другихъ видныхъ дѣятелей партій не могли уже остановить «попавшихъ въ точку» противниковъ партій и они мобилизовали всю печать социалистическихъ партій и послѣднія начала смаковать опровергнутое сообщеніе.

Въ партіяхъ правѣе «ка-детъ» тоже замѣтно желаніе организоваться. Октябристы, по крайней мѣрѣ, лѣвые, играютъ въ отношеніи крайнихъ правыхъ ту-же роль, что вся оппозиція въ отношеніи «съ-дековъ». Всѣми силами они стараются удержать ихъ отъ предложеній крайне консервативныхъ тенденцій.

Въ починенномъ послѣ обвала зданія думы партіи разсѣлись уже по-новому. По этому размѣщенію и количеству размѣщенныхъ ясно опредѣляется составъ думы въ его раздѣленіяхъ по партіямъ. По порядку слѣва направо партіи и фракці разсѣлись слѣдующимъ образомъ: социаль-демократы, социалисты-революціонеры, народные-социалисты, украинская фракція, трудовики, казачья фракція, мусульмане, польское коло, конституціоналисты-демократы, беспартійные крестьяне, примыкающе къ «к.-д.», октябристы и правые. «С.-д.» потребовали 69 мѣстъ, «с.-р.»—41, «к.-д.»—88, трудовики—80, казачья фракція—21, «н.-с.»—10, поляское коло—46, украинцы—40, октябристы и правые вмѣстѣ занимаютъ 102 мѣста.

Такимъ распределеніемъ далеко не всѣ довольны. «Ка-деты» очутились на правомъ крылѣ, а нижнія ихъ кресла рядомъ съ монархистами; «ка-деты» сѣтуютъ на то, что національныя группы отдѣлили ихъ отъ трудовиковъ; которые часто голосовали заодно съ «ка-детами». Въ средѣ отдѣльныхъ національныхъ также имѣются люди различныхъ политическихъ убѣжденій, и съ этой стороны распределеніе является не совсѣмъ удачнымъ.

Въ бюро думскихъ фракцій всѣхъ партій ожедневно идетъ работа. Обсуждаются и готовятся законопроекты, выбираются руководители и прочее. Трудовая группа занялась даже, помимо законодательной, благотворительной дѣятельностью и «кладъ». 1907 г. кн. 6-я.

выпустила воззвание о помощи страдающим от репрессии депутатам первой думы.

В партийной борьбе противники пользуются всяким поводом, чтобы показать неприглядность той или другой соперницы-партии. По лживым газетам теперь гуляет сообщение о выборах правых, что сенатскія разъяснения созданы октябристами. Вот что рассказывается. Октябрьистъ Наумовъ привлекъ въ третейскому суду сотрудника «Нов. Вр.» Пиленко, обвиняя его въ клеветѣ, будто-бы инициаторомъ сенатскихъ «разъясненій» были представители союза 17-го октября. Въ качествѣ свидѣтеля былъ вызванъ Таганцевъ, который показалъ, что на съездѣ центра предложение объ измѣненіи избирательнаго закона было отвергнуто. Тогда октябристъ Красовскій вступилъ съ предложеніемъ измѣнить законъ путемъ сенатскаго толкованія. На замѣчаніе г. Таганцева, что сенатъ не можетъ измѣнять законъ, г. Красовскій отвѣтилъ, что толкованіе можетъ быть сдѣлано такъ, чтобы отъ закона ничего не осталось. Мысль г. Красовскаго, поддержанная другими октябристами, была съ восторгомъ встрѣчена въ министерствѣ, и въ результатъ получились сенатскія «толкованія».

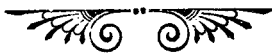
«Истинно-русскіе» люди—тѣ сами не даютъ забывать о себѣ. На каждое событіе откликаются они по-своему. Въ то время какъ финляндскій судъ почти точно устанавливаетъ прикосновенность г. Юскевича-Красовскаго къ убійству Герценштейна и постановляетъ произвести обыскъ въ его кабинетѣ въ правленіи союза русскаго народа, въ то время какъ своимъ обвѣствомъ за границу онъ самъ доказываетъ свою принадлежность къ темному дѣлу, подотдѣлы союза ежедневно шлютъ телеграммы съ гимнами въ честь руководителей союза и проклятіями финляндскому суду. Кстати газеты сопоставляютъ арестъ въ Яссахъ четырехъ русскихъ студентовъ за пропаганду юдофобскихъ идей въ Молдавіи, путешествие по Румыніи бѣжавшаго изъ Россіи г. Юскевича-Красовскаго и Половнева и разразившіяся въ Молдавіи на послѣднихъ дняхъ страшные еврейскіе погромы, превратившіяся въ общее крестьянское движеніе. Поднявшіеся крестьяне захватывали цѣлые города, и разоряли усадьбы и противъ нихъ румынскимъ властямъ пришлось теперь мобилизовать войска. Нѣкоторыя русскія газеты сдѣлали догадки, не при содѣйствіи-ли путешествующихъ по Румыніи Юскевича и Половнева начался румынскій погромъ? Оставляемъ это мнѣніе на отвѣтственности высказавшихъ его газетъ.

Въ „Родинѣ“ своевременно сообщался слухъ о предполагаемомъ путешествіи доктора Дубровина въ Іерусалимъ. Въ связи съ этимъ путешествіемъ въ газетѣ „Русь“ появилась корреспонденція изъ Парижа, которая рассказываетъ, что за границей ходятъ слухи о томъ, что это путешествіе имѣетъ въ виду организацію «крестоваго похода», послѣдствіемъ котораго будто-бы будетъ проповѣдь погромовъ на оппозиціонныя группы русскаго общества. Однако, считаемъ необходимымъ добавить здѣсь, что органъ союза русскаго народа „Русское Знамя“, не опровергая намѣренія г. Дубровина совершить путешествіе „ради переменъ климата“, говорилъ, что онъ еще не уѣхалъ

потому что онъ изъ полупепельныхъ пль многочисленныхъ угрожающихъ писемъ узналъ, что его ожидала 15-го марта „казнь“, которую онъ рѣшилъ выждать. А пока гг. „сюзники“ продолжаютъ отличался.

Такъ, въ Русскомъ собраніи въ С.-Петербургѣ, состоялся обѣдъ въ честь правыхъ депутатовъ г. думы изъ крестьянъ, которыхъ явилась на обѣдъ группа человекъ болѣе 20, а всѣхъ обѣдавшихъ было до 150 человекъ, болѣе уже не вмѣщали залы. Въ числѣ присутствовавшихъ, по сообщенію „Нов. Вр.“, было нѣсколько членовъ г. совѣта и г. думы (не крестьянъ), много дамъ, священниковъ, военныхъ. Трапезу благословилъ членъ г. думы, епископъ холмскій Евлогій. Съ одушевленіемъ были приняты тосты за Царя, Царицъ и Наслѣдникъ. Нѣсколько разъ пѣли „Боже Царя Храни“. Затѣмъ началось много рѣчей, такъ что предсѣдатель кн. Шаховской былъ поставленъ въ необходимость просить ораторовъ быть по возможности краткими. Князь Шаховской высказалъ привѣтъ депутатамъ, еп. Евлогій указалъ на важность въ данное время единенія русскихъ силъ, доц. Никольскій въ красивой рѣчи пожелалъ депутатамъ крѣпости и стойкости въ борьбѣ за исконныя русскія начала, г. Шильдербъ-Шульднеръ представилъ картину, въ какомъ мракѣ находится провинція относительно дѣятельности г. думы, — вездѣ только однѣ лѣвыя газеты распространены, и тамъ нѣтъ ни слова о рѣчахъ правыхъ. Гг. Бодиско, Пурышкевичъ, Бывалькевичъ, членъ гос. совѣта Ушаковъ въ горячихъ рѣчахъ указывали на важность хранить заветы исторіи, на священность собственности, на любовь къ родинѣ, ея славу и единству. Но гвоздемъ собранія была рѣчь іером. Ілюдора—того самого, на которого обращено вниманіе прокуратуры и котораго за призывы къ погромамъ православное высшее духовенство, скрѣпя сердце, «наказало» отстраненіемъ отъ званія помощника редактора „Почаевскихъ извѣстій“. Оказывается, этотъ червооризецъ преисправно продолжаетъ свою „проповѣдь“ о томъ, что нужно „бить и рубить“. И въ Русскомъ собраніи онъ увлекъ даже корреспондента „Нов. Вр.“, который такъ картинно описываетъ выступленіе монаха:

„Молодой, пылкій монахъ—весь огонь, порывъ, движеніе, но только самъ былъ въ экстазѣ, но довелъ до экстаза все собраніе, депутатовъ—до слезъ. Картинно изобразилъ онъ, какъ къ цошатнувшемуся, наклоненному кораблю русскаго самодержавія, а слѣдовательно, единства Россіи, ея мощи и порядка, со всѣхъ сторонъ протягиваются руки хищниковъ, ждущихъ вотъ-вотъ схватить добычу, погубить страну, но мы, сколько-бы насъ ни было, мы должны крикнуть: „руки прочь“, а нѣтъ—отрубить эти руки“. Онъ закончилъ стихотвореніемъ: „Русь идетъ“—и всѣ депутаты и воодушевленное рѣчью множество другихъ лицъ закричали въ одинъ голосъ: „Русь идетъ“.

Въ государственномъ совѣтѣ.

Послѣ засѣданія 24-го февраля, на которомъ произведены были выборы двухъ комиссій, слѣдующія засѣданія государствен. совѣта происходили 28-го февраля, 6-го и 10-го марта. Первые два отличались такой-же сухостью и вялостью, какими отмѣчены были и засѣданія, бывшія раньше. Даже декларация правительства, прочитанная въ засѣданіи 6-го марта, не вызвала оживленія, засѣданіе-же 28-го февраля представляло собою, кромѣ того, и сплошной курьезъ.

Дѣло въ томъ, что все оно было потрачено на отмѣну того, что было сдѣлано въ предыдущемъ засѣданіи. Предсѣдатель, открывъ засѣданіе, сообщилъ, что къ нему еще 24-го февраля послѣ трехъ часовъ, затраченныхъ на выборы двухъ комиссій, поступили заявленія, что вмѣсто 15 членовъ комиссіи законодательныхъ предположеній избрано 16. Оказывается, что вопреки указанію наказа, отдѣлы были составлены неправильно: въ нихъ вошло меньше лицъ, чѣмъ полагается. Поэтому и былъ избранъ одинъ лишній членъ комиссіи. По п. 32 наказа, «наличный въ засѣданіи совѣта составъ членовъ распределяется, по соглашенію между ними, на отдѣлы, число которыхъ должно соответствовать числу избираемыхъ въ комиссію членовъ». Очевидно, гг. члены госуд. совѣта 24-го февраля не сумѣли подсчитать общее число присутствующихъ.

Все это выяснилъ послѣ перерыва производившій провѣрку докладчикъ С. С. Гончаровъ. Собраніе молчаливо выслушало его.

Усталымъ голосомъ затѣмъ предсѣдатель спросилъ, угодны ли совѣту отмѣнить выборы. Въ отвѣтъ послышались усталые же голоса: «просимъ!», и совѣтъ, такимъ образомъ, «распоролъ то, что было сшито ранѣе».

Въ засѣданіи 6-го марта, начавшемся въ 9 ч. 15 м. вечера, предсѣдатель совѣта министровъ повторилъ декларацию правительства, прочитанную имъ въ этотъ-же день, нѣсколькими часами ранѣе, въ государственной думѣ. Читалъ онъ ее громко и отчетливо, но уже не съ тѣмъ одушевленіемъ, съ какимъ дѣлалъ онъ то-же самое въ думѣ. Написанное въ декларациі было ранѣе извѣстно всѣмъ членамъ, потому они почти не слушали чтенія министра. Тѣмъ не менѣе, по окончаніи чтенія справа наградили П. А. Столыпина криками «браво».

Затѣмъ слово было предоставлено барону П. Л. Корфу, который сказалъ слѣдующее:

— Государственный совѣтъ съ большимъ вниманіемъ выслушалъ правительственное сообщеніе; съ тѣмъ большимъ вниманіемъ онъ относится къ нему, что въ немъ впервые слышится систематическую программу предстоящей дѣятельности правительства. Будемъ надѣяться, что трудолюбіе и самоотвержен-

ность правительства помогут ему провести въ жизнь столь широко поставленную программу. Отъ имени пятидесяти пяти членовъ центра предлагаю слѣдующую формулу перехода: «Выслушавъ сообщеніе правительства и выражая полную готовность содѣйствовать проведенію въ жизнь тѣхъ законопроектвъ и мѣропріятій правительства, которые будутъ направлены ко благу народа и къ водворенію въ странѣ порядка и законности въ осуществленіе Высочайшихъ предначертаній, призваннхъ Россію къ новой жизни, государственный совѣтъ переходить къ очереднымъ дѣламъ».

Затѣмъ П. Н. Дурново отъ группы правыхъ предложилъ свою резолюцію. Она гласила такъ: «Выслушавъ сообщеніе правительства и выражая готовность способствовать правительству во всѣхъ мѣропріятіяхъ, направленныхъ къ водворенію порядка и законности въ государствѣ согласно Высочайшимъ Государя Императора предначертаніямъ, государственный совѣтъ переходить къ очереднымъ дѣламъ».

Кн. Е. Н. Трубецкой отъ нѣкоторыхъ членовъ г. совѣта предложилъ простую формулу перехода: «Заслушавъ сообщеніе правительства, прочтенное г. предсѣдателемъ совѣта министровъ, государственный совѣтъ переходить къ очереднымъ дѣламъ». Затѣмъ Е. Н. Трубецкой указалъ, что хотя мотивы предыдущей формулы собственно ничего не выражаютъ, но все же въ ней косвенно выражается довѣріе правительству, а, во-первыхъ, обѣщанія за будущее госуд. совѣтъ давать не можетъ да и самъ предсѣдатель совѣта министровъ заявилъ въ думѣ, что ей не предоставлено выражать ни довѣрія, ни недовѣрія правительства. Вѣроятно, сказанное относится и къ госуд. совѣту.

На эту тему затѣмъ послѣдовали краткія пренія. Затѣмъ оказалось, что предложеніе кн. Е. Н. Трубецкаго подписано всего 12 членами, а наказъ требуетъ для заявленій 30 подписей, а потому на баллотировку были поставлены лишь предложенія барона Корфа и П. Н. Дурново. Принято было первое предложеніе. Центр оказался побѣдителемъ.

Въ засѣданіи 10-го марта обсуждалось внесенное 35 правыми предложеніе сдѣлать запросъ министру народнаго просвѣщенія слѣдующаго содержанія.

1) Дѣйствительно-ли въ петербургскомъ университетѣ 20-го февраля сего года происходили сходки, на которыхъ обсуждались политическіе вопросы при участіи, кромѣ студентовъ университета большаго числа постороннихъ лицъ? 2) Дѣйствительно-ли въ московскомъ университетѣ происходило 20-го февраля сего года публичное собраніе, въ которомъ присутствовали студенты и посторонніе университету лица, произносились рѣчи явно мятежнаго характера и пѣлись революціонныя пѣсни? 3) Произведено-ли надлежащее разслѣдованіе о томъ, по чьей винѣ вышеозначенныя собранія были допущены и не были своевременно закрыты и разсѣяны, и 4) привлечены-ли къ законной отвѣтственности лица, допустившія означенныя собранія и не принявшія надлежащихъ мѣръ къ ихъ закрытію?

Этотъ запросъ подписанъ слѣдующими лицами:

М. Акимовъ, Ев. Алексѣевъ, А. Бирюлевъ, А. Брянчаниновъ, В. Бутлеровъ, прот. Дм. Вѣляковъ, кн. Д. Вяземскій, Сергій Вон-

чаровъ, П. Дурново, В. Денисовъ, Н. Зиновьевъ, Н. Кабалинскій, кн. Касаткинъ-Ростовскаго, С. Лукьяновъ, П. Лазаревъ, бар. Менгденъ, Николай, архіепископъ б. тверской, А. Нарышкинъ, гр. К. Паленъ, В. Поливановъ, А. Пантелѣевъ, О. Рихтеръ, П. Рербергъ, В. Саблеръ, Ѳ. Самаринъ, Н. Сухотинъ, А. Стишинскій, А. Струковъ, бар. Таубе, гр. Толь, Я. Ушаковъ, А. Фрезе, Х. Хлѣбниковъ, И. Шевичъ и Б. Штюрмеръ.

Сначала было доложено, на основаніи 27 ст. учр. гос. сов., сообщеніе министра юстиціи о постановленіи судебного слѣдователя по важнѣйшимъ дѣламъ при вологодскомъ окружномъ судѣ о привлеченіи въ качествѣ обвиняемаго по 341 ст. улож. о нак. выборнаго отъ вологодскаго земства члена гос. совѣта В. А. Кудряваго. Кромѣ В. А., привлечены къ ответственности одновременно съ нимъ бывшій городской голова гор. Вологды Клушинъ и б. членъ городской управы Конолевъ. Дѣло возбуждено по почину вологодскаго губернатора 5 февраля 1907 г. Сущность обвиненія заключается въ томъ, что упомянутыя лица въ октябрѣ 1905 г. были избраны въ исполнительную комиссію вологодской городской думой для распределенія ассигнованныхъ ею 2800 р. на вооруженіе городской милиціи въ виду возникшаго въ городѣ червоточенно-погромнаго движенія. Это исполнительная комиссія фактически не существовала вовсе, такъ какъ, во-первыхъ, ей ни разу не пришлось собраться и, во-вторыхъ, самое постановленіе объ ея учрежденіи было отмѣнено губернскимъ по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіемъ.

Чтеніе секретаремъ сообщенія министра юстиціи было настолько невнятно, что раздавались крики: «ничего не слышно».

Предсѣдатель, сообщивъ, что В. А. Кудрявый подлежитъ временному устраненію отъ участія въ засѣданіяхъ совѣта, заявилъ, что предварительно сообщеніе все-таки должно быть передано въ комиссію личнаго состава. Затѣмъ были объявлены выборы въ комиссію законодательныхъ предположеній.

О вышеприведенномъ запросѣ разсужденія начались по дѣлу перерыва, во время котораго въ засѣданіе прибыли всѣ министры, во главѣ съ П. А. Столыпинымъ.

Пренія по вопросу открылъ Ѳ. Д. Самаринъ. Въ своей длинной рѣчи онъ указывалъ, что въ университетахъ теперь не учатся, а что они только служатъ цѣлямъ революціи. Университетское начальство — профессора подчинены фактическимъ владѣтелямъ университетовъ — студентамъ. Послѣдніе повѣствуютъ профессорами. Когда сходки превращались въ революціонные митинги съ продажей на нихъ даже революціонной литературы — инспекція бездѣйствовала, виновные оставались безнаказанными. Это дѣлалось сознательно: университетское начальство не хотѣло прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ.

Очерчивая происходящее въ университетахъ, г. Самаринъ указывалъ болѣе всего на московскій университетъ. «Для вносящихъ запросъ дороги судьбы науки, университетовъ, — сказалъ ораторъ. — Приведенные въ запросѣ факты указываютъ на бездѣйствіе власти, а это незаконно; государственной-же совѣтъ не можетъ оставить безъ вниманія незаконныя дѣйствія». Ораторъ выразилъ надежду, что настоящій запросъ

не идетъ въ разрѣзъ съ желаніями правительства. Важно не привлеченіе къ отвѣтственности виновныхъ, важенъ властный и авторитетный голосъ, который заявилъ-бы, права-ли университетская администрація въ своихъ дѣйствіяхъ. «Пусть гос. совѣтъ,—закончилъ Ѳ. Самаринъ, выскажется,—правильно-ли мы понимали свои обязанности»

Однако, государственный совѣтъ не такъ понялъ г. Ѳ. Самарина и его присныхъ, какъ они того хотѣли. Послѣ него выступилъ А. А. Сибуровъ.

— Какъ старѣйшій членъ г. совѣта,—сказалъ онъ,—я предлагаю прекратить пренія по существу возбужденнаго вопроса и перейти къ очереднымъ дѣламъ путемъ мотивированной формулы. Хотя запросъ касается двухъ случаевъ, но имѣетъ въ виду борьбу съ укоренившейся язвой нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній; я не могу не согласиться, что порядокъ теченія университетской жизни ненормаленъ, что правильная академическая жизнь нарушена и что серьезная опасность угрожаетъ интересамъ просвѣщенія въ Россіи. Принять мѣры необходимо, но тѣ мѣры, которыя предлагаютъ 35 членовъ г. совѣта, будутъ-ли они дѣйствительны, цѣлесообразны и своевременны? Не принесутъ-ли онѣ больше вреда, чѣмъ пользы? Я полагаю, что онѣ будутъ нецѣлесообразны, несвоевременны и нецѣлесообразны. Запросъ имѣетъ въ виду обратить вниманіе министерства на безпорядки, но министерство знаетъ это и еще больше, чѣмъ мы, желаетъ эти безпорядки устранить. Напоминаніе это излишне и можетъ только усложнить положеніе. Роль г. совѣта не затруднять дѣятельность министерствъ, а помогать ей. Самое возбужденіе такого вопроса, по поводу котораго дѣлается запросъ, уже должно поднять обширныя пренія, повлечь за собою усиленіе смуты и послужить источникомъ новыхъ безпорядковъ. Кроме того, изъ деклараціи министерства мы узнали уже, что правительство намѣтило цѣлый рядъ преобразованій въ строѣ высшихъ учебныхъ заведеній и озабочено тѣмъ, чтобы согласовать университетскую автономію съ интересами общегосударственными. Намъ будетъ время войти въ критику мѣропріятій правительства по этому поводу, когда соответствующіе законопроектъ поступятъ на наше разсмотрѣніе. Кроме того, совѣтъ министерствъ уже обнаружилъ желаніе принять мѣры воздѣйствія на студентовъ. Быть можетъ, эти мѣры многие найдутъ недостаточными, но развѣ мы здѣсь компетентны опредѣлять тотъ моментъ, когда слѣдуетъ перейти отъ одной мѣры къ другой? Министерство знаетъ это лучше насъ. Я полагаю-бы перейти къ очереднымъ дѣламъ по слѣдующей формулѣ: «Заслушавъ заявленіе 35 членовъ и признавая настоящее положеніе въ университетахъ совершенно ненормальнымъ, препятствующимъ правильному теченію академической жизни и угрожающимъ интересамъ просвѣщенія, г. с. полагаетъ, что совѣстными усилиями академическихъ совѣтовъ и подлежащаго министра будутъ приняты при сохраненіи началъ Высочайшаго указа 27 августа 1905 г. дѣйствительныя мѣры къ восстановленію порядка, и потому переходитъ къ очереднымъ дѣламъ».

Послѣ этого говорилъ протоіерей Буткевичъ, защищавшій

въ прошлую сессию смертную казнь. Онъ поддерживалъ за-просъ, исходя изъ той мысли, что начало «смуть» положили правила 27 августа 1905 года объ автономіи. По его мнѣнію, профессора понимали автономію такъ: правительства къ уни-верситету не подпускать, но за жалованьемъ и генеральскими чинами обращаться къ нему... Еще что-то такое было сказано о профессорахъ и баррикадахъ и одновременно раздались крики: «довольно» и «просимъ».

Защитили запросъ еще кн. Касаткинъ, Ростовскій и гг. Гре-ческуль и Саблеръ.

Гр. Паленъ предлагалъ государственному совѣту спросить министра, желаетъ-ли онъ отвѣчать на запросъ.

Сильныя рѣчи противъ запроса были сказаны ректоромъ московскаго университета А. А. Мануйловымъ и кн. Е. Н. Тру-бецкимъ. А. А. Мануйловъ указалъ, что въ настоящее время университеты, и особенно московскій, функционируютъ, какъ высшая школа, такъ, какъ они давно уже не функционировали (по залу прошелъ гулъ). Жизнь высшей школы тѣсно связана съ жизнью всей страны. Могла-ли не отразиться на школѣ перестройка всей страны отъ фундамента до вершины? Нельзя сказать, что въ высшей школѣ все нормально, и съ этимъ надо бороться, но какими мѣрами? Рекомендуемая запросомъ мѣры — старья, испытанныя въ своей негодности.

А. А. Мануйловъ былъ удивленъ, что Э. Самаринъ не зна-еть, что инспекція давно уже упразднена Высочайшими пове-дѣніями. «Неужели,—спросилъ А. А.,—основываясь на такихъ знаніяхъ, можно вращать университетъ?». Совѣтъ профессо-ровъ московскаго университета высказывалъ свое отношеніе ко всему происходящему и сообщалъ о своихъ мнѣніяхъ и правительству, и обществу, и студенчеству. По поводу-же сходки въ московскомъ университетѣ 20-го февраля г. Мануйловъ ука-залъ, что для контроля были поставлены сторожа, которыхъ толпа сорвала. Градоначальникъ-же зналъ о присутствіи по-стороннихъ и не счелъ даже нужнымъ принять какія-либо мѣры, о чемъ я сообщилъ помощнику ректора. Использован-ныя ранѣ полицейскія мѣры борьбы и повели къ дезорганизаціи учебнаго дѣла въ университетахъ.

Профессоръ Гриммъ говорилъ, что въ 1901, 1902 и 1903 годахъ положеніе въ высшей школѣ было хуже нынѣшняго. Теперь оно въ школѣ улучшилось, и дальнѣйшая жизнь высшихъ учебныхъ заведеній безъ автономіи невозможна. «Дайте намъ продолжать нашу дѣятельность,—волнуясь говорилъ г. Гриммъ,— не вставляйте намъ палокъ въ колеса!».

Кн. Е. Н. Трубецкой сказалъ страстную рѣчь и началъ ее, волнуясь, съ заявленія, что ему стыдно было-бы подписаться подъ такимъ запросомъ. Это заявленіе вызвало шумъ негодо-ванія правыхъ и замѣчаніе предсѣдателя.

«Редакція его прямо поражаетъ. Почему говорится только объ одномъ московскомъ университетѣ? Совѣтъ его неукосни-тельно исполняетъ наши предначертанія, мы, всѣ профессора отвѣчаемъ за его дѣйствія. Надо принять во вниманіе, въ ка-комъ видѣ намъ достался университетъ. Зло накоплялось де-

сятками лѣтъ. Ученіе въ немъ было исключеніемъ, на мѣсто его свирѣпствовала обструкция. Почему раньше не раздавались крики о привлеченіи къ отвѣтственности ректоровъ и попечителей? А теперь раздаются вопли «къ суду!» и на университетъ хотятъ наложить тяжелую руку. Мы водрузили академическій знакъ на пожарницѣ, мы провозгласили: университеты для науки! Въ университетѣ хозяйничала полиція, о призывѣ которой теперь опять мечтаютъ. Намъ приходится лавировать между революціей и полиціей, какъ между Сциллой и Харибдой. Я говорю: если-бы прошелъ настоящій запросъ, онъ былъ-бы истолкованъ какъ результатъ угрозы, и если осуществится программа запроса, она осуществится на развалинахъ университета».

А. С. Ермоловъ, Корвинъ-Круковский высказались за формулу А. А. Сабурова.

Интересно было выступленіе министра народнаго просвѣщенія. Г. Кауфману, очевидно, очень хотѣлось, чтобы запросъ прошелъ, и когда, послѣ рѣчей гг. Ермолова, Корвина-Милевскаго и профессоровъ, въ достаточной степени уже выяснилось, что запросъ государственнымъ совѣтомъ принять не будетъ, онъ нашелъ необходимымъ взойти на кафедру и изъявить полную готовность дать всякія объясненія, которыя пожелааетъ имѣть государственный совѣтъ. «Если даже,—сказалъ онъ,—запросъ не будетъ предъявленъ къ правительству, мы исполнимъ этотъ долгъ, сознавая, что положеніе школы дѣйствительно ненормально. Если до сихъ поръ ничего не было предпринято, то только потому, что министерство хотѣло имѣть опытъ, видѣть результатъ примѣненія правилъ 27-го августа 1905 г. и ознакомиться на практикѣ съ ихъ недостатками. Теперь рѣшено, что всѣ безобразія, происходящія въ школѣ, должны быть устранены. Какъ это сдѣлать—это вопросъ совѣщанія. Новый университетскій уставъ уже составленъ, но требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій». Однако, и радушный отвѣтъ министра не могъ поддержать запросъ

Предсѣдатель предложилъ на баллотировку вопросъ, переходить-ли мотивированной формулой къ очереднымъ дѣламъ или принять запросъ. 79 голосами противъ 75 рѣшенъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Такимъ образомъ, запросъ былъ отвергнутъ. Дальнѣйшей баллотировкой отклонены поправки Д. Д. Гримма и 89 голосами противъ 61 принята формула перехода, предложенная А. А. Сабуровымъ.

Такимъ образомъ, вторично правые потерпѣли поражение и теперь, пожалуй, окончательно выяснилось, что крайніе реакціонеры и въ государственномъ совѣтѣ безсильны.

Гурко-лидваліада.

Гурко-лидваліада, о которой читателямъ уже извѣстно изъ предыдущихъ номеровъ „Клада“, находится въ періодѣ судебного разслѣдованія. Сенаторъ Варваринъ, которому поручено произвести предварительное слѣдствіе по дѣлу товарища министра внутреннихъ дѣлъ г. Гурко, допросилъ уже нѣсколько лицъ. На 24-е февраля вызывались для допроса сотрудники г. Гурко по продовольственному дѣлу гг. Павловъ и Капустинъ, но перваго изъ нихъ въ то время не было въ Петербургѣ. 27-го февраля допрошенъ по этому-же дѣлу чиновникъ особыхъ порученій В. В. Ковалевскій.

24-го-жефевраля слѣдователи допросили нѣкоторыхъ чиновниковъ продовольственной части по дѣлу договора, заключеннаго г-мъ Гурко съ фирмою Лидваль и К^о. Slѣдователи интересовались вопросомъ, при какихъ условіяхъ былъ составленъ договоръ и по чьей инициативѣ, кто сдѣлалъ распоряженіе о включеніи въ договоръ условія относительно выдачи аванса въ 800.000 руб. Обращено вниманіе слѣдователей также и на измѣненіе суммы аванса, который былъ первоначально намѣченъ всего лишь въ 80.000 руб., а затѣмъ эта сумма исправлена на 800.000 рублей. Исправленіе въ договорѣ, какъ выяснило слѣдствіе, сдѣлано рукой товарища министра. Slѣдователи старались также выяснитъ, кто способствовалъ завязкѣ дѣловыхъ отношеній между г. Гурко и представителемъ фирмы Лидваль, а также дѣятельность этой фирмы въ хлѣботорговомъ дѣлѣ.

Г. Гурко оказался великимъ смѣльчакомъ. Въ то самое время какъ о немъ шло слѣдствіе, онъ привлекъ къ уголовной отвѣтственности за клевету въ печати редакторовъ газетъ, разоблачившихъ лидваліаду. С.-петербургскій окружной судъ, разсматривая въ распорядительномъ засѣданіи дѣло редактора газеты „Рѣчь“ г. Харитона, нашель, что всѣ статьи этой газеты, какъ видно изъ ихъ содержанія, вызваны возникновеніемъ дѣла о бывшемъ товарищѣ министра внутреннихъ дѣлъ д. с. с. Гурко по поводу заключенія имъ договора съ Лидвалемъ о поставкѣ хлѣба въ неурожайныя губерніи; дѣло-же это въ настоящее время, по распоряженію правительствующаго сената, обращено къ дополнительному слѣдствію и паходится, какъ видно изъ правительственнаго сообщенія, у судебного слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ, и принимая во вниманіе, что

при производствѣ о комъ-либо уголовнаго дѣла законъ не допускаетъ параллельныхъ дѣлъ по обвиненію въ оклеветаніи лица, вступающаго такъ или иначе по сему дѣлу, а наоборотъ, соответствующій исходъ основного дѣла допускаетъ, по разрѣшеніи его, возбужденіе возникающихъ изъ него обвиненій въ лжесвидѣтельствѣ, лжедоносѣ и клеветѣ, судъ признаетъ, что при вышеизложенныхъ обстоятельствахъ обвиненіе, предъявленное прис. пов. Булацелемъ (повѣреннымъ г. Гурко) къ редактору Харитону, является преждевременнымъ.

Ввиду вышеизложеннаго и принимая во вниманіе, что обвиненіе прис. пов. Булацелемъ (повѣреннымъ г. Гурко) редактора Харитона въ оклеветаніи его вѣрителя Гурко, какъ дѣло параллельное въ противоположномъ смыслѣ съ дѣломъ о послѣднемъ, находящемся въ стадіи слѣдственнаго производства, а слѣдовательно, не получившемъ еще разрѣшенія, не можетъ имѣть мѣсто въ настоящее время, за отсутствіемъ въ указанныхъ имъ статьяхъ состава преступленія клеветы, ибо впредь до разрѣшенія основного дѣла о д. с. с. Гурко, къ которому эти статьи относятся, не можетъ быть установленъ одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ преступленія, предусмотрѣннаго 1535 ст. улож. о наказ., а именно завѣдомая ложность тѣхъ данныхъ, которыя по объясненіямъ газеты „Рѣчь“, явятся результатомъ судебного разбирательства, нынѣ еще не состоявшагося,— окружный судъ, на основаніи 527 и 547 статей. уст. уг. суд. и цирк. указа прав. сената 1-го мая 1881 года (рѣш. общ. собр. 1880 г., № 10), постановилъ: за отсутствіемъ въ обстоятельствахъ обвиненія предъявленнаго по сему дѣлу прис. пов. Булацелемъ, по довѣренности д. с. с. Гурко, признаковъ преступнаго дѣянія, предусмотрѣннаго 1535 ст. улож. о нак., настоящее дѣло производствомъ прекратить, о чемъ объявить сторонамъ.

Такимъ образомъ, судъ не только прекратилъ дѣло, но и указалъ товарищу министра на существованіе законовъ въ странѣ, по которымъ нельзя привлекать за клевету, если то, что названо клеветой, вызвало судебное разслѣдованіе противъ обвинителя.

По поводу этого неожиданнаго окончанія одной изъ частей дѣла „Русь“ замѣчаетъ:

„Кончилась скандальнымъ фіаско первая-же попытка г. Гурко расправиться при помощи судебныхъ скорпіоновъ съ ненавистными газетами, „оклеветавшими“ этого бюрократическаго дѣятеля, „темпераментъ“ котораго такъ восхищаетъ „Нов. Время“, но его самого приведетъ только на скамью подсудимыхъ. Спб. окружной судъ прочелъ и темпераменту г. Гурко, и его беззаботному насчетъ законовъ черносотенному повѣренному г. Булацелю надлежащую юридическую

потацію. Судъ напомнилъ обоимъ развязнымъ джентльмэнамъ — и тому, кому предстоитъ сѣсть на скамью подсудимыхъ, и тому, кто подрядился вывозить г. д. с. с. Гурко изъ этой бѣды, — что, будучи обвиняемымъ по извѣстному дѣлу, нельзя обвинять газеты въ „клеветѣ“ на ту-же самую тему. Такой параллельной „клеветы“, съ точки зрѣнія закона, быть не можетъ; это только у господъ Гурко и Булацелей она дзвонится въ глазахъ.

„Хорошій урокъ и героямъ затянувшася, но для всѣхъ несомнѣннаго процесса, и берущимся ихъ защищать юридическимъ младенцамъ изъ числа маститыхъ черносотенцевъ. Надо полагать, у нихъ уже не окажется прыти на преслѣдованіе — какъ они заявляли — всѣхъ „клеветавшихъ“ на темпераментъ г. Гурко столичныхъ и провинціальныхъ редакторов“.

„Освѣдомительное Бюро“ по поводу ливвалевскаго дѣла надняхъ сообщило еще слѣдующее: „исп. об. юрисконсульта министерства внутреннихъ дѣлъ т. с. Я. А. Плюшевскій-Плющикъ и прис. повѣренный Г. С. Слюзбергъ, обсуждая порядокъ дальнѣйшихъ дѣйствій по дѣлу о ликвидаціи поставки хлѣба для неурожайныхъ мѣстностей, принятой на себя купцомъ Л. И. Лидвалемъ, нашли нужнымъ для производства расчета за поставленную торговымъ домомъ Э. Л. Лидваль и комп. рожь предпринять слѣдующія мѣры: 1) при производствѣ расчета по тарифу — принимать во вниманіе разстояніе отъ Курска до Казани для всѣхъ грузовъ, направленныхъ купцомъ Лидвалемъ, независимо отъ того, шли-ли они черезъ Курскъ или нѣтъ; при этомъ всю причитающуюся въ уплату тарифа сумму записывать въ дебетъ Лидваля, а причитающуюся въ его пользу разницу, въ тѣхъ случаяхъ, когда грузъ направлялся на разстояніе, превышающее разстояніе между Курскомъ и Москвой — записывать въ его кредитъ; 2) падающій на Л. И. Лидваля начетъ по $\frac{1}{2}$ проц. въ мѣсяцъ начислять за полный мѣсяцъ, за ноябрь или декабрь, смотря по времени данныхъ ему нарядовъ; 3) при расчетѣ убытка, причиненнаго Лидвалемъ казнѣ, включить въ счетъ этого усѣтка разницу въ цѣнѣ хлѣба, купленнаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, взамѣнъ недоставленнаго имъ, Лидвалемъ, въ количествѣ 8.759.148 пудовъ или сколько окажется въ случаѣ поступленія еще не прибывшихъ, но отправленныхъ ранѣе 1-го января 1907 года хлѣбныхъ грузовъ Лидваля“.

Въ дальнѣйшемъ своемъ ходѣ дѣло „Гурко-Лидваль“ представляется въ такомъ видѣ. Допросъ свидѣтелей, чиновниковъ продовольственной части, слѣдователями сенаторомъ Барваринимъ и обер-прокуроромъ Кемпе законченъ. Допрашивая послѣдняго свидѣтеля, хорошо знавшаго постановку продовольственнаго дѣла, слѣдователи,

по словам „Нов. Вр.“, занялись выясненіемъ вопроса, почему именно поставка десяти миллионѣвъ пудовъ хлѣба была отдана фирмѣ Лидваль и комп. По свѣдѣніямъ слѣдователей, Лидваль впервые появился въ министерствѣ еще 4-го сентября прошлаго года, но тогда почему-то его предложеніе не встрѣтило отклика. Обративъ вниманіе на происшедшую перемѣну въ переговорахъ съ Лидвалемъ, слѣдственные власти старались выяснитъ, не произошло-ли это подъ вліяніемъ рекомендаціи поставщика со стороны нижегородскаго губернскаго присутствія или мѣстныхъ властей? На этотъ вопросъ свидѣтель не могъ дать опредѣленный отвѣтъ. Лидваль произвелъ на свидѣтеля неблагопріятное впечатлѣніе тѣмъ, что, говоря объ имѣющихся у него запасахъ наличнаго хлѣба, постоянно мѣнялъ въ разговорѣ мѣста складовъ; Лидваль называлъ то однѣ станціи, то другія и говорилъ о своихъ запасахъ хлѣба крайне неувѣренно. Поэтому свидѣтель протестовалъ и противъ предполагаемой вначалѣ предварительной уплаты Лидвалю по 400 руб. за вагонъ хлѣба, такъ какъ находилъ эту сумму преувеличенной. Затѣмъ изъ показаній свидѣтелей выяснилось, что Гурко многого не сообщалъ своимъ ближайшимъ помощникамъ. Такъ, о запрещеніи мѣстнымъ губернскимъ присутствіямъ самостоятельно закупать хлѣбъ свидѣтели узнали сторонними путями. Запрещеніе-же было сдѣлано въ виду отдачи подряда Лидвалю. Одному изъ свидѣтелей проектъ договора на поставку 10 миллионѣвъ пудовъ хлѣба былъ данъ на просмотръ. Свидѣтель высказался противъ нѣкоторыхъ пунктовъ договора, на измѣненіе четвертаго пункта не согласился Лидваль, встрѣтивъ поддержку со стороны Гурко.

Вообще, характеристика поставщика далеко не завидная; общія показанія сводятся къ тому, что Лидваль не производилъ впечатлѣнія крупнаго коммерсанта, освѣдомленнаго въ томъ дѣлѣ, за которое брался, хотя и дѣйствовалъ съ большимъ апломбомъ. Безъ выдачи крупнаго аванса на поставку хлѣба не соглашался, мотивируя это тѣмъ, что ему придется сразу затратить крупныя деньги, которыя для него будутъ мертвымъ капиталомъ на долгое время.

На этомъ краткомъ сообщеніи, оказывается, нѣтъ возможности остановиться. Въ засѣданіи государственной думы 9-го марта премьеръ-министръ П. А. Столыпинъ, высказывая свои предположенія о дальнѣйшей дѣятельности правительства, обмолвился такой фразою объ ассигнованіи на продовольственное дѣло: „Правительство представитъ государственной думѣ самыя подробныя разъясненія, такъ какъ правительству самому желательно пролить на это дѣло исключительно полный свѣтъ, доказательствомъ чего служатъ сдѣланныя правительствомъ усилія для гласнаго освѣщенія несчастнаго дѣла Лидваля“.

Стоило г. Столыцину упомянуть 9-го марта о „несчастномъ дѣлѣ Лидваля“, какъ на другой день уже появилось въ „Нов. Времени“ огромное, занимающее почти полосу этой газеты „письмо въ редакцію“, г. В. Гурко, которое, въ интересахъ справедливости, мы приводимъ здѣсь въ нѣкоторыхъ наиболѣе характерныхъ выдержкахъ.

„Съ самаго начала продовольственной кампаніи 1906 г.,—писать г. Гурко,—я сознавалъ необходимость приложить всѣ усилія для закупки ржи безъ рѣзкаго подъема ея рыночной цѣны. Для этого необходимо было сдѣлаться хозяиномъ хлѣбнаго рынка, что представлялось въ моихъ глазахъ безусловно возможнымъ, и я могу смѣло сказать, что это было достигнуто. Послѣ незначительнаго подъема цѣны на рожь, происшедшаго во время ея закупокъ на сѣменные потребности, цѣна, по которой она приобреталась министерствомъ, не только перестала повышаться, а наоборотъ, была понижена. Дѣйствительно, овладѣть хлѣбнымъ рынкомъ во время закупки сѣменной ржи не было возможности. Закупку эту необходимо было произвести въ теченіе двухъ-трехъ недѣль и притомъ въблизи тѣхъ мѣстностей, для которыхъ она предназначалась. Этого требовало своевременное доставленіе сѣмянъ населенію до времени сѣва. Обстоятельство это вынуждало министерство предоставить закупку сѣмянъ мѣстнымъ учрежденіямъ, причемъ предѣльная покупная цѣна ржи поневолѣ устанавливалась исключительно на основаніи указаній самихъ мѣстныхъ учреждений о той цѣнѣ, по которой они могутъ ее приобрести. Однако, и въ этихъ самими мѣстными учреждениями указанныхъ предѣлахъ нельзя было удержать цѣну покупаемой ими ржи. Такъ, 2-го августа предѣльная цѣна покупаемой мѣстными учрежденіями ржи, согласно ихъ заявленіямъ, была повышена продовольственнымъ совѣщаніемъ, причемъ это повышеніе составило по отдѣльнымъ губерніямъ отъ 2 до 15 коп. въ пудѣ. Но одновременно съ этимъ министерствомъ были приняты мѣры для предотвращенія дальнѣйшаго подъема рыночной цѣны на рожь. Въ чемъ именно онѣ состояли, это я имѣю въ виду изложить на судѣ. Нынѣ же достаточно сказать, что принятыя мѣры оказались настолько успѣшными, что уже въ началѣ сентября министерство могло понизить установленныя 2-го августа предѣльныя цѣны. По отдѣльнымъ губерніямъ это пониженіе составило отъ 3 до 10 коп. въ пудѣ. Достойно примѣчанія, что сбавка цѣны была сдѣлана, не взирая на то, что биржевыя отмѣтки на рожь за августъ мѣсяцъ, какъ въ заготовочныхъ районахъ, такъ и въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, для чуждъ конхъ рожь закупалась, повысились (примѣрно на 5 коп. въ пудѣ), а также, что назначенныя министерствомъ предѣльныя цѣны были ниже биржевыхъ отмѣтокъ. Цѣны, установленныя министер-

ствомъ въ началѣ сентября для отдѣльныхъ губерній, исходили изъ цѣны на рожь въ Харьковѣ 71 коп. пудъ при биржевыхъ отмѣткахъ въ Харьковѣ 75—80 коп.

„Словомъ, министерство настолько сдѣлалось хозяиномъ положенія, настолько держало хлѣбный рынокъ въ своихъ рукахъ, что властно устанавливало покупную цѣну на рожь, устанавливало ее ниже биржевыхъ отмѣтокъ, обязывало мѣстные учрежденія покупать рожь по этой пониженной цѣнѣ и въ результатѣ добивалось подчиненія рынка его указкѣ. Дѣйствительно, по установленной въ началѣ сентября министерствомъ пониженной цѣнѣ мѣстныя учрежденія закупили болѣе 7 миллионѣвъ пудовъ ржи.

„Все изложенное дало мнѣ право заявить министру внутреннихъ дѣлъ 17-го ноября, въ день назначенія особыхъ лицъ для разслѣдованія обстоятельствъ дѣла о сдачѣ подряда Лидвалю, что совершенная по моимъ указаніямъ покупка ржи сберегла миллионы государственному казначейству и странѣ и что я ходатайствую, чтобы разслѣдованіе д. т. с. Голубева не ограничилось разсмотрѣніемъ одной сдѣлки съ Лидвалемъ, а выяснило степень коммерческой выгоды всей совершенной министерствомъ покупки колоссальной партіи ржи.

„Ходатайство это не было уважено, но зато было установлено, что все продовольственное дѣло велось неправильно, причемъ велось мною лично, согласно моимъ прямымъ распоряженіямъ. Если-бы это дѣйствительно было такъ, если-бы все продовольственное дѣло велось исключительно по моимъ непосредственнымъ указаніямъ, то я могъ-бы лишь гордиться мною единолично достигнутымъ успѣхомъ. Но справедливость заставляетъ меня признать, что такихъ результатовъ я достигъ, лишь благодаря знаніямъ, опыту и безкорыстной преданности дѣлу моихъ сотрудниковъ.

„Таковъ общій достигнутый въ дѣлѣ покупки ржи результатъ, и сдѣлка съ Лидвалемъ, даже если признать, что она нанесла ущербъ казѣ, по самой относительной незначительности этого ущерба не повліяла сколько-нибудь существенно на выгоду всей операціи, взятой къ совокуности. Въ самомъ дѣлѣ, Лидваль, изъ полученнаго аванса, судя по проникшимъ въ печать свѣдѣніямъ, не оправдалъ 350.000 руб. Разложите эти пропавшія 350.000 на тѣ 51 миллионъ пудовъ ржи, которые куплены при моемъ завѣдываніи продовольственной частью (49.844 тыс. пуд. безъ сдѣлки съ Лидвалемъ и миллионъ съ лишнимъ, поставленной Лидвалемъ) и окажется, что общая заготовительная цѣна ржи повысится менѣе нежели на три четверти коп. въ пудѣ.

„Сравните эти три четверти коп. съ тѣми сбереженіями, кото-

рыя достигнуты на одной разницѣ между биржевыми отмѣтками на рожь и тѣми цѣнами, по которымъ она была фактически приобретена (въ среднемъ не менѣе 5 коп. въ пудѣ). Сравните эти три четверти коп. съ тѣми 14 коп., которыя составили разницу между смѣтными предположеніями цѣны пуда ржи и ея дѣйствительной покупной стоимостью (въ общемъ болѣе 7 мил. руб.). Сравните, далѣе, эти три четверти коп. съ тѣми 46 коп., которыя составила разница между покупной цѣной ржи для нуждающагося населенія въ 1906 году и въ 1891 (въ общемъ болѣе 23 мил. руб.), а, между тѣмъ, условія покупки ржи въ 1891 году были безусловно менѣе тяжелыми, нежели условія второго полугодія 1906 года. Наконецъ, что такое эти три четверти коп. по сравненію съ тѣми 15—20 коп., на которыя цѣна ржи повысилась при дальнѣйшихъ ея закупкахъ послѣ оставленія мною завѣдыванія продовольственной частью *)?

„Смѣна руководителя правительственной закупкой хлѣба въ самый разгаръ операцій, сама по себѣ, должна была внести нѣкоторое, хотя-бы и временное, разстройство въ это дѣло. Но послѣднему особенно способствовала наша оппозиціонная печать. Своими клеветническими нападками на прежняго руководителя закупкою зерна эта печать лишила продовольственную часть того спокойствія и самоувѣренности, которыя необходимы для осуществленія всякаго крупнаго дѣла. Естественно терроризованная этими клеветами продовольственная часть осудила практиковавшуюся мною систему покупокъ, о чемъ и послѣдила печатно заявить. Въмѣстѣ съ тѣмъ, она вынуждена была, ради огражденія себя отъ злостныхъ нападковъ и вымысловъ, обратить особое вниманіе на соблюденіе всѣхъ тѣхъ вышнихъ формальностей, которымъ придавалось такое значеніе. Но живое коммерческое дѣло не выносить мертвыхъ бюрократическихъ приѣмовъ, а посему сохранить власть надъ хлѣбнымъ рынкомъ при такихъ условіяхъ не было возможности. Нѣтъ сомнѣнія, что бухгалтерское благополучіе достигнуто въ совершенствѣ: ни одна выданная копейка не останется неоправданной соотвѣтственнымъ количествомъ договореннаго хлѣба. Другой вопросъ,—во что обошелся этотъ хлѣбъ. Словомъ, приходъ съ расходомъ вѣренъ, а въ остаткѣ... переплата миллионъ рублей за искусственно вздорожавшій хлѣбъ.

„Поскольку-же подъемъ цѣны на хлѣбъ былъ искусственнымъ, можно судить потому, что, коль скоро стало извѣстно (изъ публи-

*) Цѣна ржи повысилась съ 25-го ноября 1906 г. по 10-ое февраля 1907 г. въ Кіевѣ на 15—16 коп., въ Саратовѣ на 17—18 коп. (съ 86—87 к. до 1 р. 3 к.—1 р. 5 к.), въ Ельцѣ на 24 к. (съ 81 к. до 1 р. 2 к.), въ Москвѣ на 17—20 к. (съ 90—93 к. до 1 р. 10 к.).

куемых продовольственной частью свѣдѣній) о закупкѣ почти полного количества потребной для продовольствія ржи, цѣна на нее за одну недѣлю (съ 17-го по 24-ое февраля) понизилась на главныхъ рынкахъ въ предѣлахъ до 7 коп. въ пудѣ, а съ тѣхъ поръ испытала дальнѣйшее пониженіе.

„Да, наконецъ, и самая потеря 350.000 рублей за Лидвалемъ, развѣ она не является также въ значительной степени результатомъ искусственнаго подъема цѣны на рожь? Дѣйствительно, допустимъ даже, что всѣ эти 350.000 составляютъ чистый барышъ Лидвала, и допустимъ также, что онъ впередъ рѣшилъ не удовольствоваться меньшимъ барышемъ. Однако, вѣдь, для каждого понятно, что самому Лидвалю безусловно выгоднѣе было заполучить эти деньги, исполнивъ свои обязательства, а это при цѣнахъ, установившихся къ половинѣ ноября, онъ безусловно былъ-бы въ состояніи сдѣлать по меньшей мѣрѣ въ значительно большемъ количествѣ, нежели онъ это сдѣлалъ при происшедшемъ подъемѣ цѣны на рожь.

„Со своей стороны, я утверждаю, что совершеніе контракта на 10 милліоновъ пудовъ ржи по столь дешевой цѣнѣ, какая была установлена въ сдѣлкѣ съ Лидвалемъ, имѣло само по себѣ весьма важное значеніе. Именно благодаря этому контракту, цѣна на рожь въ заготовочномъ районѣ съ начала октября и до конца ноября не только не обнаруживала тенденціи къ повышенію, а наоборотъ, понизилась. Именно, благодаря этому контракту, всѣ прочіе поставщики министерства и мѣстныхъ учреждений имѣли возможность исполнить принятыя на себя обязательства. Именно этотъ контрактъ создалъ возможность правительству не только закупить хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, но и фактически его получить. Именно этотъ контрактъ создалъ такія условія, что, когда замедленіе въ доставкѣ ржи Лидвалемъ вынудило министерство обратиться къ другимъ поставщикамъ, закупка всего недостававшего для продовольствія населенія по 1-ое февраля 1907 года количества ржи была совершена въ теченіе одной недѣли при рыночной стоимостиржи на 2 коп. въ пудѣ дешевле, нежели существовавшая ввремя заключенія контракта съ Лидвалемъ“.

Конечно, это объясненіе г. Гурко будетъ прочитано, но Россія все-таки съ нетерпѣніемъ ждетъ суда и только его приговоръ можетъ нѣсколько успокоить взбудораженное общественное мнѣніе, тѣмъ болѣе, что весьма трудно предполагать, чтобы докладъ д. т. с. Голубева, составленный имъ для освѣдомленія обо всемъ этомъ дѣлѣ Верховной власти, былъ составленъ съ опрометчивостью, пристрастіемъ, „самоувѣренностью или самонадѣянностью“. Точно такъ-же непонятною представлялась-бы и обмолвка г. Столыпина о „дѣлѣ Лидвала“, если-бы у премьеръ-министра не было достаточно оснований для громлагоснаго предъ всей Россіей признанія этого дѣла „несчастливымъ“.

Бѣлые и черные.

Народный избранникъ св. Г. С. Петровъ все еще не преступилъ къ возложеннымъ на него русскимъ народомъ обязанностямъ: его нѣтъ въ думѣ, гдѣ раздаются голоса черноризцевъ-депутатовъ, изъ которыхъ одинъ воспользовался думскими преніями о министерской деклараціи для полемики съ неудобными ему газетами.

От. Петровъ все еще находится въ Черемнецкомъ монастырѣ. Въ газетѣ «Сегодня» нѣкто М. Д. рассказываетъ слѣдующее о жизни от. Петрова въ этомъ мѣстѣ «покаянія». «Когда судьба забросила насъ въ г. Лугу,—говоритъ М. Д.,—мы поспѣшили воспользоваться случаемъ и побывать въ Черемнецкомъ монастырѣ, мѣстѣ заключенія о. Гр. Петрова, чтобы повидать его. Еще не доѣзжая до монастыря, мы увидѣли о. Григорія идущимъ встрѣчать жену и сына, только что прибывшихъ. Первымъ его вопросомъ, предложеннымъ имъ, былъ объ обвалѣ въгос. думъ, его причинахъ и размѣрахъ. Своимъ мѣстопробываніемъ о. Григорій доволенъ; ему хорошо; относятся къ нему достаточно внимательно; ему нравится красивое мѣстоположеніе монастыря. Единственно, что нѣсколько огорчаетъ о. Григорія, это—невозможность работать, такъ какъ длинныя церковныя службы отнимаютъ у него все время, да при-томъ-же очень много навѣщаютъ о. Петрова. Послушаніемъ о. Григорія не обременяютъ: монахамъ не понравилось его ясное и отчетливое чтеніе, которое затягивало и безъ того длинную службу. Сами же они читаютъ, по выраженію о. Григорія Петрова, «какъ тарайка подъ гору ѣдетъ». Послѣ двукратнаго чтенія шестопсалмья, ему оставили лишь право, а вмѣстѣ съ тѣмъ обязанность, нѣтъ на клиросѣ. На вопросъ объ отношеніи настоятеля о. Амвросія къ о. Григорію, онъ отвѣчалъ уклончиво: «абсолютной правды нѣтъ на свѣтѣ», «каждый понимаетъ все по своему» и т. п. Есть основаніе думать, что настоятель получилъ извѣстныя инструкціи, такъ какъ его специально по «дѣлу» о. Григорія вызывали въ Петербургъ.

«На нашъ вопросъ о томъ, жалеть-ли, что онъ не можетъ быть въ думѣ, о. Григорій отвѣтилъ, что онъ къ этому относится совершенно спокойно, такъ какъ зналъ, что его постараются туда не пустить; поэтому у него нѣтъ никакихъ «разбитыхъ надеждъ». При этомъ онъ вспомнилъ, что про него писали: «о. Петровъ увѣхалъ добровольно, слѣдовательно, ни народъ, ни депутаты не должны волноваться этимъ фактомъ». Онъ хотѣлъ было отвѣтить на это открытымъ письмомъ, съ указаніемъ, что даже приговоренныхъ къ смерти не несутъ на висѣлицу: они всегда идутъ «добровольно». По его мнѣнію, два слова ежедневно: «депутатъ сидитъ», производятъ большое впечатлѣ-

не на сознание народа, чѣмъ все громовыя рѣчи этого депутата въ думѣ. Относительно будущей судьбы думы о. Григорій не беретъ ничего сказать, такъ какъ въ данномъ случаѣ нельзя разсуждать логически правильно, потому что разныя неожиданныя «неумныя» выходки могутъ повліять на ходъ дѣла. Удивлялся о. Григорій тому вниманію, которое удѣляютъ Крушевану. Съ его точки зрѣнія, это—человѣкъ совершенно ненормальный, такъ-же какъ и монахъ Илюдоръ, который ему давно извѣстенъ, какъ фанатикъ: еще въ Ярославль его считали чуть-ли не «звѣремъ».

«Показавъ намъ присланный ему только что изъ Петербурга альбомъ фотографическихъ снимковъ съ монастыря и своихъ собственныхъ о. Григорій распрощался съ нами. При разставаніи, мы ему пожелали скорѣйшаго возвращенія и избавленія отъ преслѣдованій, но получили отвѣтъ:

«— Я готовъ ко всему. Не жду быстрой переменъ, такъ какъ моя маленькая судьба связана съ судьбой большой Россіи, какъ, знаете-ли, иногда къ большому пароходу бываетъ прицеплена маленькая лодочка, которая и плыветъ вмѣстѣ съ нимъ.

«Не безынтересно отмѣтить, что въ монастырѣ со времени пребыванія о. Григорія Петрова для всѣхъ прибѣжающихъ заведена особая книга, въ которой должны быть записаны званіе и фамилія посѣтителей, на чемъ упорно настаиваетъ дежурный монахъ».

Знаменитый русскій писатель Вас. Ив. Немировичъ-Данченко, хорошо извѣстный читателямъ «Родины», такъ описываетъ свою поѣздку въ монастырь, гдѣ живетъ от. Петровъ.

«Цѣлая панорама страданій! Музей инквизиторскихъ пытокъ! О силѣ этихъ пытокъ мрачно повѣствуетъ ящикъ, который везъ В. И. Немировича-Данченко къ Черемнецкому невольнику. (Кстати: это—тотъ-же самый ящикъ, который участвовалъ съ нимъ въ составленіи корреспонденціи съ театра военныхъ дѣйствій.)

«— Ну, а въ обители его не притѣсняютъ монахи?—спрашиваетъ г. Немировичъ своего возницу.

«— Зачѣмъ? И безъ того ему тяжело. Запри голубя въ подполье. Онъ по небу привыкъ... Ему легкій воздухъ нуженъ. А въ подпольѣ тьма. Въ подпольѣ мышамъ жить. А голубю свѣтъ...

«— Замѣтно, что ему нехорошо?

«— Нѣтъ. Крѣпится! Все улыбается. Потому, совѣсть у него спокойная. И насъ еще бодрить. Развѣ онъ покажетъ? Терпѣть будетъ. Только не сломится, нѣтъ. Не такой! Сегодня къ нему много офицеровъ ѣздило. Съ женами. Пожалуй, и усталъ батюшка».

Такъ относится народъ, простой православный русскій народъ къ невольному обитателю Черемнецкаго монастыря. Литературная слава маститаго беллетриста является порукою въ томъ, что эти слова записаны съ строжайшей точностью...

Однако, въ государственной думѣ не забыли изгнаннаго «консисторскими отцами» народнаго избранника. По словамъ газетъ, на одномъ изъ ближайшихъ засѣданій государственной думы будетъ внесено предложеніе о немедленномъ возвращеніи

священника Гр. Сп. Петрова изъ Черемнецкаго монастыря для участія въ засѣданіяхъ государственной думы. Какъ говорятъ, соответствующее заявленіе уже готово и подписано болѣе чѣмъ 30 членами, несмотря на извѣстное письмо о. Петрова.

По вопросу о возможности возвращенія о. Петрова, сотрудникъ «Бирж. Вѣд.» бесѣдовалъ съ однимъ петербургскимъ священникомъ, хорошо извѣстнымъ въ кругахъ прогрессивнаго духовенства. «По-моему,—сказалъ этотъ пастырь,—независимо отъ юридическихъ его сторонъ, необходимо формулировать вопросъ такъ: въ правѣ-ли высшее церковное управленіе воспретить общественную дѣятельность члену церкви, не занятому себя ни малѣйшей ересью, ничѣмъ, недостойнымъ высоты христіанскаго ученія? Если оно въ правѣ, то мы можемъ явиться свидѣтелями болѣе распространеннаго примѣненія этого права—тотъ-же синодъ въ одинъ прекрасный день можетъ предложить и всѣмъ другимъ священникамъ, членамъ государственной думы, поселиться на время сессіи государственной думы въ Черемнецкомъ монастырѣ. Это будетъ, вѣдь, только логическій выводъ изъ дѣла о. Григорія. Далѣе, признаетъ-ли синодъ важнымъ дѣло государственной думы и вообще общественное, государственное дѣло? Что важнѣе—отбытіе о. Петровымъ непременно теперь-же наказанія или осуществленіе имъ воли избирателей? На мой взглядъ, государственная дума, не обращая вниманія на извѣстное письмо о. Петрова, должна рѣшительно потребовать его освобожденія, не останавливаясь ни предъ чѣмъ: этого требуетъ достоинство государственной думы, достоинство народныхъ представителей. Лично о. Петрову, можетъ быть, даже и полезно, и пріятно отдохнуть на покой, но для государственной думы это не можетъ имѣть значенія».

Но если въ думѣ не забыли от. Петрова, то не забыли о немъ и органы реакціонной печати. Такъ въ «Спб. Вѣд.»—«княжескомъ органѣ», который хотя немного долженъ былъ-бы помнить, что принципы благородства и рыцарства строжайше воспрещаютъ даже въ кулачномъ бою бить лежащаго, помѣщенія воспоминанія о московскомъ разбойникѣ послѣднихъ дней, студентъ Львовъ, герой множества экспроприаций. Судь надъ Львовымъ состоится на-дняхъ, но авторъ воспоминаній не затрудняется вложить въ его уста такую фразу: «Лучше всего время было, когда съ Григоріемъ Спиридоновичемъ (Петровымъ) работали; у него на квартирѣ складъ бомбъ былъ».

Ввиду напечатанія этого сообщенія священникъ Г. С. Петровъ счелъ необходимымъ высказать въ тѣхъ-же «Спб. Вѣд.» слѣдующія свои объясненія относительно его отношеній къ студенту Львову и относительно храненія бомбъ. Онъ пишетъ: «Въ январѣ 1906 года какой-то юноша пришелъ ко мнѣ, какъ къ редактору *), съ пачкой рукописей. Разказы оказались нигде не годными, къ тому-же написанными крайне безграмотно. Юноша этотъ былъ Львовъ; принесъ второй и третій разъ. Успѣхъ тотъ-же... Ему былъ данъ совѣтъ бросить занятіе лите-

*) Въ это время о. Петровъ издавалъ и редактировалъ газету «Правда Божія».

ратурой и, прежде всего, получить грамоты и почитать хороших книг. Львовъ убедительно просилъ какихъ-нибудь занятій. Говорилъ, что ему вѣтъ нечего и что негдѣ спать. Ему дали 3—5 рублей. Онъ пришелъ снова и, указывая на рабочую хронику газеты, просилъ позволенія приносить свѣдѣнія о дѣятельности профессиональныхъ союзовъ, такъ какъ онъ-де близокъ къ этимъ союзамъ и въ одномъ (сапожномъ) даже председательствуетъ. Чтобы дать человѣку заработать на хлѣбъ, ему предложили доставлять репортерскія замѣтки. Замѣтки были всегда безграмотны и нескладны. Ихъ приходилось всегда передѣлывать, но, чтобы не оставить человѣка безъ хлѣба, редакция терпѣливо принимала малоцвѣтный матеріалъ въ самой ужасной формѣ. Такіе «сотрудники» (никому невѣдомые, случайные, временные) бываютъ во всѣхъ редакціяхъ. У насъ-же въ редакціи смотрѣли на Львова не какъ на сотрудника, а какъ на человѣка, которому временно въ замаскированной формѣ оказывали матеріальную помощь, не интересуясь, кто онъ и каковы его убѣжденія. Да и слишкомъ ужъ явно онъ былъ легкомысленъ, чтобы могла быть рѣчь о какихъ-либо его убѣжденіяхъ.

«Что касается храненія бомбъ и оружія во время московскаго возстанія въ моемъ будто-бы домѣ, то это, очевидно, не лѣвая выдумка. Не знаю, чья: П. Львова, или г. Якута *)? Возстаніе было въ декабрѣ девятьсотъ пятаго года, а редакція узнала П. Львова въ январѣ девятьсотъ шестого года. Во время возстанія меня не было и въ Москвѣ. Явно, вымыселъ—разсказъ о храненіи бомбъ и оружія. И московская полиція, конечно, знаетъ хорошо, что ничего подобнаго не было. Хорошо-ли со стороны г. Якута такъ неосторожно сообщать подобныя вѣсти?!»

* * *

Теперь, послѣ бесѣды о «бѣломъ священникѣ», перейдемъ къ другому герою пастырскаго поприща—«черному». Мы говоримъ объ извѣстномъ іеромонахѣ Иліодорѣ. Выясняется, что это—совсѣмъ молодой человѣкъ и въ этомъ случаѣ его страстные призывы къ междоусобию и кровопролитію могутъ быть объяснены только душевной болѣзью; прямо-таки дико думать, чтобы здравый человѣкъ былъ способенъ на что-либо подобное.

2-го марта, послѣ катастрофы въ думѣ іеромонахъ Иліодоръ послалъ въ Почаевъ архимандриту Вигалію слѣдующее сообщеніе: «Сегодня утромъ во дворцѣ упалъ потолокъ лѣвой стороны. Думаютъ, что ихъ хотѣли убить. Дума бездѣльничаетъ. Иліодоръ».

3-го марта, утромъ въ домѣ № 42 по Сергіевской ул. состоялось освященіе клуба монархистовъ. Послѣ богослуженія и хорошей выпивки, правые устроили засѣданіе. Предсѣдательствовалъ С. Короленко, предсѣдатель центрального комитета общества «Россія для русскихъ». Среди присутствовавшихъ былъ и іеромонахъ Иліодоръ, почаевская знаменитость. Темой разсужденій служилъ обвалъ потолка въ залѣ засѣданій госу-

*) Авторъ напечатанныхъ въ «Спб. Вѣдом.» воспоминаній о Львовѣ.

дарственной думы. В. Пурышкевичъ говорилъ что-то непонятное о томъ, что въ обвалѣ вѣтъ ничего того, что видятъ и о чемъ говоритъ распорядительная коммиссія, состоящая изъ членовъ думы, и администрація дворца, а есть что-то такое, чего никто другой, кромѣ его, Пурышкевича, не можетъ видѣть... Епископъ Евлогій увидѣлъ въ провалѣ потолка Божию кару. «Богъ каралъ Россію въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ,—говорилъ онъ,—и 2-го марта покарамъ еще разъ, желая показать, что дума, и особенно состоящая изъ большинства лѣвыхъ, не нужна Россіи». Илюдоръ усмотрѣлъ въ провалѣ провокацію со стороны лѣвыхъ и заявилъ, что съ «ихъ стороны, т. е., лѣвыхъ—будетъ еще не то!».

Лучшею характеристикою состоянія здоровья іеромонаха Илюдора можетъ служить его слѣдующее печатное заявленіе о государственныхъ выборахъ: «Я, грѣшный, не перестану называть ихъ во всеуслышаніе подлецами, разбойниками, погодями, клятвопреступниками, измѣнниками, плутами, мошенниками, ворами, хищниками, грабителями, изувѣрами, кощунниками, безбожниками, проклятыми, богохульниками, аспидами нечестивцами, развратниками блудниками, бунтовщиками!»

Такъ-же относиться къ государственнымъ выборнымъ онъ совѣтуетъ и своей паствѣ. Онъ говоритъ:

«Я ихъ всегда буду называть ихъ именами и совѣтую дѣлать такъ всѣмъ патріотическимъ газетамъ. Нечего вилать хвостомъ: держи его прямо и не стыдись своего родного, русскаго, природнаго!»

Архіепископъ Автопій даетъ такой отзывъ о «семъ неистовствѣ», напечатанный въ «Колоколѣ»:

«Что касается до сужденія объ іером. Илюдорѣ, то сей пылкій и очень болѣзненный юноша 26 лѣтъ, совершенно безхитростный и искренній, но аффектированный патріотъ, имѣетъ самыя благія намѣренія по отношенію къ церкви и отечеству, но не умѣетъ ихъ осуществлять съ достаточною сдержанностью и завѣщанною въ Евангеліи негнѣвливіестью».

Изумительнѣйшій отзывъ!

Но еще болѣе убѣждаютъ въ ненормальности (да и не одного, пожалуй, Илюдора!) «Почаевскія извѣстія», листокъ, выпускаемый иноками Почаевской лавры съ дозволенія цензора архимандрита Виталія. Въ свое время профессоръ здѣшней духовной академіи А. Карташевъ показалъ въ достаточномъ освѣщеніи этотъ органъ почаевскихъ святыхъ отцовъ, теперь не менѣе ярко освѣщаетъ его г. «Спокойный» въ «Бирж. Вѣдом.»

«Въ заголовкѣ—монастырь, увѣнчанный сіяніемъ, какимъ окружаютъ лики святыхъ, и крестный ходъ съ архіереємъ,—говоритъ г. «Спокойный»,—въ текстѣ—смѣсь гнуснаго человеконенавистничества, невѣроятной наглости и нелѣпаго суевѣрія. Въ подписи значится: «цензоръ архимандритъ Виталій. Типографія Поч. Усп. Лавры». Таковъ послѣдній, вышедшій 23-го февраля, номеръ «Почаевскихъ Извѣстій».

«Безумствуетъ душевно-болящій іеромонахъ Илюдоръ, отстраненный синодомъ отъ редактированія «Почаевскихъ Извѣстій», но дѣло не въ этомъ монахѣ. Онъ самъ отвѣчаетъ за себя и не трудно отсѣчь омертвѣлый членъ церкви, какъ ампутиру-

ють зараженную гангреною часть челоуѣческаго тѣла. Здѣсь мы видимъ нѣчто неизмѣримо болѣе серьезное и опасное: одинъ изъ богатѣйшихъ русскихъ монастырей, собравшій немѣтныя сокровища во имя Бога милосердія и любви, во имя молитвъ и дѣлъ добродѣтели, изъ убѣжища нестяжательныхъ, отрѣкшихся отъ міра иноковъ превратился въ гавздо политиканствующихъ монаховъ, людей, которые, злоупотребляя именемъ Божиимъ, несутъ въ міръ скорбь, проклятіе и ненависть.

«Почаевская лавра въ настоящее время—не оазисъ духовный, не прибѣжище для скорбящихъ сердець, ищущихъ утѣшенія отъ земныхъ горестей въ молитвѣ и кроткомъ напутствіи тѣхъ, кто, обманывая Бога и людей, прикрываетъ темнымъ клубкомъ самыя низменные стремленія, а политическая организація, преступная и предъ церквою, и предъ закономъ. Она ведетъ пропаганду противъ введеннаго 17-го октября въ Россію государственнаго строя.

«Достаточно бѣлаго просмотра номера «Почаевскихъ Извѣстій», чтобы убѣдиться, какъ роняетъ самое званіе инока Почаевская лавра, мало того, какъ она принижаетъ челоуѣческое достоинство, какъ она, пользуясь своимъ духовнымъ авторитетомъ, пригиваетъ населенію вредныя понятія. Почаевская лавра выступаетъ именно въ качествѣ политической организаціи. Крупнымъ шрифтомъ она заявляетъ во главѣ своихъ «Извѣстій», что «многія селѣ, принисавшіяся къ союзу (читай: союзу русскаго народа), не получаютъ съ новаго года «Извѣстій» и что лаврѣ непременно нужны адреса всѣхъ союзныхъ селъ».

«А вотъ и исповѣданіе вѣры почаевскихъ монаховъ. Ёхали въ Петербургъ волынскіе депутаты и съ ними, въ качествѣ дядьки, почаевскій іеромонахъ. На одной изъ станцій «толпа молодыхъ жидковъ окружила одного не успѣваго бѣжать-депутата». Достопочтенный служитель алтаря того Бога, который не зналъ ни эллива, ни іудея, отгоняетъ привѣтствовавшихъ депутата евреевъ. Тѣ оправдываются. «Помилуйте, вѣдь, интересно-же людямъ знать избранниковъ народныхъ!». На это іеромонахъ отвѣчаетъ: «Я сказалъ, что интересно знать людямъ, но не вамъ»...

«Пропускаемъ,—говоритъ г. «Спокойный»,—описание путешествія депутатовъ, ихъ прибытія на первое засѣданіе государственной думы. Въ своемъ рвеніи ослѣвать всѣхъ, кромѣ своихъ, іеромонахъ взводитъ покленъ огуломъ даже на гг. министровъ и другихъ высшихъ сановниковъ, присутствовавшихъ на молебствіи и открытіи думы. «Моллился Богу только крестьяне. Всѣ-же паны и господа сидѣли, ходили, кричали, смѣялись, и гадѣли. Не будетъ добра и изъ второй думы!» Оклеветавъ членовъ думы и членовъ кабинета министровъ, «Почаевскія Извѣстія» сообщаютъ: «на лѣвой сторонѣ сѣли бунтовщики, а на правой—истинные сыны родины». При баллотировкѣ «можно было видѣть, какая губернія кого послала къ Царю на совѣтъ: бунтовщиковъ, звѣрей или людей».

«Мы опускаемъ, конечно—продолжаетъ авторъ замѣтки,—множество бранныхъ выпадовъ, потому что, если привести ихъ всѣ, это значить перепечатать цѣликомъ весь гнусный ли-

стокъ. Члены думы, не сидящіе на крайней правой, называются духовнымъ органомъ «людьми, потерявшими все человѣческое и обратившимися въ двуногихъ звѣрей». Съ цѣлью подѣйствовать на престои народъ, рассказываетъ въ трагическихкихъ краскахъ оакомъ-то священникъ: «среди этихъ двуногихъ затесался и батюшка одинъ, но это—не священникъ, а воплощеніе всего того, что есть преступнаго и позорнаго. Онъ велъ себя крайне непристойно, вызываяше. Лицо у него страшное—волосы стриженые. Въ залѣ не выпускалъ изъ зубовъ длинную, предлинную папиросу».

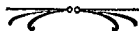
«Можно было-бы посмѣяться надъ этой вылазкой, какъ и надъ слѣдующей, но здѣсь слишкомъ ясенъ психологическій расчетъ на толпу, на массу, чуткую къ внѣшнимъ атрибутамъ сана. Уже навѣрное достаточно длинноволосъ іеромонахъ, сочинявшій для монастырскаго органа эти гадости. Оказывается, «есть Божій человѣкъ въ Петербургѣ, по имени Димитрій. Онъ предсказывалъ, что правымъ партіямъ въ думѣ нужно брать крикомъ сильнымъ. Этимъ крикомъ они побѣдятъ нахальныхъ и наглыхъ бунтовщиковъ». Руководясь мнѣніемъ Божьяго человѣка и обсуждая выборы въ предсѣдатели думы г. Головина и молчаніе правыхъ, не пожелавшихъ привѣтствовать перваго изъ народныхъ избранниковъ, лаврскіе монахи заявляютъ: «нужно было-бы просто оборвать его и, что есть мочи, кричать: «замолчи, измѣнникъ, жидовскій пристебай». Съ сожалѣніемъ констатируютъ «Почаевскія Извѣстія», что крестьяне «по малодушію этого не сдѣлали». Къ великому огорченію смиренныхъ иноковъ, крестьяне-депутаты умнѣе, тактичнѣе и воспитаннѣе своихъ непрошенныхъ наставниковъ».

Вотъ среда, достойнымъ представителемъ которой является іеромонахъ Илюдоръ. Богъ любви, идеаль кротости, думается, весьма далека отъ «черныхъ»,—по крайней мѣрѣ, отъ тѣхъ изъ нихъ, которые человѣконенавиствуютъ на той самой горѣ, гдѣ нѣкогда явилась православному народу Пречистая Матерь Божія.

Б л а ж е н н ы .

Блаженъ, кто любить правду	Судьба, порывы не смягча,
Божью,	И кто въ отвѣтъ ей только пла-
Въ комъ вѣра кроткая чиста,	Не проклиная палача; [четь,
Кто не сквернилъ позорной ло-	Блаженъ и тотъ, кто, умирая,
жью	Врага на жизнь благословить—
И клеветой свои уста;	Ему тѣхъ отверзты двери рая,
Блаженъ, кто страждущаго брата	Къ нему и ангель прилетитъ;
Словами злобы не казнилъ;	Возьметъ онъ душу съ лаской
Блаженны, чья душа объята	Отъ горя вѣчнаго спасетъ [нѣжной
Святымъ огнемъ небесныхъ силъ,	И къ жизни новой безмятежной—
Кому страданье предназначить	Къ Христу-Страдалцу вознесетъ!

А. И. Лавскій.

По поводу статьи „Одесскіе ужасы“.

По поводу компилятивной статьи „Одесскіе ужасы“ („Кладъ“ № 4) редакция получила нѣсколько писемъ. Авторы этихъ писемъ уличаютъ насъ—одни въ „завѣдомой лжи“, другіе въ пристрастія къ евреямъ, третьи—въ безпочвенныхъ нападкахъ на пресловутый „союзъ русскаго народа“. Тонъ нѣкоторыхъ писемъ грубъ, а нѣкоторые написаны, повидимому, людьми интеллигентными. Не съ тѣмъ, чтобы оправдываться предъ неизвѣстными намъ авторами этихъ писемъ, а лишь для того только, чтобы доказать, что мы дѣйствуемъ всегда съ полнымъ прямодушіемъ и откровенностью, печатаемъ мы эти строки.

Прежде всего насъ удивляетъ одно весьма интересное обстоятельство. Всѣ полученныя нами письма или анонимны, или фамилія авторовъ ихъ написана такъ, что нѣтъ ни малѣйшей возможности прочитатъ ее. Анонимность писемъ имѣетъ наименованіе, вполне опредѣленно характеризующее ее, но мы его не будемъ здѣсь приводить—оно понятно; нашъ выводъ нѣсколько мягче, чѣмъ вышеупомянутая характеристика анонимности, мы просто думаемъ, что гг. авторамъ полученныхъ нами писемъ было совѣстно за то, что они написали, и поэтому-то они и постыдились обозначить подъ своими „произведеніями“ свои фамиліи.

Далѣе нѣкоторыя письма обнаруживаютъ поразительное легкомысліе ихъ авторовъ. Такъ, въ одномъ изъ нихъ, украшенномъ изображеніемъ значка „с. р. н.“ и надписью, отпечатанной вязью: „Россія для русскихъ“, авторъ выступаетъ съ критикой германскаго беллетриста-философа Кретцера, очевидно, узнавъ объ его существованіи лишь изъ объявленія. Не имѣя, очевидно, ни малѣйшаго понятія о содержаніи романовъ Кретцера, онъ ставитъ ему въ вину то, что для господина, печатающаго на своихъ письмахъ изображенія знака „с. р. н.“, должно быть особенно пріятно, а именно, что Кретцеръ до извѣстной степени выступаетъ противникомъ социалистическихъ теорій... По нашему мнѣнію, этотъ „господинъ“ изъ одесскаго отдѣла „с. р. н.“ лучше сдѣлалъ-бы, если-бы помолчалъ о томъ, чего онъ не знаетъ. А то его письмо свидѣтельствуетъ, что вышеупомянутый отдѣлъ въ его лицѣ какъ-бы хвастается тѣмъ, что онъ состоитъ изъ невѣждъ.

Другой анонимъ выказываетъ полнѣйшее свое неумѣніе читать то, что напечатано чернымъ по бѣлому. Онъ, напр., приписываетъ намъ исключительно всѣ приведенныя въ статьѣ „Одесскіе ужасы“ сообщенія, не замѣчая, что въ данной статьѣ всюду указано, откуда заимствованы тотъ или другой описываемый случай.

Еще одинъ одесскій господинъ, въ подписи котораго кое-какъ съ помощью лупы можно разобрать слово: „инженеръ“, набрасывается на насъ, чуть не съ пѣной у рта, за то, что мы напечатали такую статью. Да позвольте, вѣдь, въ Одессѣ безобразія были несомнѣнно? Объ этомъ даже говорить петербургское „Освѣдомительное бюро“. А разъ безобразія были, то главный фактъ на-лицо, все-же остальное—детали. Гдѣ-же тутъ ложь, да еще завѣдомая?

Но, можетъ быть, мы виновны въ тенденціозномъ подборѣ газетныхъ сообщеній объ одесскихъ безобразіяхъ? Можетъ быть, одесскій отдѣлъ „с. р. н.“—бѣдная овечка, оклеветанная нами невинность?

Одинъ анонимъ, наиболѣе приличный изъ всѣхъ, упрекаетъ насъ въ томъ, что мы подобрали сообщенія такъ, что „дѣятельность“ одесскаго отдѣла „с. р. н.“ оказалась извращенною. Этотъ анонимъ прислалъ намъ даже вырѣзку изъ „Свѣта“, гдѣ, по его мнѣнію, собрана только одна правда, и предложилъ намъ въ интересахъ справедливости, перепечатать ее. Охотно дѣлаемъ это! Вотъ что говорить „Свѣтъ“.

Но, прежде чѣмъ перепечатывать здѣсь, „что говорить „Свѣтъ“, отмѣтимъ весьма важное обстоятельство. „Свѣтъ“ въ статьѣ, предложенной нашему вниманію, какъ образецъ справедливости, рѣшительно ничего не говоритъ... „Свѣтъ“ перепечатываетъ корреспонденцію „Нов. Времени“ изъ Одессы. „Нов. Время“ испоконъ вѣковъ извѣстно своимъ крайне юдофобскимъ направленіемъ, и ради того, чтобы выдержать это направленіе, часто вкладываетъ въ рассказъ излишнюю субъективность. Поэтому сперва позволительно спросить, насколько присланная намъ вырѣзка не тенденціозна.

Теперь мы приводимъ эту присланную вырѣзку цѣликомъ:

Еврейская и еврействующая печать распространяетъ самыя невѣроятныя слухи о томъ, что происходитъ въ Одессѣ. По словамъ этой печати, члены союза русскаго народа расправляются тамъ самымъ суровымъ образомъ съ политиканствующими студентами и подростками и просто не даютъ житья мирнымъ гражданамъ.

Одесскій корреспондентъ «Нов. Вр.» пытается разобраться въ томъ, что происходитъ въ Одессѣ, и даетъ объ этомъ вполне безпристрастный отвѣтъ. Онъ говоритъ:

Всякій не знающій Одессы и черпающій свѣдѣнія о происхожденіи здѣсь изъ телеграммъ и газетныхъ сообщеній будеть, пожалуй, увѣренъ, что одесскій отдѣлъ союза русскаго народа и въ самомъ дѣлѣ является пригономъ звѣрей во образѣ человѣческомъ и разбойниковъ, не дающихъ житья мирнымъ и добрымъ людямъ и подвергающихъ ихъ и ихъ дѣтей «турецкимъ звѣрствамъ».

Но откинемъ на время гипнозъ, навѣянный шумомъ и гамомъ лѣвой печати, попробуемъ безпристрастно разобраться во всемъ, что происходитъ въ Одессѣ. Несмотря на то, что евреи въ Одессѣ меньше половины общаго числа жителей, все принадлежитъ имъ; большая часть русской интеллигенціи ярко революціонна, и русскому человѣку, не желающему прислуживаться евреямъ, приходится здѣсь очень и очень трудно. Недавно еще, до погрома, русскому человѣку не было и житья въ Одессѣ; евреи на каждомъ шагѣ оскорбляли и ноносили все русское. О своихъ убѣжденіяхъ опасно было и заикнуться. Послѣ погрома все это нѣсколько стихло. Затѣмъ народился союзъ русскаго народа, появился русскій органъ печати и русское населеніе свободнѣе вдохнуло, почувствовало себя далеко не такимъ беззащитнымъ, какъ прежде.

Однако, еврейская печать попрежнему ежедневно поносить и оскорбляеть все русское; попрежнему человѣкъ, заявившій, что онъ русскій и душой, не только тѣломъ, подвергается опасности и свое доброе имя, и жизнь: разныя революціонныя организаци продолжаютъ убійства безранныхъ людей; въ послѣднее время убито много городовыхъ, сторожъ, два капитана пароходовъ, убиты рабочіи за принадлежность къ союзу русскаго народа. Преподаватели гимназій предъ учениками называютъ союзъ русскаго народа хулиганскимъ, читателей русскихъ газетъ хулиганями. Тѣмъ не менѣе, многие изъ молодежи, отцы которыхъ состоятъ членами союза, начали въ послѣднее время открыто носить нагрудные значки союза. Носящаго такой значекъ обыкновенно встрѣчаютъ на улицахъ насмѣшками и оскорбленіями, причемъ, если видятъ, что за это могутъ поплатиться, то преслѣдуютъ исподтишка; если же видятъ свое превосходство, то открыто; значки часто срываются, наносятся побои.

Русскій народъ очень долготерпѣливъ и благодушенъ, но все это перешло чашу терпѣнія и немудрено, что появились слабыя попытки противодѣйствовать наглымъ и зазнавшимся сверхъ всякой мѣры евреямъ и революціонерамъ. Русская молодежь, главнымъ образомъ, подростки, объединилась, вооружи-

лась резинами и принялась избивать своихъ противниковъ. Избиенію подверглись, главнымъ образомъ, студенты и евреи. Характерно, что избиенія вспыхивали послѣ каждаго убійства со стороны революціонеровъ и потомъ опять затихали. Ожесточеніе русской молодежи все возростало; у многихъ появились револьверы; начались перестрѣлки. Въ одной изъ перестрѣлокъ былъ раненъ студентъ Адлеръ, умершій отъ зараженія крови. Это послужило толчкомъ къ тому, что студенты рѣшили закрыть университетъ. Ввиду закрытія университета и попытокъ къ агитаціи въ пользу забастовки среднихъ учебныхъ заведеній, во дворцѣ командующаго войсками было созвано совѣщаніе профессоровъ и начальниковъ среднихъ учебныхъ заведеній. На совѣщаніи было выяснено, что причиной забастовки студентовъ были вовсе не избиенія, а общее положеніе страны, не удовлетворяющее гг. студентовъ; избиенія-же послужили только поводомъ. На совѣщаніи было выяснено также, что объ избиеніяхъ заявили только 8 учащихся среднихъ учебныхъ заведеній (всѣ евреи), а по разслѣдованіи оказалось, что за ними только гнались, но ихъ не избивали. По свѣдѣніямъ-же еврейскихъ газетъ, дѣтей учащихся избивали ежедневно чуть-ли не десятками. На совѣщаніи профессорамъ были показаны, между прочимъ, для сравненія резины въ аршинъ длиною и палецъ толщиною, употребляемыя подростками изъ правыхъ, и тяжелыя палки со свинцовыми шарами на концѣ, фунтовъ 6—7 вѣсомъ, употребляемыя лѣвыми.

* * *

Еврейская часть общества замѣчательно умѣло воспользовалась избиеніями, обративъ ихъ въ свою пользу. Долго власти дремали: случаи избиеній или не провѣрялись, или провѣрялись поверхностно. Союзники также дремали. Тѣмъ временемъ еврейскою печатью расписаны цѣлыя сотни «избиеній». Съ невѣроятной наглою лживостью все приписывалось союзникамъ, поднятъ былъ страшный шумъ на всю Россію. Одно лицо, изъ власть имущихъ, даже стало настаивать на закрытіи союза русскаго народа, и это, какъ оказалось, было главною и сокровенною цѣлью всей «исторіи объ избиеніяхъ».

Проснулись, наконецъ, и власти. Стали провѣрять каждый случай избиеній,—и въ результатѣ оказалось, что, по крайней мѣрѣ, половина всѣхъ случаевъ избиеній сочинена фантазіею репортеровъ или добровольцевъ-провохаторовъ. Въ послѣдніе дни полиціей были запротоколены десятки такихъ случаевъ.

Кромѣ того, задержаны были въ разное время три еврея со значками союза русскаго народа, производившіе избіенія, въ дѣлахъ провокаціи очевидно.

Паникой воспользовались и разныя темныя личности, ничего общаго не имѣющія съ союзомъ русскаго народа. Украшившись значками союза и производя якобы обыски оружія у публики, они грабили обыскиваемыхъ.

Несмотря, между прочимъ, на утвержденія еврейской печати, что мирные граждане и учащіяся избѣгаютъ выходить на улицу изъ опасенія подвергнуться избіеніямъ, Дерибасовская улица съ утра и до ночи переполнена бездѣльничавшею учащейся молодежью и студентами. Два дня послѣ покушенія на жизнь полиціймейстера, въ котораго была брошена бомба, въ квартирѣ предсѣдателя центрального студенческаго органа, студента еврея, были найдены цѣлая лабораторія бомбъ и компрометирующія письма, имѣющія связь съ покушеніемъ.

Итакъ, вотъ та „правда“, о которой трогательно вопіетъ нашъ анонимный корреспондентъ. Попробуемъ нѣсколько поразобратся въ „новременской правдѣ“.

Самое указаніе на органъ, гдѣ эта „правда“ привилась, уже говоритъ о томъ, что цитируемое сообщеніе можетъ быть столь-же тенденціознымъ, какъ и указываемыя статьи одесскихъ газетъ.

Далѣе въ приводимой цитатѣ прямо говорится, что „русская молодежь объединилась, вооружилась и принялась избивать своихъ противниковъ“. Развѣ это не значитъ, что избіенія въ Одессѣ были на самомъ дѣлѣ?

Но далѣе еще лучше и яснѣе. „Ожесточеніе русской молодежи возрастало: у многихъ появились револьверы и началась перестрѣлка“. Значитъ, русская молодежь въ Одессѣ не только „избивала“, но и убивала или въ лучшемъ случаѣ покушалась на убійства. А развѣ одно это — не ужасъ? Развѣ допустимо гдѣ-либо что-нибудь подобное? Въ Одессѣ такой ужасъ оказался вполне допустимымъ, потому что, по словамъ все той-же „новременской правды“, въ Одессѣ „долго власти дремали“.

Что-же это за „власти“, которыя „долго дремлютъ“, когда на улицахъ огромнаго города происходили избіенія и убійства?

„Новременская правда“ признаетъ, что „проснулись, наконецъ“, и „власти“. Но когда? Да тогда, когда послы западно-европейскихъ державъ явились къ русскому министру иностранныхъ дѣлъ въ Петербургѣ и сдѣлали ему соотвѣтствующія заявленія. На основаніи чего? Да на основаніи донесенія своихъ одесскихъ консуловъ, т. е., людей, находившихся въ Одессѣ и своими собственными глазами

видѣвшихъ все, что тамъ происходило. Нужно думать, что одесскіе консулы не стали-бы обращаться къ своимъ посламъ, если-бы въ Одессѣ были тишь да гладь, да Вожья благодать.

„Новоременская правда“ признаетъ, что „темныя личности, ничего общаго съ союзомъ русскаго народа не имѣющія, украсившись значками союза и производи яко-бы обыски у публики, грабили обыски-ваемыхъ“. Что это значитъ? А только то, что въ Одессѣ значекъ союза русскаго народа давалъ право „темнымъ личностямъ“ обыскивать и грабить. Они не стали-бы украшаться имъ, если-бы онъ не доставлялъ имъ такого права.

Нѣсколько выше въ цитируемой корреспонденціи сказано, что даже еврейскіе провокаторы надѣвали этотъ значекъ. Зачѣмъ-бы провокаторы надѣвали на себя значекъ, если-бы его значеніе было совершенно безобидно?

Наконецъ, одесскій отдѣлъ с. р. н., зная все это, видя все это, не принялъ ни малѣйшихъ мѣръ къ охраненію своего достоинства. Онъ допустилъ „темныхъ личностей“ пачкать въ зловонной грязи политическое учрежденіе, онъ допустилъ до того, что всякій, кто только пораздумается надъ одесскими событіями, поставитъ его на ужасный уровень а, вѣдь, жена Цезаря должна быть внѣ подозрѣній“?..

Далѣе, когда „прснудились, наконецъ, власти“, одесскій ген. Каульбарсъ въ рѣчи, обращенной къ с. р. н., не смогъ не указать, что „нѣкоторые его члены допустили недостойныя выходки“, а, вѣдь, это значитъ, что даже „долго дремавшія власти“ косвенно признали несомнѣнную причастность одесскаго отдѣла с. р. н. къ одесскимъ ужасамъ.

Статья „Одесскіе ужасы“ передаетъ только факты, казавшіеся намъ наиболѣе вѣроятными и подтверждавшіеся путемъ сопоставленія сообщений различныхъ газетъ. Теперь мы изъ „новоременской правды“ видимъ, что факты безобразій подтверждаются несомнѣнно. Чего-же еще хотять наши анонимные корреспонденты, приславшіе намъ для перепечатки такое сообщеніе, какое, по ихъ мнѣнію, — „образецъ правдивости“? Мы охотно исполнили это желаніе. Вѣдь, здѣсь въ немногихъ словахъ рассказано то-же, что находится въ основаніи статьи „Одесскіе ужасы“.

Довольны вы, г. анонимъ? Вѣроятно, вы не дали себѣ труда прочитать замѣтку почтенной газеты, хотя и исчертили ее синимъ карандашемъ. Или вы думали, что своимъ подчеркиваніемъ отдѣльных отрывочныхъ словъ и фразъ вы сможете „отвести глаза“ намъ! Бросьте! здѣсь—Петербургъ, а не Одесса, да, вѣдь, и тамъ для союза русскаго народа кончаются золотые денечки. Въ Петербургѣ, да всюду, гдѣ есть уважающіе себя люди, давно уже не вѣрятъ,

что миръ, тишину и народное благоденствіе можно пасаждать рези-нами да пальбой изъ револьверовъ. Пресловутый „союз“ въ январскіе дни Одессы, если-бы хотѣлъ остаться внѣ всякаго подозрѣнія, принялъ-бы мѣры къ прекращенію уличныхъ безобразій, а то опозорили несчастную Россію на весь миръ.

Конечно, право каждого желать того, что ему на умъ взбредеть. Южане къ тому-же—народъ пылкій и порывъ часто извращаетъ въ ихъ глазахъ правду. Поэтому мы отнеслись совершенно спокойно къ негодованію гг. анонимовъ, но въ заключеніе этой замѣтки pro domo sua не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ о нашемъ воззрѣніи на союзъ русскаго народа. Его одесскій отдѣлъ въ достаточномъ освѣщеніи показалъ себя въ январскіе дни, далѣе достаточно припомнить квинтесенское дѣло объ убійствѣ Герценштейна, читать органъ союза „Русское знамя“, послушать рѣчи инока Иліодора, чтобы вполнѣ уяснить себѣ, что это за политическое учрежденіе въ современномъ его видѣ. По мысли своей, по принципамъ, оно одно изъ весьма желательныхъ въ настоящее время для Россіи, такъ какъ, являясь противоположеніемъ чрезмѣрнымъ увлеченіямъ свободолобцевъ, оно сдерживаетъ эти стремленія, сводя ходъ прогресса къ разумной постепенности. Желательна подобная организація и въ силу основной идеи, заложенной въ нее, а именно, сохраненія принципа національности въ государствѣ, такъ какъ только то государство и индивидуально, и сильно, въ которомъ сильно и развито его основное ядро. Нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что мысли, заложенные въ политическую программу союза, искренне раздѣляются милліонами русскихъ людей, но все дѣло, все несчастье его въ томъ, что руководство дѣлами союза попало къ лицамъ, способнымъ дѣйствовать только путемъ физическаго насилія и дальше его никуда не идущимъ. Эти лица подобрали себѣ пособниками рати всевозможныхъ отщепенцевъ и отбросовъ, дѣйствующихъ по найму, и, ставъ во главѣ ихъ, позорятъ Россію безчинствами, опять-таки далѣе насилія никуда не идущими. Они — тоже сѣятели русской смуты въ настоящее время. Вѣдь, смута, откуда-бы и во имя чего-бы она ни шла, все-таки остается смутой. Если въ настоящее время въ союзѣ русскаго народа уцѣлѣли еще любящіе родину честные люди, то прямая обязанность ихъ вырвать власть у насильниковъ, очистить союзъ отъ вредныхъ элементовъ и приступить къ мирной работѣ на поприщѣ, предуказанномъ всѣмъ русскимъ людямъ ихъ Императоромъ. А пользоваться „дремотою властей“, избивать, убивать, грабить людей, какъ это признано, „нововременской правдой“, значить, быть врагами Россіи...

Тайна теріокскаго выстрѣла.

Тайна теріокскаго выстрѣла *) , давно уже ставшая для всѣхъ «секретомъ полишинеля», все еще продолжаетъ тяготѣть надъ русскимъ обществомъ. На-дняхъ, 6 марта, въ приходѣ Кивенепъ, въ Финляндіи, въ третій разъ состоялось засѣданіе уѣзднаго суда по дѣлу объ убійствѣ бывшаго члена государственной думы М. Я. Герценштейна. Составъ суда тотъ-же, что и прежде. Предсѣдательствовалъ ассесоръ выборгскаго гофгерихта Р. Селивъ, поддерживалъ обвиненіе ленсманъ Хюрюлейненъ, интересы вдовы Герценштейнъ защищалъ баронъ Лангеншелль; присутствовали тотъ-же переводчикъ, при помощи котораго велся весь процессъ, тѣ-же 7 присяжныхъ засѣдателей. Появилось только два новыхъ лица—это частный повѣренный П. П. Моравскій и Трухачевъ.

Первый ходатайствовалъ о допущеніи его къ защитѣ обвиняемаго, хотя самъ Александровъ возбуждалъ предъ судомъ объ этомъ ходатайство только лишь по просьбѣ своего неожиданнаго защитника. Послѣ удостовѣренія личности Моравскаго и его правъ, какъ частнаго повѣреннаго, онъ былъ допущенъ къ защитѣ.

Изъ обвиняемыхъ на судѣ попрежнему фигурировалъ одинъ Александровъ. Какъ извѣстно, въ прошлый разъ, 8-го и 9-го февраля, за неявкой остальныхъ обвиняемыхъ дѣло было отложено и судъ постановилъ: заподозрѣнныхъ въ совершеніи убійства Ларечкина, Тоюлова и Половнева арестовать, причемъ у послѣдняго произвести обыскъ; соучастниковъ-же убійства—Юскевича-Красковскаго, Вѣляева и Рудзика подвергнуть приводу въ судъ, а также вновь вызвать Трухачева, на котораго указывали, какъ на автора замѣтки о смерти Герценштейна, переданной въ московскую газету «Маякъ» за 6 час. до убійства.

Теперь Трухачевъ, по сообщенію корреспондента «Сл.», самъ явился на судъ, и переводчикъ отъ имени судьи сообщилъ ему, что онъ будетъ допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля, такъ какъ отъ обвиненія его въ соучастіи публичный обвинитель—ленсманъ отказался.

Затѣмъ судья огласилъ отношеніе прокурора спб. окружнаго суда на имя выборгскаго губернатора, изъ котораго выяснились причины неявки другихъ подсудимыхъ. Вотъ оно:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 13-го (26) февраля с. г. за № 5.367 имѣю честь увѣдомить ваше превосходительство, что, согласно постановленію кивенепскаго уѣзднаго суда, предложено судебному слѣдователю 31-го участка гор. Петербурга: 1) прозвести въ квартирѣ мѣщанина А. Половнева обыскъ съ цѣлью обна-

*) См. „Кладъ“, книгу 5-ю.

руженія возникшей по поводу убійства Герценштейна переписки и другихъ документовъ и 2) распорядиться заключить Половнева подъ стражу для препровожденія въ Выборгскую тюрьму.

„Что касается задержанія Егора Ларечкина и Льва Тополева, то первый изъ нихъ до сихъ поръ поръ еще не разысканъ, а второй проживаетъ внѣ предѣловъ Петербургской губернии, ввиду чего задержаніе его не входитъ въ предѣлы моей компетенціи и можетъ быть сдѣлано не иначе, какъ путемъ сношенія черезъ министра юстиціи, на основаніи 189 ст. учр. суд. уст. Въ томъ-же порядкѣ, по моему мнѣнію, подлежитъ направить требованія о приводѣ Николая Юскевича-Красковскаго, Григорія Бѣляева и Ивана Рудзика и о вызовѣ въ качествѣ отвѣтчика Трухачева и въ качествѣ свидѣтеля Александра Тоора, Якова Крикса и др., ибо, кромѣ вызачи бѣжавшихъ преступниковъ, остальные судебныя требованія исполняются непосредственнымъ отношеніемъ пограничныхъ властей имперіи и княжества на основаніи той-же 189 ст. учр. суд. уст. только въ нетерпящихъ отлагательства случаяхъ, къ каковымъ приводъ и вызовъ перечисленныхъ выше лицъ отнесенъ быть не можетъ, ввиду назначенія засѣданія кивенепскаго суда по сему дѣлу на 6-ое—19-ое марта.

„Кромѣ того, я полагаю, что приводъ обвиняемыхъ черезъ полицію допустимъ по уст. уг. суд. лишь по отношенію къ лицамъ, проживающимъ въ предѣлахъ округа даннаго суда, и можетъ быть по сему дѣлу осуществленъ не иначе, какъ посредствомъ задержанія и препровожденія лицъ, подлежащихъ приводу, по этапу.

„Между тѣмъ, требованія о заключеніи подъ стражу Н. Юскевича-Красковскаго, Г. Бѣляева и Ив. Рудзика со стороны кивенепскаго суда не послѣдовало, ввиду чего къ приводу ихъ представляются затрудненія“.

Въ другомъ отношеніи прокуроръ увѣдомилъ губернатора, что 19-го февраля былъ произведенъ у Половнева обыскъ, не давшій ничего, относящагося къ дѣлу, причемъ самого Половнева дома не оказалось.

Особенно интересно слѣдующее отношеніе: Юскевичъ-Красковскій сообщилъ прокурору, что свид. И. Лавровъ, благодаря подкуну революціонеровъ, ложно показалъ на судѣ, будто-бы онъ, Красковскій, поручилъ Ларечкину убить Герценштейна; Лавровъ не могъ 26-го августа слышать объ этомъ отъ Ларечкина, такъ какъ онъ, по словамъ Красковскаго, находился въ это время въ деревнѣ. По этому поводу было произведено на мѣстѣ дознаніе и выяснилось, что еще 15-го августа Лавровъ уѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ и вполнѣ могъ 26-го бесѣдовать съ Ларечкинымъ.

По оглашеніи документовъ судья предложилъ Трухачеву рассказать относительно сообщенія объ убійствѣ Герценштейна, появившагося въ московскомъ «Маякѣ» за 6 ч. до его совершенія. Трухачевъ отвѣчалъ чрезвычайно подробно съ безпрепятственными отступленіями въ область воспоминаній дѣтства, своихъ знакомыхъ; вообще онъ производилъ впечатлѣніе больного человѣка.

— Я, — говорилъ Трухачевъ, — бывший лицеистъ, былъ офицеромъ; 15 лѣтъ служилъ мировымъ судьей по выборамъ въ Воронежской и Тульской губ.; во время послѣдней кампаніи былъ добровольцемъ. Трижды раненъ; ни къ какимъ партіямъ политическимъ и ассоціаціямъ не принадлежу; мое разстроенное здоровье не позволяетъ мнѣ ни во что вникать, у меня жена умерла, дѣти живьемъ сгорѣли...

Непосредственно относящіяся къ дѣлу показанія Трухачевъ даетъ такія:

— 14-го или 15-го іюля я пріѣхалъ въ Петербургъ и остановился въ «Северной гостиницѣ». Черезъ два дня, переходя черезъ швейцарскую этой гостиницы, я замѣтилъ на доскѣ фамилію Ознобишина (это—одинъ изъ видныхъ дѣятелей московскаго союза русскаго народа), друга моего дѣтства. Я чрезвычайно обрадовался и направился было къ нему, но не засталъ его дома. На другой день ко мнѣ явился нѣкто, отрекомендовавшійся Виталіемъ Виталіевичемъ Казариновымъ. Онъ пришелъ заплатить за номеръ вмѣсто Ознобишина и, узнавъ, что я—его товарищъ и ѣду въ Москву, попросилъ отвезти ему письмо. Письмо Казариновъ обѣщалъ доставить на другой день, а пока мы отправились позавтракать къ Палкину. По дорогѣ я спросилъ у Казаринова, что новаго, такъ какъ въ послѣднее время я не читалъ газетъ. «Болтаютъ многое, — отвѣтилъ Казариновъ, — говорятъ о вызовѣ офицерами на дуэль Винавера, о расчетѣ кровью съ бывшимъ депутатомъ Рамашвили и Джанаридзе, и послѣдняя новость—убить Герценштейнъ, или хотя бы убить Герценштейна». По пріѣздѣ въ Москву изъ объявленія въ газетахъ, подписаннаго Ознобишинымъ, я узналъ, что назначено собраніе союза русскаго народа. Я воспользовался этимъ и поѣхалъ на собраніе съ цѣлью передать письмо Ознобишину, ему же я рассказалъ все слышаннаго мною въ Петербургѣ новости, въ томъ числѣ и объ убійствѣ Герценштейна. На другой день я случайно встрѣтился съ Ознобишинымъ и онъ воскликнулъ: «Николаша, что ты надѣлалъ! нашъ вчерашній разговоръ кто-то подслушала, Герценштейнъ только что убитъ, а въ «Маякѣ» появилось извѣстіе объ убійствѣ за шесть часовъ раньше». Я тотчасъ поѣхалъ объясняться къ градоначальнику ген. Рейнботъ и къ начальнику охраннаго отдѣленія—они успокоили меня, зная нашу фамилію. Впослѣдствіи, прочитавъ въ газетахъ замѣтку о моемъ соучастіи въ убійствѣ, я былъ возмущенъ, отправился къ прокурору спб. суда и просилъ его извѣстить киевскій судъ, что я не скрываюсь.

Во время допроса слѣдующихъ свидѣтелей: священ. Бѣлтистова, станціоннаго служителя въ Терюкахъ, служанки и бывш. «союзника» Якова Крикса, частный повѣренный Моравскій пытался задавать вопросы, но судья его останавливалъ словами:

— Вы защищаете одного Александрова, а эти показанія его не касаются.

Моравскій заявилъ, что его задача установить алибі Александрова во время убійства Герценштейна, въ подтвержденіе чего онъ просилъ вызвать 4-хъ свидѣтелей и выдать ему въ переводѣ коннѣ всего производства, чего-бы это ни стоило.

Изъ всѣхъ допрошенныхъ свидѣтелей наиболѣе интересныя п важныя для дѣла показанія далъ Яковъ Криксъ.

Онъ, самъ будучи членомъ «союза русскаго народа» и зная его тайны, рассказывалъ о нихъ суду. Криксъ работалъ на Невскомъ заводѣ; весной прошлаго 1906-го года онъ былъ уволенъ и въ мартѣ записался въ «союзъ русскаго народа». Сторжемъ въ помѣщеніи союза служилъ обвиняемый Александровъ. Относительно Ларечкина Криксъ сказалъ буквально слѣдующее:

— Ларечкинъ за Невской заставой въ Прогонномъ переулкѣ убилъ изъ револьвера рабочаго Мухина, я самъ былъ очевидцемъ. Въ началѣ мая ко мнѣ пришелъ Лавровъ и позвалъ къ начальнику боевыхъ дружинъ союза, Юскевичу-Красковскому. Послѣдній спросилъ меня, когда мы явились, согласенъ-ли я убить директора Семянниковскаго завода Гиншуса? Я былъ безъ работы, голодалъ и сказалъ ему: «Согласенъ, только дайте денегъ». Послѣ Красковскій продолжалъ давать мнѣ деньги, но, видя, что я его порученія не исполняю, въ августѣ выгналъ меня изъ союза. Относительно убійства Герценштейна мнѣ дважды рассказывалъ Ларечкинъ—одинъ разъ у меня въ квартирѣ, въ присутствіи Лаврова и Булавина, а вторично—въ конторѣ союза при тѣхъ-же лицахъ и Зоринѣ; первый выстрѣлъ произвелъ въ Герценштейна, по словамъ Ларечкина, Половневъ, а второй онъ — Ларечкинъ. Надо мной Ларечкинъ все смѣялся, что я даромъ получалъ деньги, а вотъ онъ хорошо исполнилъ свое дѣло.

Свидѣтели Ханканенъ, Ванкала и Толпій видѣли предъ убійствомъ трехъ подозрительныхъ русскіхъ; кромѣ Александрова, одинъ былъ высокій черный въ очкахъ, а другой—поменьше, рыжій.

Александровъ на вопросъ судьи объяснилъ, что это были Рудникъ и Половневъ.

Свидѣтель Илень случайно слышалъ, какъ Пироговъ говорилъ ночью какимъ-то русскимъ, что на новомъ курортѣ убили человека и шпионъ получилъ за это 30.000 р.

Пироговъ, подтве, дивъ слова Илена, объяснилъ, что одинъ изъ русскіхъ самъ хвастался, что если убьетъ, то получитъ 30.000 р., а нѣтъ—то застрѣлится.

Свидѣтели Пессу и Пехтеля узнали въ карточкѣ Ларечкина лицо, видѣнное ими въ Теріокахъ.

Свидѣтель Булаевъ, бывший членъ «союза русск. народа», совсѣмъ молодой и, видимо, сбитый съ толка варень, сильно волнуясь говорилъ, что слышалъ отъ Зорина, будто Ларечкинъ признавался ему, Зорину, въ убійствѣ Герценштейна.

Послѣ вопроса этого свидѣтеля какъ обвинитель, такъ и представитель интересовъ вдовы Герценштейна ходатайствовали объ отсрочкѣ дѣла, о приводѣ всѣхъ обвиняемыхъ, о вызовѣ свидѣтелей Головкина, Казаринова и Тхора и о производствѣ обыска въ квартирѣ Юскевича-Красковскаго и его кабинетъ въ помѣщеніи союза русскаго народа.

Защитникъ Александрова также просилъ вызвать свидѣтелей: Комиссарова, Морозова, Киселева и Власова.

Судъ опредѣлялъ: дѣло отложить до 3 апрѣля, арестовать Юскевича-Красковскаго, произвести у него обыскъ для выясненія переписки и всѣхъ обвиняемыхъ подвергнуть приводу.

* * *

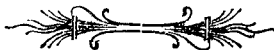
Тайна теріокскаго выстрѣла не успѣла еще увѣчатъся достойнымъ концомъ («*fiat iustitia—pereat mundus!* Да возсіяетъ правосудіе—пусть погибнетъ міръ!»—этотъ старинный принципъ свято блюдется въ маленькой Финляндіи!), какъ вся Россія очутилась предъ новой „тайной“: предъ „тайной московскаго выстрѣла“. Не успѣли еще смолкнуть слова премьеръ-министра о томъ, что военно-полевые суды нужны, какъ цѣлебное средство противъ кровопролитія смуты, въ Москвѣ былъ убитъ фактичeskій редакторъ газеты „Русскія Вѣдомости“, Григорій Борисовичъ Іоллосъ, бывший депутатомъ въ первой государственной думѣ, другъ покойнаго Герценштейна.

Іоллосъ былъ безобидный, миролюбивый человекъ, открыто заявившій, что онъ—врагъ всякой борьбы, кромѣ борьбы убѣжденій. Онъ былъ въ свое время приватъ-доцентомъ московскаго университета, высшее образование получилъ, кромѣ кіевскаго университета, въ заграничныхъ университетахъ—strasбургскомъ и гейдельбергскомъ. По убѣжденіямъ, это былъ чистѣйшей воды конституціоналистъ, и притомъ конституціоналистъ высокой честности и яснаго пониманія сущности конституціонализма—не то, что наши „доморощенные“ Милюковы, Джапаридзе, Аладьины и Ю. Это онъ блестяще доказалъ тѣмъ, что, вмѣстѣ съ тоже убитымъ московскимъ депутатомъ первой думы Герценштейномъ, отказался отъ всякаго причастія къ пресловутому „выборгскому“ воззванію, признавая его мѣрою не конституціонною. Широкою извѣстность покойный получилъ своими статьями по финансовымъ и экономическимъ вопросамъ.

Убитъ былъ Г. Б. Іоллосъ днемъ, когда возвращался домой изъ редакціи „Русскихъ Вѣдомостей“. Когда онъ проходилъ по М. Никитской ул., изъ-подъ воротъ дома Торопова, предсѣдателя „областной управы союза русскаго народа“, дома, въ которомъ помѣщается редакція архи-черносотенной московской газеты «Вѣча», той самой, въ которой недавно было напечатано, за подписью упомянутаго Торопова, заявленіе, гдѣ обѣщано было за каждаго убитаго агента правительства убивать редакторовъ и сотрудниковъ московскихъ прогрессивныхъ газетъ.

Весьма характерно то обстоятельство, что въ день убійства Іоллоса въ петербургскомъ «Русскомъ Знамени» подъ рубрикой „Дѣятельность союза русскаго народа“, вмѣсто какихъ-бы то ни было сообщеній, появился большой черный крестъ, а подъ нимъ была помѣщена перепечатанная изъ московскаго «Вѣча» статья почаевскаго инока Іллудора, въ которой этотъ служитель Христова алтаря призывалъ православныхъ смѣшивать свою кровь, съ кровью «животныхъ» (т. е., всѣхъ, кто не раздѣляетъ «кровавыя убѣжденія» этого инока).

Убійца Іоллоса, конечно, благополучно скрылся и будетъ ли онъ найденъ, кто съ увѣренностью можетъ сказать это?

Подвигъ.

Есть подвиговъ много... Кто въ тяжкой борьбѣ
 Для брата забудетъ на мигъ о себѣ,
 Кто прочь не уйдетъ отъ опасности явной,
 Тотъ подвигъ свершаетъ великій и славный.
 Жизнь наша земная—сплошная борьба,—
 Надъ міромъ царитъ лишь слѣпая судьба,
 Рокъ—мать для однихъ, для другихъ-же гонитель,
 Однимъ онъ палачъ, а другимъ—покровитель.
 Съ нимъ нужно бороться, какъ съ злѣйшимъ врагомъ,
 Куда ни пойдѣ, сторожить онъ кругомъ
 И ставить вездѣ западни и преграды:
 Здѣсь пропасть явилась, тамъ—горы-громады—
 И чтобъ подъ напоромъ судьбы уцѣлѣть,
 Всѣ эти преграды должно одолѣть—
 Оставить въ прошедшемъ и безды, и скалы.
 Но силы людскія и слабы, и малы...
 А шлетъ на пигмея могучій титанъ
 Одинъ за другимъ безъ конца ураганъ,—
 И гибнуть борцы, не оставивъ и слѣда.
 Но въ гибели этой таится побѣда:
 Кто будетъ сраженъ, то онъ жертвой такой
 Доставитъ другимъ на мгновенье покой
 И отдыхъ желанный, и сладость забвенья...
 На долгій-ли срокъ? О, пусть лишь на мгновенья.
 Но въ нихъ возродится вновь силы запасъ
 И пламень, который чуть-чуть не угасъ
 Въ бореньѣ съ судьбой беспощадно суровой,
 Опять запылаетъ предъ битвою новой.
 И въ жертвѣ такой дивный подвигъ укрытъ—
 Кто жизнью своею другихъ защититъ,
 Погибнувъ въ борьбѣ непосильной, неравной,
 Тотъ подвигъ свершаетъ великій и славный.

Осипъ Кудинъ.

Великая смерть.

Статья А. И. Лавинцева.

Во второй половинѣ февраля, какъ разъ въ тѣ дни, когда вся Россія была охвачена пыломъ выборной борьбы, когда всѣ умы были заняты только мыслями о думѣ, о „правыхъ“, о „лѣвыхъ“, о черносотенцахъ, о „эсъ-эрахъ“, о томъ, въ теченіе сколькихъ часовъ ихъ „не разгонять“ изъ Таврическаго дворца, когда они соберутся въ него, дабы судить и рядить о пришедшихъ въ сильное разстройство всероссійскихъ дѣлахъ, — около Петербурга была принесена великая жертва наукъ, лучше сказать, великая жертва любви: умеръ, послѣ недолгой, но смертельной съ момента заболѣванія болѣзни, скромный военный врачъ Мануиль Федоровичъ Шрейберъ. Эта смерть, для многихъ прошедшая не замѣченною, эта смерть человѣка, имя котораго множеству людей рѣшительно ничего не сказало, если только вдуматься въ нее, — смерть геройская и самъ покойный — одинъ изъ великихъ героевъ нашего времени. Прикомандированный къ военно-медицинской академіи старшій врачъ 11-го восточно-сибирскаго полка Мануиль Федоровичъ Шрейберъ скончался въ 11^{1/2} час. ночи на 18-е февраля, заразившись во время научныхъ опытовъ чумой на фортѣ императора Александра I-го въ Кронштадтѣ.

Чума, это — одинъ изъ величайшихъ бичей человѣчества, тѣмъ болѣе страшный, что и донынѣ нѣтъ еще въ медицинѣ средства, путемъ котораго можно было бы бороться съ нимъ. Помните, читатель, страшную „черную смерть“, отъ которой массами гибли люди въ средніе вѣка? Это и есть чума, великое бѣдствіе, ужасное въ силу того, что и доселѣ оно является еще неотвратимымъ.

Родина этого ужаса — Азія. „Колыбель человѣчества“ вмѣстѣ съ тѣмъ богата постоянно и смертью. Иногда эта смерть вырывается изъ этой части свѣта, и тогда

начинается повсюду, куда-бы она ни пожаловала, ея страшный пиръ. Посмотрите русскій официальный органъ „Правительственный Вѣстникъ“ и вы увидите, что съ его столбцовъ не сходятъ анонсы о неблагополучныхъ по чумѣ мѣстностяхъ. Не далѣе, какъ въ прошломъ году, ждали чуму изъ Персіи, и сколько тогда сердцежь невольно вздрагивало отъ ужаса ожиданія—голодь, смута, то и дѣло возстанія инородцевъ, военно-полевые суды, все расширявшаяся и расширявшаяся дѣятельность дубровинцевъ и, въ довершеніе всего,—чума! Къ счастью, рокового визита не послѣдовало и страдающая Россія была избавлена отъ новаго стихійнаго бѣдствія.

Скажемъ здѣсь, пользуясь нѣкоторыми учеными трудами, о чумѣ, какъ о страшной болѣзни, объ ея признакахъ, о распространеніи и о теченіи ея въ человѣческомъ организмѣ. Это необходимо, по нашему мнѣнію, уже потому, что съ такимъ страшнымъ врагомъ жизни каждый долженъ быть близко знакомъ.

Колыбелью чумы, какъ сказано выше, является Азія. Первые упоминанія о чумѣ въ исторіи находимъ подъ II вѣкомъ по Рождествѣ Христовомъ, когда чума свирѣпствовала на сѣверѣ Африки. Затѣмъ въ половинѣ VI в. византійскіе историки отмѣчаютъ „Юстиніанову чуму“, охватившую Сирію, Египеть и Малую Азію и прорывавшуюся въ Новый Римъ, т. е., въ Константинополь. Здѣсь она свирѣпствовала около четырехъ мѣсяцевъ и уносила въ острый свой періодъ отъ 5.000 до 10.000 человѣкъ ежедневно. Трупы тогда валялись всюду и не хватало рукъ, чтобы убирать ихъ. Населеніе мѣстностей, охваченныхъ чумой, въ ужасѣ разбѣгалось повсюду и такимъ путемъ страшная эпидемія распространялась по всей Европѣ. Благодаря этому, всюду на нашемъ материкѣ завелись гнѣзда чумы и происходили то и дѣло болѣе или менѣе сильныя ея вспышки. Въ IX и X вѣкѣ чума произвела страшныя опустошенія въ Европѣ. Въ 1096 году чума появилась уже въ Россіи—въ Кіевѣ, гдѣ въ короткій промежутокъ времени она повалила болѣе 10.000 человѣкъ. Крестовые походы весьма способствовали распространенію страшной эпидеміи. Четырнадцатый вѣкъ отмѣченъ замой страшной по своему развитію чумной эпидеміи.

Около 1334 г. чума была занесена въ Европу изъ Китая, гдѣ отъ нея погибло болѣе пяти миллионовъ людей. Въ Европѣ эпидемія достигла высшей своей силы. Во многихъ мѣстностяхъ вымерли поголовно всѣ жители. Историки увѣряютъ, что въ эту чуму погибло свыше 25 процентовъ всего населенія Европы. По своему характеру это была самая страшная форма чумы: чумная пневмонія. Послѣ этого эпидемія замѣтно ослабѣла и ея вспышки были уже спорадическими. Последній разъ чума свирѣпствовала въ южной Европѣ въ началѣ XVII вѣка, и унесла она тогда свыше пятидесяти тысячъ жизней. Съ того времени она почти прекратилась на западѣ Европы, но зато облюбовала себѣ Балканскій полуостровъ, Польшу и Россію.

Нашей родинѣ пришлось очень и очень страдать отъ чумы. Кромѣ кievской эпидеміи XI столѣтія, чума появлялась въ Россіи въ XIII вѣкѣ и со страшной силой свирѣпствовала въ XIV вѣкѣ. Особенной силой отличалась эпидемія въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Рязани, Коломнѣ, Переяславлѣ и Москвѣ. Въ нѣкоторыхъ городахъ перемерло все населеніе; въ Смоленскѣ къ концу эпидеміи остались въ живыхъ только десять жителей, но самымъ страшнымъ было то, что чума послѣ этого внѣдрилась въ русскою землѣ, свила на Руси постоянное себѣ гнѣздо и ея вспышки, правда не особенно сильныя, никогда не прекращались. Въ царствованіе Бориса Годунова эпидемія вдругъ разыгралась со страшной силой, и вновь съ народнымъ голодомъ. Одному только тогдашнему правительству пришлось похоронить своими мѣрами свыше 130.000 труповъ, сколько же было всѣхъ жертвъ—неизвѣстно. Затѣмъ съ особенною силою отличалась вспышка чумы черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ годуновской—въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Чумою были охвачены Поволжье, Украина и даже Новгородская область. Затѣмъ вспышки чумы произошли въ войскахъ Петра Великаго (въ Лифляндскую войну); а въ царствованіе императрицы Анны чумой была захвачена Малороссія и, наконецъ, чума при императрицѣ Екатеринѣ II появилась въ 1769 г. въ русскихъ арміяхъ, дѣйствовавшихъ въ Малороссіи и Валахїи, и отсюда перекинулась, или, вѣрнѣе, была перенесена уже сперва на югъ Россіи—въ

Кіевъ, а затѣмъ и въ Москву. До сихъ поръ еще памятенъ чумной бунтъ 1770 г., когда былъ убитъ обезумѣвшею чернью архіепископъ Амвросій. Послѣ этого, особенно во время войнъ въ Малой Азіи, то и дѣло наблюдались вспышки чумы въ войскахъ и, наконецъ, извѣстна ветлянская чума 1878 г. Эта вспышка была весьма грозною, но, къ счастью, распространенію чумы былъ удачно положенъ конецъ.

Только всего двадцать лѣтъ тому назадъ доказано одновременно, но независимо другъ отъ друга, бактериологами — французскимъ Іерсеномъ и японскимъ — Китасато, что чума порождается особою бактеріей, короткой овалной палочкой, столь короткой, что она имѣетъ сходство съ шарикомъ. Чумная бактерія лишена органовъ передвиженія, размножается прямымъ дѣленіемъ и въ человѣческой организмъ попадаетъ чаще всего черезъ кожу, а затѣмъ черезъ дыхательные органы. Послѣднее происходитъ при вдыханіи мелкораспыленныхъ чумныхъ бациллъ, и покойный Шрейберъ, о смерти котораго сказано въ началѣ этой статьи, заразился чумой какъ разъ при опытахъ надъ этимъ распыленіемъ. Однимъ изъ факторовъ распространенія чумы являются крысы и мыши, разбѣгающія повсюду при появленіи чумы и заражающія послѣ своей смерти почву, зерновой хлѣбъ и прочее.

У людей чума появляется какъ то сразу. Начинается она ознобомъ, потомъ у заболѣвшаго начинается болѣть голова, чувствуется сильнѣйшее головокруженіе, происходитъ рвота и температура поднимается до 40—41. Все это—такіе симптомы, которые для обыкновеннаго смертнаго указываютъ лишь на обыкновенную, хотя и сильную лихорадку. Затѣмъ вдругъ наступаетъ страшная слабость, все тѣло какъ-бы разбито, въ передней части головы боль все усиливается, наступаетъ апатія, черты лица искажаются, начинается разстройство рѣчи, и лишь послѣ этого выясняется форма заболѣванія: бубонная, пневмозическая, кожная. При первой формѣ на четвертый, пятый день начинается около бубоновъ омертвеніе, затѣмъ они превращаются въ ужасные нарывы и въ результатъ тяжелая смерть отъ асфикціи, т. е., отъ остановки кровообращенія. Чумная пневмонія, т. е., воспаленіе легкихъ, напоминаетъ собой гриппъ и

выздоровленіе при этой формѣ почти невозможно. При вскрытіи труповъ умершихъ отъ чумной пневмоніи въ воспаленныхъ участкахъ при ничтожномъ эскудатѣ (накопленіе жидкости) находили миріады бациллъ. Кожная форма, сравнительно съ двумя предыдущими, наименѣе опасна. Смертность отъ чумы громадна: она нерѣдко достигаетъ до 90 и даже 97 процентовъ заболѣванія. Наибольшая заболѣваемость падаетъ на возрастъ отъ 20 до 30 лѣтъ.

Все, что здѣсь сказано о чумѣ, сказано лишь вкратцѣ, но думается, что нѣкоторое понятіе о чумѣ вышеприведенныя свѣдѣнія все-таки даютъ.

Докторъ Шрейберъ заразился чумой черезъ дыхательные пути, работая съ чумными бациллами въ специальной лабораторіи на фортѣ. Онъ находился до самой смерти почти въ полномъ сознаніи. Онъ самъ первый открылъ у себя въ мокротѣ чумную палочку.

Умеръ М. Ф. Шрейберъ въ расцвѣтѣ силъ, ему было всего 41 годъ. Началъ онъ работать на фортѣ съ научною цѣлью еще три года тому назадъ. По объявленіи русско-японской войны, онъ былъ вызванъ въ полкъ, съ которымъ и принималъ участіе въ дальневосточной кампаніи. Будучи на войнѣ, д-ръ Шрейберъ участвовалъ въ специальной командировкѣ по изученію чумы въ Манчжуріи, а послѣ окончанія войны снова вернулся на фортъ, гдѣ занялся продолженіемъ своихъ опытовъ съ чумными бациллами.

Въ 1904 г., работая въ той-же лабораторіи форта, д-ръ Шрейберъ былъ свидѣтелемъ смерти отъ чумы своего товарища, завѣдывавшаго тогда лабораторіей въ Кронштадтѣ—д-ра Выжникевича, за которымъ онъ все время ухаживалъ. Какъ извѣстно, д-ръ Выжникевичъ, занимаясь изученіемъ способовъ зараженія чумой черезъ легкія, самъ заразился этимъ путемъ и умеръ 7-го января 1904 г. Докторъ Шрейберъ—вторая жертва въ борьбѣ русскихъ людей съ чумой. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Вѣнѣ погибъ при опытахъ надъ чумными бактеріями д-ръ Миллеръ, на котораго весь ученый міръ возлагалъ большія надежды. Предыдущіе примѣры не остановили самоотверженнаго героя. Онъ пошелъ въ это страшное мѣсто, гдѣ уже гибли въ непосильной борьбѣ другіе герои, и самъ погибъ.

Вотъ къ кому болѣе, чѣмъ ко всевозможнымъ ма-
ніакамъ смуты, можно было-бы отнести слова: „Вы жер-
твами пали въ борьбѣ роковой“.

Да, эти люди гибли, стремясь избавить человѣче-
ство отъ ужаснаго бича. И много, много изъ этихъ ге-
роевъ чаще всего никому неизвѣстны, никѣмъ не за-
мѣчаемы. Недавно въ Парижѣ одинъ врачъ при-
вилъ себѣ туберкулезныя бактеріи, въ Кіевѣ извѣстенъ
врачъ, производившій себѣ прививки сифилиса; въ
Петербургѣ предъ войной одинъ молодой врачъ, все-
цѣло преданный своему великому дѣлу, проглотилъ
разводки тифозныхъ бациллъ, чтобы узнать, какъ раз-
вивается болѣзнь, приобрѣтенная такимъ путемъ, и,
цѣною двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ между смертью
и жизнью, получилъ желанныя свѣдѣнія. Много, много
ихъ беззавѣтрахъ, но славныхъ. Правдивъ былъ поэтъ,
когда сказалъ:

«Подвигъ есть и въ сраженіи Высшій подвигъ въ терпѣніи
Подвигъ есть и въ борьбѣ— И въ любви и мольбѣ».

„Доктора Шрейбера, — говорить въ „Руси“ И. Ко-
стинъ, — я хорошо знаю, какъ неутомимаго труженика
медицинской науки, самоотверженно бросавшагося
всюду, гдѣ онъ надѣялся найти хотя что-нибудь для
себя новое, интересное, никогда не считаясь съ грозя-
щей опасностью. Онъ прямо смотрѣлъ ей въ глаза и
зналъ, на что идетъ.

„Смерть докторовъ, работающихъ въ такихъ лабора-
торіяхъ, какъ чумный фортъ Александра I, — явленіе пе-
риодическое, повторяющееся, сравнительно, довольно часто.
Ее нельзя предотвратить, несмотря ни на какія пред-
осторожности, которыхъ такъ много принимается на
этомъ фортѣ.

„Доктора знаютъ, на что они идутъ, такова ихъ
работа, таковъ ихъ святой долгъ. Шрейберъ часто гово-
ривалъ въ обществѣ друзей о своихъ работахъ, о той
опасности, какая ему грозитъ на фортѣ, всегда съ не-
измѣнной добродушной улыбкой:

„— Что-же это за докторъ, если онъ одинъ-наодинъ
со смертью поговорить не сумѣетъ!..

„Онъ давно уже работалъ въ лабораторіи на фортѣ.
Война оторвалъ его на цѣлыхъ два года отъ научныхъ
занятій и лишь послѣ ея окончанія онъ снова вернулся

на фортъ. Уставъ отъ кампаніи, онъ словно отдыхалъ въ работѣ—весь какъ-то оживился, повеселѣлъ, радуясь, что можетъ приняться за любимое дѣло“.

Заразившись 14-го февраля, докторъ Шрейберъ въ тотъ-же день самъ изслѣдовалъ мокроту и увидѣлъ въ ней чумную палочку. Тогда, не теряя времени, онъ сѣлъ писать предсмертныя распоряженія и затѣмъ удалился въ изоляціонную комнату. До послѣдней ночи Шрейберъ былъ въ полномъ сознаніи и даже отвѣтилъ на телеграмму своихъ петербургскихъ друзей—семьи доктора Грязнова, пославшей ему привѣтъ и пожеланія выздоровленія. Шрейберъ три года тому назадъ самъ ухаживалъ за докторомъ Выжинкевичемъ, точно также заразившимся чумой и умершимъ у него на рукахъ.

Умеръ Шрейберъ въ расцвѣтѣ силъ и здоровья, имѣя всего 41 годъ отъ роду. Прахъ покойнаго, послѣ сожженія, рѣшено оставить въ особой урнѣ на фортѣ.

Противочумная станція, гдѣ произошелъ этотъ случай, находится у Кронштадта на фортѣ императора Александра I. Этотъ фортъ представляетъ собой искусственно созданный среди моря островокъ, уступленный лабораторіи Императорскаго института экспериментальной медицины для устройства станціи по изслѣдованію чумы, холеры и тифа. Эта станція имѣетъ научно-практической характеръ. Находящіеся тамъ врачи производятъ и научныя изслѣдованія и занимаются изслѣдованіемъ противобубонно-чумныхъ препаратовъ. На станціи имѣется достаточное количество различныхъ животныхъ, которымъ производятся прививки чумы. Процессъ производства прививокъ является однимъ изъ самыхъ опасныхъ для врачей, работающихъ на станціи. На станціи, кромѣ больного г. Шрейбера, находились еще слѣдующіе 4 врача: И. М. Берестневъ—завѣдывающій станціей, И. З. Шуруповъ, И. И. Шукевичъ и Л. В. Падлевскій. Кромѣ врачей, на фортѣ находятся жандармскій унтеръ-офицеръ и 26 служителей. Въ соприкосновеніе съ больнымъ входили врачи и двое служителей, то есть, всего шесть человѣкъ.

Въ обыкновенное время фортъ поддерживаетъ сношенія съ внѣшнимъ міромъ лѣтомъ при помощи собственнаго парохода „Фортъ Александра“, зимой—по

льду. Нѣкоторые изъ врачей имѣютъ въ городѣ семьи и посѣщаютъ ихъ. Послѣ обнаруженія чумнаго заболѣванія фортъ былъ совершенно изолированъ и сношенія происходили только при помощи телефона. Чтобы получить провіантъ, медикаменты и прочіе необходимыя припасы, обыватели форта сообщали о своихъ требованіяхъ по телефону въ Кронштадтъ, оттуда все это посылалось къ форту, но къ самому форту не подвозилось, а оставлялось въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ его стѣнъ. Люди, привезшіе кладъ, быстро уходили, а изъ форта выбѣгали служителя и забирали привезенное. Эти служителя, такъ называемые „дворовые“, не входятъ въ соприкосновеніе съ больнымъ и лицами, ухаживающими за нимъ. Такимъ образомъ, получается тройной карантинъ. Всѣ вообще служителя вольнонаемные и исполнены сознаниемъ своего долга.

Страхъ предъ чумой такъ великъ, что даже наслѣдство д-ра Шрейбера возбуждаетъ опасенія. „Петербургская Газета“ сообщаетъ, что 19-го февраля въ одинъ изъ петербургскихъ банковъ явились супруги Павловскіе и предъявили лежащія въ особой металлической коробкѣ чекъ и свидѣтельство съ подписью доктора Шрейбера, умершаго отъ чумы въ чумной лабораторіи въ фортѣ Кронштадта. Чекъ и свидѣтельство были желтаго цвѣта и подписаны Шрейберомъ 17-го февраля, то есть, за день до смерти. Желтый цвѣтъ бумаги былъ слѣдствіемъ специальной дезинфекціи. Банкъ немедленно денегъ не уплатилъ, ссылаясь на то, что докторъ Шрейберъ уже умеръ. Когда супруги Павловскіе заявили протестъ, то коробку съ чекомъ понесли показать члену правленія банка. Онъ долженъ былъ рѣшить, можно-ли заплатить по чеку. Несшій чекъ ударился локтемъ о дверь и въ одно мгновеніе... чекъ и свидѣтельство о подлинности подписи врача Шрейбера обратились въ мелкій пепелъ. Къ счастью, эти документы видѣли многіе служащіе банка, которые могутъ удостовѣрить, что подписи были схожи съ прежними подписями Шрейбера.

Но страшная гостыя Александровскаго форта не удовольствовалась: она какъ-будто требуетъ и еще жертву: въ лабораторіи по изготовленію противобубонночумныхъ препаратовъ на фортѣ императора Але-

ксандра I въ Кронштадтѣ 21-го февраля заболѣлъ прикомандированный къ Императорской военно-медицинской академіи врачъ 4-го кавказскаго стрѣлковаго баталіона Падлевскій, у котораго обнаружены—повышенная температура (38,5), легкая припухлость и сильная болѣзненность подмышечныхъ железъ при общемъ относительно хорошемъ состояніи здоровья. Къ вечеру того-же дня температура повысилась до 39,4° С., но особаго ухудшенія въ состояніи здоровья больного не послѣдовало.

По мнѣнію завѣдующаго лабораторіей, можно допустить вѣроятность зараженія доктора Падлевскаго при вскрытіи трупа умершаго отъ чумы врача Шрейбера.

Директоръ Императорскаго института экспериментальной медицины, не исключая въ данномъ случаѣ возможности заболѣванія путемъ зараженія, допускаетъ и другое предположеніе, а именно, что наблюдаемая у больного явленія могли быть вызваны реакціей организма послѣ произведенныхъ ему въ большемъ количествѣ предохранительныхъ прививокъ, какъ это и наблюдалось въ 1904 г. въ означенной лабораторіи во время массовыхъ предохранительныхъ прививокъ персоналу лабораторіи, по случаю обнаруженнаго тамъ чумнаго заболѣванія, когда у лицъ, подвергшихся прививкамъ, было также отмѣчено значительное повышение температуры, припуханіе лимфатическихъ железъ, боль въ суставахъ и бредовыя явленія.

Согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ отъ 23-го сего февраля, въ состояніи здоровья доктора Падлевскаго наступило замѣтное улучшеніе.

23-го февраля, въ 12 часовъ дня, докторомъ Н. М. Берестневимъ, завѣдывающимъ лабораторіей на фортѣ Александръ I, было сообщено въ Петербургъ по телеграфу: „Мѣстныя явленія значительно улучшились, боль исчезла, свободно двигаетъ рукою, железы не больше, температура стала падать, сегодня 38,7, пульсъ и самочувствіе хорошіе. Мы всѣ здоровы“.

Л. В. Падлевскій является, по словамъ „Пет. Листка“, жертвой привязанности къ своему покойному другу—врачу М. Ф. Шрейберу, при которомъ во время его болѣзни находился почти безотлучно. Они были знакомы еще давно, до поступленія М. Ф. Шрейбера на

фортъ, и какъ разъ Л. В. Падлевскій, посвятившій себя еще студентомъ борьбѣ съ заразными болѣзнями, главнымъ образомъ, и склонилъ своего покойнаго друга отдаться этой отрасли врачебной науки.

Л. В. Падлевскому въ настоящее время 87 лѣтъ. Еще будучи студентомъ военно-медицинской академіи, которую онъ окончилъ около 10 лѣтъ назадъ, онъ вѣдиль на борьбу съ холерной эпидеміей. Во время боксерскаго возстанія, онъ находился въ рядахъ нашего отряда и по взятіи Пекина заболѣлъ опасной формой тифа, который едва не свелъ его въ могилу.

По выздоровленіи, лишь немного возстановивъ свои силы, Л. В. Падлевскій рѣшилъ отправиться на изученіе чумы, никогда не прекращающейся въ Южной Манчжуріи. Съ этой цѣлью онъ откомандировался въ Инкоу, откуда за нѣсколько мѣсяцевъ до войны перевелся на фортъ Александра I. Изъ Инкоу Л. В. Падлевскій привезъ съ собою культуры манчжурской чумы, не имѣвшіяся раѣе въ Кронштадтѣ. Здѣсь онъ присутствовалъ при болѣзни и смерти В. И. Выжинкевича.

Когда началась война, Л. В. Падлевскій сначала былъ направленъ въ Портъ-Артуръ, затѣмъ его полкъ отступилъ на сѣверъ и все время находился на передовыхъ позиціяхъ, участвуя во всѣхъ бояхъ.

По окончаніи войны онъ сначала былъ командированъ въ Японію для изученія постановки въ ней санитарнаго дѣла. Успѣшно выполнивъ порученіе, Л. В. Падлевскій опять перевелся на свое излюбленное дѣло въ Кронштадтѣ, на фортъ Александра I.

Среди врачей, окружающихъ больного, держится надежда на счастливый исходъ. Форма заболѣванія Л. В. Падлевскаго—бубонная, не столь опасная, какъ легочная, жертвой которой палъ М. Ф. Шрейберъ. Кромѣ того, Л. В. Падлевскому уже три раза дѣлалась противочумная прививка: въ Инкоу, во время болѣзни Выжинкевича-Турчиновича и на-дняхъ, когда аболѣлъ М. Ф. Шрейберъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТР.
Восторги и охлажденіе. (Иллюстрація момента) . . .	3
Заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ, прочитанное въ государственной думѣ 6-го Марта 1907 г.	8
Правительство предъ лицомъ думы. Статья <i>Н. В. Алексеева</i>	19
Засѣданія государственной думы. 1) 2-го Марта, 2) 6-го Марта, 3) 7-го марта, 4) 9-го марта, 5) 12-го марта и 6) 13-го марта	29
Вѣтеръ. Стихотв. <i>Ф. Х. Горбачева</i>	51
Около думы. Статья <i>А. И. Лаврова</i>	52
Новой думѣ. Стих. <i>Ф. Х. Горбачева</i>	61
Жизнь и дѣятельность партій	62
Въ государственномъ совѣтѣ	68
Гурко-лидваліада	74
Бѣлые и черные	82
Блаженны. Стих. <i>А. И. Лавскаго</i>	88
По поводу статьи «Одесскіе ужасы»	90
Тайна теріокскаго выстрѣла	97
Подвигъ. Стих. <i>А. И. Эльскаго</i>	101
Великая смерть. Статья <i>А. И. Лавинцева</i>	102

Литературно-художественный
ЖУРНАЛЪ И ГАЗЕТА
 (29-й годъ изданія)
 съ многочисленными
 бесплатными приложениями
 Изданіе А. А. КАСПАРИ.

„РОДИНА“

Въ 1907 г. (29-мъ году изданія) „РОДИНА“ попрежнему будетъ служить удовле- творенію потребностей читателей въ художественной литературѣ и обще- образовательныхъ знаніяхъ и, слѣдя за явленіями новой русской жизни, будетъ выѣмать изъ партійныхъ изданій, освѣщающихъ русскую жизнь съ той точки зрѣнія, въ основѣ которой лежатъ разумная свобода, правда и культурное развитіе великой политически-единой Россіи.—Каждый подписчикъ получить въ 1907 г.:

12 книгъ СОЦІАЛЬНЫХЪ РОМАНОВЪ извест. писателя М. КРЕТЦЕРА

24 книги (новаго политико-экономич. и литерат.-научнаго журнала) „**КЛАДЪ**“

12 книгъ РОМАНОВЪ и ПОВѢСТЕЙ современныхъ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

6 книгъ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

6 книгъ для ПРАКТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.
 (Сочиненія по машиннѣ, ольскому хозяйств. и пивоводству.)

Ежегодныя изданія
 „РОДИНЫ“ списаны
 выдать и вложить въ
 ОБОЛОЖКУ.

62 БЕСПЛАТНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЯ: 12 № МОДНАГО ЖУРНАЛА, 12 № „ДРУГЪ ДѢТЕЙ“, 12 листовъ выкроекъ, 12 лист. рисунк. любит. раб., 12 лист. УЗОРОВЪ для рукодѣл., ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЬ и КАЛЕНДАРЬ-справочникъ на 1907 г.

208 № { 52 №№ иллюстрирован. литературнаго ЖУРНАЛА, 52 №№ политическ. и общественной ГАЗЕТЫ, 52 №№ иллюстрирован. „ВСЕМИРНО: ОБОЗРѢНІЕ“, 52 №№ иллюстр. „РАЗВЛЕЧЕНІЕ въ часы отдыха“.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА изданій „РОДИНА“ за ГОДЪ.

РАЗСРОЧКА допускается 2.	Безъ достав- ки въ С.-Пе- тербургъ	5 р. 50 к.	Съ достав- кой въ С.-Петер.	6 р.	Безъ достав- ки въ Москвѣ	5 р. 75 к.
	Съ пересыл- кой по всей Россіи	6 р. 50 к.	РАЗСРОЧКА: первый взносъ при подпискѣ 1-го марта—2 руб., 1-го іюня—1 руб., 15-го августа—остальные.		2 р.	

Въ видѣ ПРЕМІИ за ДОПЛАТУ въ ПЯТЬДЕСЯТЬ (50) коп
НОВАЯ БОЛЬШАЯ КАРТИНА-ОЛЕОГРАФІЯ

„ВЪ ЛУЧАХЪ СВОБОДЫ“

Величайшее благо — СВОБОДА дарована изстрадавшейся Россіи. Эта воздуш- ная, какъ облако, ясная, какъ лучезарное солнце, прекрасная посланница небесъ нисходитъ на русскую землю и отъ нея льются животворящие лучи, которые про- буждаютъ Русь-великому чену къ новой свѣтлой жизни, стоящей безмѣрно дале- ко отъ прежняго гнетущаго мрака. Миръ, прогрессъ и благоденствіе явятся, какъ послѣдствіе появленія СВОБОДЫ. Вся Русь страстно стремится къ ней и съ горячимъ восторгомъ кричитъ: пусть долге зданную гостью, молитвенно склоняясь предъ нею.

Для лицъ, не состоящихъ подписчиками, цѣна этой новой картины-олеографіи одинъ рубль пятьдесятъ коп. [1 р. 50 к.]

Деньги за КАРТИНУ-ОЛЕОГРАФИЮ „ВЪ ЛУЧАХЪ СВОБОДЫ“ можно высылать совместно съ подпиской.

ПОДПИСКА на журналъ „РОДИНА“ адресуется въ

ИЗДАТЕЛЬСТВО А. А. КАСПАРИ: С.-Петербургъ, Лиговская, д. 114.
 или въ его отдѣленія: 1) С.-Петербургъ, Садовая, 20 и 2) Москва, Петровскія линіи.